

Калевские Мирсы

БУДЬ МОЕЙ ВЕДЬМОЙ

Елена Звездная

Annotation

Самый вредный из людей — это сказочный злодей. А что делать, если злодей влюбился? Да не в кого-нибудь, а в тебя? Причем не просто злодей, а внук самого Кощяя, который по вредности, злобности и расчетливости знаменитому предку не уступит, а вот обаяния и наглости у него куда как поболее будет. А еще он ревнивый собственник, чем и гордится. И тут уж не помогут ни армия воинственных белок, ни избушка на курьих ножках, ни все Яги разом. Да даже фолиант говорящий и обучательный не спасет. Кстати, а вы в курсе, зачем сказочному злодею паспорт любимой девушки?

- [Елена Звездная](#)
 -
 - [Эпилог](#)
-

Елена Звездная

БУДЬ МОЕЙ ВЕДЬМОЙ

Избушка на куриных ножках... другая, не моя. Лиса огромная, ростом с человека, а потому в зеленом сарафане и такого же цвета кокошнике, осторожно поправляет покрывало, укутывая меня. Две Яги за столиком с чаем, тихо шепчутся обо мне... Я, свернувшись калачиком, лежу на лавке, глотая слезы... Глупо, да?!

«— Ты для меня ничего не значишь!

— Но почему тогда ты плачешь? Почему тогда ты плачешь?

— Я для тебя ничего не значу.

— Но почему тогда я плачу, почему тогда я плачу?»

Вот так и я сейчас! Он ведь не играл, ему было больно. И я с огромным сожалением вынуждена признаться самой себе — мне тоже очень больно. Сердце словно медленно рвется на части...

Что меня ждало бы со Стужевым — постель однозначно, инициация в ведьму или чего он там хотел, и няшка эта издевательская... Ведь ничего хорошего... совсем. Тогда объясните мне кто-нибудь, что со мной творится и сколько можно беззвучно плакать?! Тот самый случай, когда душа требует забыть о разуме и обстоятельствах... А разум настойчиво твердит холодную, жестокую, болезненную правду:

— Маленькая, — старшая баба Яга присела рядом, — хватит себя терзать. Нельзя было иначе, понимаешь, нельзя.

Я понимаю... я все понимаю... он сволочь, просто сволочь, я понимаю...

— Уже вечером ты будешь дома, с мамой, папой и Ромочкой.

Слезы потекли быстрее.

— Хочешь остаться?

Отрицательно мотнула головой.

— Маленькая, — ведьма осторожно погладила по мокрой щеке. — Не грусти, Риточка, коли судьба вам вместе быть, так хоть знать будет, ирод бессмертный, что дорога ты ему.

Слезы высохли. Мгновенно. «Коли судьба вам вместе быть, так хоть знать будет, ирод бессмертный, что дорога ты ему»? Недоверчивый взгляд на бабу Ягу, женщина улыбнулась в ответ.

— А я дорога ему? — тихий вопрос.

— Больше, чем он тебе. — Яга улыбнулась.

— А...

— Чай? — перебила меня ведьма.

— Малиновый? — шепотом спросила я.

— Мятный, с малиновым вареньем и пирожками.

— Пицца? — все так же шепотом.

— Да мы вернуться не успели, как съели ее и три последующие, пока ты плакала.

— Ззвери бессовестные! — Я села, подтянула колени к подбородку.

Яга поднялась, взяла чашку и, вернувшись, протянула мне. Мятный чай удивительный напиток — теплый, когда пьешь, оставляющий вкусный холодок во рту, едва слоготнешь, и очень мысли прочищающий.

— Маленькими глотками и не спеши, — посоветовала Яга.

Я и пила — очень медленно, неспешно, задумчиво глядя на притихшую печку... не мою, моя мне казалась симпатичнее. Хотя однозначно побелить нужно, а то чумазая совсем. И вообще ремонтник сделать и занавесочки поменять, и...

— Ты приходишь в себя, — с улыбкой сказала Яга.

— В смысле?

Ведьма забрала у меня уже пустую чашку, взяла зеркало со стола и дала мне. Осторожно повернула зеркальной поверхностью, взглянула на себя и перестала дышать — белая, молочно-белая кожа, черные изогнутые брови, длинющие смоляно-черные ресницы, пушистые, длинные и густые, как накладные; темно-зеленые глаза, розовые припухшие после всех рыданий губы, ну нос тоже красный, куда ж без этого... Я — красавица. Удивительная потрясающая и причем абсолютно без косметики!

— Очень красивая, — подтвердила Яга.

Из темно-зеленых глаз покатились слезы.

— Ну что такое? — Она осторожно забрала зеркало.

А я...

— И кто я теперь? — вопрос дался с трудом. — Ведьма?

— Ты? — добрая улыбка. — Ты Маргарита Ильева на Земле и двенадцатая Яга на Терре. Избушка и нечисть сказочная в твоем хозяйстве остаются, и ты нужна им, Рита. Очень нужна.

— Я же на Земле буду, — напомнила едва слышно.

— Терра — твой дом, огонь — твоя стихия, коснись огня и подумай о доме — печь перенесет на Терру, домой или куда пожелаешь.

Удивленно смотрю на печь. Надо же — портал, а еще пироги печет.

— Так вот почему печка есть в каждой избушке, — догадалась я.

— Не только. — Яга смотрела на меня с такой доброй улыбкой, словно родная любимая бабушка, не осуждая и не поучая, просто принимая такой, какая я есть, — но именно очаг хранит силу твоего огня. — Она снова погладила по волосам. — И огонь в твоей печи должен гореть всегда.

Запихаю в нее с десяток зажигалок на всякий пожарный.

— А чего еще у меня в хозяйстве любопытного? — поинтересовалась я.

— Все, — просто ответила Яга.

— Так, а шабаши устраиваем? — Мне стало все интересно.

— Собственно, мы — нет, но от приглашений ведьминских не отказываемся и на Лысую гору летаем. Опять же с чертями поговорить бывает полезно.

— Ага, — я задумалась и продолжила допрос: — А учиться магии я буду?

— Конечно. — Улыбка Яги становилась все шире. — Кот Ученый к тебе недаром приставлен, а на совете экзамены устраивать станем, как и полагается. Чтобы в круг войти, долго учиться нужно.

Ой, мля-а-а!

— И сколько мне грызть гранит науки? — спросила осторожно.

— Ты у нас смышеная, — начала с комплимента ведьма и добила, — лет за сто управишься.

— Что? — взвизнула я. — Люди столько не живут, честно!

Яга весело расхохоталась. А отсмеявшись, огорчила меня:

— На Терре ты бессмертна и у тебя всегда будет тот возраст, в котором ты Ягой стала. На Земле если останешься, постареешь, но возвращаясь сюда, каждый раз будешь терять печать времени.

— Ой...

— Не удивляйся. — Снова такая добрая улыбка. — Это всегда очень забавно наблюдать, как дряхлая старушка, остающаяся на Земле исключительно ради правнуков, которым непременно нужно помогать, ступает на Терру задорной девчонкой.

— А потом умирает? — едва слышно спросила я.

— На Земле — да, здесь — нет. Мы живем очень, очень и очень долго.

— И?.. — Нет, спросить я не смогла.

Но Яга каким-то немыслимым образом поняла мой вопрос и спокойно ответила:

— Большая часть из нас — уже коренные жительницы Терры, но четверо, как и ты, совмещают две жизни.

Грустно как-то стало.

— Кстати, шабаш совсем скоро, хочешь с нами?

Конечно, я сказала «Да!». Но жестоко со стороны Яги было сообщить:

— Только если сдашь первый экзамен.

Млин!

— И при условии, что ты не будешь связываться с младшим Кощеем.

Трижды млин!

Вообще о Стужеве вспомнила зря... сразу слезы на глазах.

— Ты очень сильная Яга, Рита, но до первого экзамена ты беззащитна, — наставительно произнесла ведьма. — А пока не научишься защищать себя, не стоит встречаться с теми, кто беззащитностью воспользуется.

Очередная истина от бабы Яги.

— Я бы оставила тебя здесь, пока не научишься, — продолжила ведьма, — но твое сердце рвется домой. Мое будет разрываться от тревоги, да только удерживать тебя я не в праве.

Я с благодарностью кивнула и тихо спросила:

— Моя идея с армией пойдет?

— Она гениальна, — похвалила Яга. — Регулярная армия — идеальный вариант для защиты территорий. Белочки и ежи — сами по себе достаточно опасны, но волкодавы и драконы превращают армию Терры в реальную угрозу. Так что до твоего посвящения мы не просто протянем, мы сумеем покинуть болота. Не все, правда, твоя избушка и изушки еще четырех ведьм останутся здесь.

— Почему?

— Когда вы возвращаетесь на Землю, они уязвимы, — пояснила ведьма.

— Ага. — Глубокомысленное замечание.

Впрочем, меня посетила не менее глубокая мысль.

— О чем задумалась? — поинтересовалась ведьма.

— О том, что все маленькие бабки Ёжки должны начинать карьеру с шалости, — откинула покрывало, вскочила, потянулась и, разминая шею, добавила: — К тому же ничто так не успокаивает нервы, как шопинг, вот. Я это, возьму драконов пока, вы не против?

— Нет. — Яга с улыбкой смотрела на меня. — Далеко собралась?

— Недалече, — призналась я. — На границу, потом домой.

* * *

Ограбление века... в смысле няшек.

Действующие лица:

Я — главный вор.

Кот Ученый — подстраховка.

Стая гусей-лебедей — на стреме.

Лиса Патрикевна — дополнительная страховка для стрема.

Серый Волк — взломщик.

Орда драконов, затаившихся в кустах, — наше прикрытие.

Воинственные Белки на подхвате.

Великие Боевые Ежи в засаде, на другой стороне моста.

Место действия: опушка сказочного леса.

— Повторяю, — громко шепчу братьям-налетчикам, — я даю сигнал, Серый Волк указывает место, Лер Огненнокрылый выжигает нам проход.

— А я смогу? — спросил дракон с приподнятым ртом.

— Драконье пламя может практически все, и уж тем более дыру вырезать вам проще простого. В крайнем случае выбьешь стекло.

— Мы, мы выбьем! — раздается тоненький рев.

— Марш на позиции, — шепотом командую белкам.

Два бойца, поправив каски, поверх бандан надетые, потопали к лесу. От уходящих белочек донеслось:

— Злится, мля...

— Ведьмы — они все такие, наша еще хорошая, — авторитетно ответила вторая.

И вот как объяснить моему воинству, что, глядя на два пушистых удаляющихся хвоста, постоянно хихикать хочется. А эти себе еще и каски придумали — нашли где-то гигантские орехи, теперь ломают и скорлупки в зеленый цвет перекрашивают. Улучшают снаряжение, в общем. А волкодавы им завидуют и тоже каски хотят!

— Не отвлекаемся, — скорее себе, чем остальным, сказала я. — Итак, Лер Огненнокрылый выламывает окно, дальше — по схеме. Сгребаем, завязываем в тюки, тащим в избушку и там ждем меня.

— Долго? — спросил Серый Волк.

— Что «долго»? — не поняла я.

— Ждать?

— Ну... день, может, два... Не, один день, — решила я.

— Понятненько. — Кот Ученый прикрыл глаза и протянул: — Писса...

— Иродушка за балычком поехал, — продолжила Лисичка.

— Гад Змеевич за сырами. — Волк мечтательно погладил себя по

пузыку.

— Быстро вернусь, — решила я. — И начнем ремонт избушки!

— Ыыы... — застонало мое воинство.

Вот ленивые, все в хозяйку.

— Все, я пошла, — сообщила зверям и решительно вылезла из кустов.

Дом я обошла совершенно спокойно, вошла тоже без проблем — дверь, правда, тихо скрипнула. В домике не оказалось никого! Совсем. Ни няшек, ни Георгия Денисовича, ни даже темных, и потому я успокоилась и приступила к исполнению задуманного.

Пройдя по коридору, подошла к двери в кладовке. Секунда, вторая — и я уверенно вошла. Ни тебе сигнализации, ни воя, ни даже дверного скрипа. А вот за дверью — Копи царя Соломона на фольклорно-сказочный манер!

Но я не стала хватать все подряд, я поступила умнее — прошла через всю кладовую, подошла к стеночке и осторожно по ней постучала. С другой стороны раздался ответный стук, но левее. Стучу снова — ответный стук приблизился. Еще стучу — и вуаля: волчик постучал совсем рядом. Ударяю кулаком со всех сил и торопливо отхожу.

И вот я где-то читала, что у драконов пламя бывает разное — но чтобы увидеть воочию... Такое впервые! В общем, это было узконаправленное пламя, и этим огнем дракон вырезал аккуратный круг, в метр диаметром примерно, собственно, в бревенчатой стене. И когда обугленный по краям кругляш отвалился, Лер, оскалив пасть зубастую, вопросил:

— Как?

— Ух, здорово! И аккуратно так!

— Старался, — скромно ответил дракон. — А окно вышибать будем?

— Да незачем уже, — я улыбнулась. — Ну, начали.

И мы начали полный основательный и конкретный вынос всего имущества фэнтезийных няшек. Сначала я таскала все и передавала, потом... Да запарилась я! Тут столько наворованного оказалось. В итоге мы закрыли дверь, ведущую в домик, и белки приступили к планомерному выносу имущества. Мечи складывались в шелка и бархат, плотно упаковывались, связывались на манер вязанки. Через час у нас были нагружены все драконы, и стало ясно, что Волк, Лиса и Кот полетят домой на метле — посадочных мест для них не осталось, так как четырех драконов предусмотрительно оставили для перевозки Воинственных Белок и Боевых Ежиков. А не прихватизированными оставались доспехи какого-то воина, и я бы их бросила, но Кот Ученый важно сказал:

— Надо брать.

— Они волшебные? — оглядывая опустевшие полки, спросила я.

— Нет, — не стал врать котяра, — но мне воровать понравилось.

Ворюга, подвид — начинающий, диагноз — уже запойный.

Чему я народ учу?

— Ну если сам потащишь, можешь брать, — я вообще очень добрая баба Яга.

Сказочная интелигенция недоверчиво глянула на меня и елейно так:

— Волк, брат, подъ сюды.

Через пятнадцать минут перегруженная метла, скрипя и вихляя, уносила в горизонт Лису, Кота и закованного в броню Волка. Кот оказался жмотом и уволок даже занавески с окна и запас мыла из душевой. Лисичка была более прагматичной и вынесла все скатерти-самобранки, обнаруженные в домике. Белки втихаря от меня зажилили пиво. Застукала только в момент взлета дракона — бутылки, увложенные вместе с ящиками, звякали очень характерно. Молча погрозила белкам кулаком, в ответ раздалось шепотом восторженное «Мля-а-а». Шепотом, потому как инструктаж перед делом был четким и ясным — не орать, говорить только тихо.

Ежи в дележе добычи не участвовали, на стреме были, но, судя по взглядам на белок... пиво хвостатым придется делить на всех.

В итоге дом был чист, пуст и готов к ремонту. На линии горизонта исчезали черные точки — мое улетающее воинство. У меня под мышкой имелась книга, которую выдал мне Кот, со словами «Прилетишь — проверю». Что проверит, не конкретизировалось, но я так поняла, что и меня, и книгу, и вообще все.

И вот я стою, все улетели, грустно так... А черные точки почему-то сменились черными смерчами. Тремя огромными черными смерчами, которые, сверкая молниями, приближались на невероятной скорости...

Несколько секунд тупо смотрела на выверты природных явлений... Затем начало доходить... А потом стало поздно!

Огромный вихрь, оглушительно прогремев, застыл на мосточеке взбешенным Демоном. Тот, которого я считала Игнатом, замер изваянием ярости. Потемневшая кожа, заостренные уши, тугой хвост иссиня-черных длинных волос, высокий ворот плаща — длинного черного с резким орнаментом по подолу. Одежда странная — черная с зелеными рунами рубашка до середины бедра, зауженные брюки, высокие сапоги. А еще откровенно пугали его унизанные черными кольцами руки с длинными когтями. Короче, он не няшка, он этот, Монстр Най... Хотя тоже нет, те добрые, а этот просто-таки Обитель Зла, но в стиле аниме.

— Рита... — голос у этого Игната был низким, глубоким, бархатным

даже.

— Игнат, — мило улыбаясь, тоже сказала я.

Бежать все равно смысла не было — эти вмиг догонят, но план спасения имелся: в домик, через дырку в стене, в лес, пробежка, дверь, выход на Землю. Нет, теоретически был еще шанс с зажигалкой, но предварительно надо было бы хоть почитать про телепортацию, а я все время на вынос няшенского имущества потратила. Два смерча приблизились к мосту, но вмешиваться темные не стали, продолжая косить под природное явление.

— Рита, — почему-то снова повторил Демон.

— Игнат. — Что, ему можно, а мне нельзя?

— Рррита! — Раскосые, абсолютно черные глаза начали яростно сужаться.

Ну и надоело мне все это, а потому нагло поправила гордым:

— Между прочим, уже Яга!

Но вместо адекватного чего-либо, Игнат снова прорычал:

— Рррита!

Заклинило его, что ли? В любом случае с этим пора было заканчивать, а потому спокойно интересуюсь:

— Что?

И темный успокоился. Мгновенно. Прямая спина, расправленные плечи, взгляд свысока. Ууу, какие мы гордые.

— А, я поняла, — тяну ехидно, — это тебя после природной стихии заклинило, вот ты и повторял бесконечно «Рита».

Деградация в обозленного монстра в рекордно короткие сроки была продемонстрирована тут же.

И тут прозвучало:

— Дайрем, несомненно, в ведьмах есть что-то особенное, загадочное и притягательное, но не забывай о цели нашего появления. — Глубокий голос урага Херарда я узнала.

Улыбнулась и весело сказала:

— Здравствуйте.

Черный смерч мгновенно обратился уже знакомым мне темным, и мужчина отвесил полуироничный поклон. Не менее иронично сделала книксен. Несмотря на позерство мне откровенно жутковато стало.

Ну и понесло почему-то:

— Убивать меня будете? — невинно поинтересовалась я.

Ураг улыбнулся, укоризненно покачал головой и произнес:

— Рита-Рита, в женщина должна быть тайна, загадка, интрига, а

прямолинейность вас совершенно не красит.

Нормально! Но ничего, собрались, мило улынулись, вежливо ответили:

— Понимаете, — кокетливо хлопая длиннющими ресничками, начала я, — тайна — это прекрасно, но не тогда, когда имеешь дело с темными, чьи мотивы еще темнее, чем они сами.

Получи фашист гранату! В смысле: жри чеснок, вампирюга... Нет, опять не то.

— Мм, сколь изысканный комплимент. Рита, вы меня восхищаете.

И он так это сказал, с такой интонацией, что волосы я поправила, как-то совсем не задумываясь, а еще почему-то вспомнила, что на мне надето, и... Это что сейчас было?! Это мне хочется нравиться темному?!

— Что-то не так? — участливо осведомился ураг Херард.

— Впервые почувствовала себя настоящей женщиной, — откровенно призналась я.

— Скорее желанной, — с намеком произнес он.

Щеки опалило жаром. Опытный, обаятельный злодей-обольститель — убойный коктейль! Ему бы тренинги по пикапу вести. А потом в сознании вспыхнула цепочка — жар — жар-птица — мост. И главное, помнила же про мост, мы потому тут на драконах и летали, чтобы на него не становиться, но вот почему Демон стоит и мост не шелохнется? Или потому что он на нем сразу оказался, а жар-птица как-то по-другому закодировала? В общем, я подумала, что идеальный способ проверить уравнение, это сложить 1+1 и таким образом...

Мило улынулась урагу Херарду. Тот не менее мило улынулся мне и спокойно спросил у Демона:

— Просканировал?

— В доме пусто, в окрестностях никого. Инициация Яги не завершена, защиты на ней никакой, ведьмой не является и уже не будет.

— Да? — с некоторой долей ленивого удивления переспросил ураг Херард. — С первого взгляда подумал, что вы, Рита, особенная девушка. Не ошибся.

— Да? — в свою очередь удивилась я.

А вообще стою тут как дура, а меня уже и просканировали, и все заценили, и похвалить успели. Темные — одним словом. И ведь знаю уже, что эти вообще ничего, совсем ничего просто так не делают! Вот и этот пока мне зубы заговаривал, Демон все просканировал — сканер анимешный!

Короче, у меня остается два варианта, начнем использовать оба:

— Ураг Херард, — держим улыбку, — можно вас на пару слов?

Ураг удивленно изогнул бровь, но направился ко мне. Демон изобразил предупреждающий жест, и темный остановился, так и не вступив на мост. Сам Игнат старательно хмурился, словно силился что-то понять и никак не мог.

— Кстати, вопрос, — с самым невинным видом продолжила я, — а вы женаты?

На лице урага отразилась победная усмешка, и он тихо произнес:

— Дайрем, придется тебе уступить старшим.

Игнат хмуро взглянул на меня, хмыкнул и так же негромко ответил:

— Не придется.

Капризно надув губки, я требовательно позвала:

— Ураг Херард!

Темный торжествующе взглянул на Игната и шагнул на мост.

Это было сравнимо с фейерверком! Не знаю, как жар-птица зачаровала мост, но сработало просто потрясающе! Мост вспыхнул огнем, затрещал, заискрил и... взорвался сказочным фейерверком, распугав всех птиц в округе! Ну и одну Ягу, которая опрометью бросилась к домику.

Бежала я очень быстро, памятуя о третьем темном, который тоже не стоял на месте и гудящим черным смерчем рванул мне наперерез!

Я врезалась в него с размаху. Влетела, больно ударившись лбом в твердокаменный живот, от удара отлетела и шлепнулась прямо на тропинке. А темный... темный перестал быть смерчом и застыл, потрясенно глядя куда-то за меня. Подхватив оброненную книгу, я вскочила, повернулась к зрелицу, потрясшему темного, и... снова выронила многострадальный учебник магии.

Потому что из речки вылезало двое! Двое мокрых, злющих, в обгорелой одежде... блондинов! Золотые кудри рассыпались по плечам, белоснежная кожа сверкала на солнце, небесно-голубые глаза от оғигея округлились. И ураг Херард, и бывший Игнат стояли и в полном шоке смотрели друг на друга, причем обоим явно мешал ореол сверкающих вьющихся завитыми локонами волос! И мускулатура у них так сказочно набухла, и вообще, если бы не прически, то выпитые богатыри! Бород не хватало...

В следующее мгновение глаза у темных округлились еще больше, потому что у обоих бывших темных, в местах, где все было выбрито до скрипа, полезла вьющаяся мелкими спиральками золотисто-рыжая борода! Так вот откуда брались богатыри былинные, которые могучие и всех круче!

Но любоваться превращениями темных было бы глупо! Я нагнулась,

вновь подхватывая книгу, выпрямилась и рванула, в надежде обогнуть темного. В следующее мгновение поняла, что напрасно переставляю ноги! У темных реакция оказалась просто ух, и несмотря на шок, третий умудрился схватить меня за шиворот и удерживать, пока два его сотоварища обрастили бородами.

— Не так быстро, — насмешливо сказал мне монстр, продолжая держать на весу.

— Да куда уж медленнее, — прохрипела я, удушаемая воротом рубашки.

Темный отпустил, развернул спиной к себе и резким движением намотал мои волосы на кулак — свой, блокируя даже попытку пошевелиться. И мне оставалось только смотреть, как оба русских бородатых богатыря вспыхнули черным огнем и снова стали темными — Херардом и Дайремом. А затем разом посмотрели на меня...

— И пришел мне Шаман Кинг, — простонала перепуганная я.

— В смысле? — зло спросил ураг Херард.

— В смысле умру, стану призраком и возглавлю против вас призрачное войско, — изрекла я туманное подобие угрозы.

Темные разом усмехнулись, и бывший Игнат произнес:

— В ближайшие лет пятьсот подобное нам не грозит.

Вспомнила слова Стужева про то, что темные свои игрушки любят и жизнь им продлевают лет на пятьсот. Поняла, что Кощеевич не врал! Стало плохо... совсем. И жутко очень и...

— Что за ...! — Ураг Херард вдруг обернулся, потирая затылок.

Рука темного, сжимающего мои волосы, сжалась, заставляя вскрикнуть. В следующее мгновение кто-то вскрикнул... не я.

— Какого ...?! — Дайрем тоже оглянулся, и тоже потирая голову.

«Белочки?!» — мелькнула надежда.

— Это... это что?! — зарычал темный, меня удерживающий, потирая... пусть будет бедро.

А затем разом и из-за всех кустов раздалось:

— В атаку!

И на ошалевших темных помчались... грибочки! Терра не дремлет! Окрыленная поддержкой, я со всей силы ударила темного по коленке, и едва тот, захрипев, выпустил из захвата мои волосы, рванула к домику. Бежала — как никогда в жизни не бегала. И едва вбежав, заперла двери, заорала грибочкам:

— Отступаем!

Писклявые голосочки оборвали меня торжествующим:

— Огонь!

Выглянула в окошечко и замерла — есть такие грибы-вонючки, наступиши на него, он лопнет и такая гнильца серовато-синяя облачком разойдется. Так вот то на Земле, а тут грибы атаковали темных струями направленного гнилого потока! Не хватало только выкриков «Пли!».

Темные были в ступоре секунд тридцать, но едва приготовились дать отпор, грибы бросились прочь, смешно подпрыгивая и разбегаясь в разные стороны. И были тут и белые, и поганки, и мухоморы, и лисички, и даже опята! И... трое взбешенных темных помчались к дому.

И я поняла, что не успею! Не успею, и все! Эти и в лесу догонят. Мне нужен огонь, срочно!

Рванула к нашей кухне, вбежала и начала торопливо искать спички. У них тут самовар был, не электрический. Значит, должны быть спички, или зажигалка, или...

Дверь рухнула, прежде чем я даже взгляном успела осмотреть помещение. Затем раздалось:

— Карра эш, ураг Херард, уэрэ, морак Усар, дэкье.

Вот жешь мля — одним словом! Я постаралась дышать, просто дышать, а еще двигаться беззвучно. А потом мой взгляд упал на скатерть-самобранку, каким-то образом незамеченную моим вороватым воинством. Хотя сразу ясно почему — она была грязная, скомканная и валялась в углу. Торопливо хватаю скатерку, расстилаю прямо на скамье, прячась за столом, и слышу, как распахнулась дверь. Темный!

Торопливым шепотом начинаю упрашивать:

— Скатерть, миленькая, пожалуйста, дай свечк...

Тяжелые ладони легли на мои плечи, вынуждая вздрогнуть. Темные двигались бесшумно, вот его и не услышала.

— Усар? — предположила я.

— Морак Усар, — подтвердил темный, и пальцы с когтями прошлились по моим плечам, коснувшись шеи осторожными поглаживающими движениями.

Вдох, выдох и не дрожать, Ритка! Мля, как страшно...

— А... что вы делаете? — спросила слабеющим голосом.

— Мм, еще ничего, — протянул темный.

Пуговица расстегнулась сама, за ней вторая, рубашка соскользнула с плеча. Меня затрясло, но держусь и едва слышно так:

— Скатерочка, миленькая, пожалуйста, дай именинный пирог с... — запнулась, — девятнадцатью свечечками, а? Отпразднуем начало моей взрослой жизни.

Темный захочотал. Смех был громкий, издевательский и с нотками торжества.

— Нашел? — раздалось из дома.

— Да, — ответил морак Усар.

— Пожалуйте, — сказала скатерка.

И прямо на расстеленной на скамье ткани появился торт! С кремом, сливками взбитыми, шоколадкой присыпанный и девятнадцатью зажженными свечами! Я слышала, как приближаются Дайрем и ураг Херард, точнее, переговоры на языке темных, смех, едва те вошли в столовую... Я все слышала, но смотрела на огонь, танцующий на фитиле ближайшей ко мне свечи. Голодной змеей рука метнулась к свечке, пальцы второй коснулись огня, и, закрыв глаза, я прошептала:

— Печка, печка, печка, печка... — старательно представляя себе печку в избушке, а еще почему-то подумалось, что прав был Стужев...

* * *

Рев пламени!

Треск!

И тишина...

Понимаю, что все еще держу свечку и палец левой руки лижет теплый язычок пламени. Обоняния коснулся запах водки и малины... Я медленно открыла глаза.

Чтобы встретиться с округлившимися от удивления глазами Навьего бога!

И если бы он тут был один — паника накатила, едва я поняла, что присутствующих в деревянной горнице Кощеева дома много — по правую руку от Яна сидела Снегурочка, а с ней рядом Марья Кощеевна, а еще имелось двое мужчин и два пустых места... И стол к обеду накрытый, вот только посуда черная вся! А из глубины дома донеслось смутно знакомое хриплое:

— Я должен найти ее тело!

— Коша, это бессмысленно. — Голос Кощея-старшего узнала сразу. — Она мертва, и точка! Хватит, Александр. Давай мы просто успокоимся, выпьем...

— Я НЕ ХОЧУ ПИТЬ! — Крик, от которого затряслись стекла. А следом почти стон: — Я должен найти ее тело... Меня убивает мысль, что кто-то будет ее касаться... Что ее может выбросить порталом на свалку...

Что по ее телу будут ползать че... — Голос сорвался.

У меня внутри тоже что-то оборвалось, больно так стало, даже вдохнуть больно.

— Ей уже все равно, — резонно заметил Кощей.

— Мне не все равно! — снова сорвался на крик Стужев.

И я сорвалась, на это уже просто не хватило моих нервов! Я не знаю, чьих нервов хватило бы, но не моих! Мои сдали! Окончательно и полностью! Мои готовы были лезть на амбразуру, прыгать с гранатой под танк, вступать в конфликт с гопниками, сдавать сессию экстерном и бить морду темным, только бы не слышать отчаяния в голосе вечно издевательски-надменного Князя. Отчаяния, которое убивало меня вопреки всем словам старшей Яги, вопреки доводам разума, вопреки всему, что я не знала о себе. А я не знала, не могла знать, не догадывалась даже, что его боль будет рвать меня на части!

И, наплевав на собственную безопасность, просто заорала:

— Да живая я, Стужев! Живая, понял?!

В следующую секунду единственный звук, раздающийся в этом доме, был звуком моего тяжелого дыхания.

Но затишье длилось всего секунду!

Он появился в дверном проеме. Не знаю, с какой скоростью метнулся, но секунды даже не прошло, а Стужев, тяжело дыша и не отрывая от меня взгляда, застыл на входе. Волосы распущены, черная шелковая рубашка смята, в глазах дикое ревущее пламя ярости...

Такое нарастающее пламя нарастающей ярости!

И я как-то сразу вспомнила, что русские женщины — самые жалостливые женщины в мире на свою голову! Потому что сначала жалеем, а потом не в курсе, что с этим пожалетым делать!

Вот зря я ему это проорала, совсем зря, вот ругать же себя буду... потом. Сейчас почему-то не ругается, только страшно очень, и с губ срывается испуганный шепот:

— Печка... печечка, ну пожалуйста, забери меня! Я вообще о нем случайно просто подумала, я не сюда хотела...

— Ху! — прозвучало на выдохе, и огонек моей свечки погас.

Перевожу ошелелый взгляд с дымящегося фитилька на довольную рожу Яна, только что самым беспрardonным образом затушившего мой путь к спасению, и нарастающее чувство паники захлестывает окончательно! Мама! В смысле — печка!

— Водки? — предложил довольный собой и собственной сообразительностью Навий бог.

— Да, пожалуйста, — пролепетала я.

От щедрот своей черной душонки Ян налил мне полный бокал из стоящего рядом с ним графина, бросил туда несколько малинок и протянул мне, сопроводив полным торжества тостом:

— С воскрешением, Ритка!

— Спасибо, — вежливо ответила я, взяла стакан и, выплеснув все в наглую рожу, пояснила: — Это тебе за свечку, сволочь бессовестная!

Ян ошалело заморгал, и главное, не жжет ему спирт глаза, жалость какая, а от двери прогремело громовое:

— Рита!

— Ой, мама! — испуганно вскрикнула перепуганная Ёжка без свечки.

Хотя от такого кто хочешь вскрикнет.

— Мама тут я, — меланхолично поправила Снегурочка, разглаживая салфетку на коленях.

— Судя по лицу твоего сына, можешь уже считать себя бабушкой, — ехидно вставила Марья Кощеевна, набирая себе салата в тарелку.

— Яг в нашем роду еще не было, — тоже с самым скучающим видом, словно тут каждый день появляются и исчезают чрезмерно жалостливые девицы, произнес один из мужчин.

— Неудивительно, учитывая репутацию вашей семьи, — с самой милой улыбкой произнесла Снегурочка, протягивая свой бокал сидящему рядом.

Тот встревоженно глянул на Марью Кощеевну и спросил одними губами: «Знает?», она отрицательно покачала головой и улыбнулась. То есть по ходу тут имеет место коллективный обман Снегурки?! Оригинальная у них ячейка общества.

Ну тут уж я не выдержала и зло поинтересовалась:

— А что, у вашей семьи есть репутация?

На меня удивленно посмотрела Снегурочка и очень недобро глянуло все семейство Кощеево. Злодеюки костлявые!

А в следующее мгновение случилось страшное — у Стужева шок закончился. Просто потому что из его облика полностью исчезла оторопь, и я засекла миг, когда Князь медленно сделал шаг. Медленно и очень плавно! Совсем плавно! Так змей кольца разворачивает — медленно, очень медленно, но так угрожающе! А еще он зубы сжал, и по скулам желваки затанцевали, а еще у него полностью изменился взгляд, и я себя под прицелом почувствовала... А еще...

— С-с-стужев, д-д-давай не будем... — взмолилась, медленно пятясь.

Ян глянул на брата и поднялся, заступая ему путь.

— Сстужев, ты мне просто выбора не оставил, я этого не хотела, я... — И еще пару шагов назад.

— Александр, тормози, — вступил в разговор Навий бог.

Князь даже не взглянул на него, продолжая неотрывно убивать меня взглядом, а я... Я не засекла момента, в который Стужев рванул ко мне. Это было как в замедленной съемке, где медленно двигались все, кроме Александра... Медленно отлетел стул, медленно взмыл от удара в челюсть Ян и полетел спиной в окно, медленно начал подниматься мужчина, сидевший рядом со Снегурочкой... И молнией оказался передо мной Стужев!

Книжка едва не выпала из рук, и я, подхватив ее, прижала к груди, окончательно потеряв свечку, потому что не заметила, куда она упала... Не было возможности глянуть, ибо перепугано смотрела на разъяренного Князя! И он весь такой огромный, взбешенный, дико злой, и взгляд, как у удава, а я маленькая, сжавшаяся, испуганная, как кролик, и главное — бежать никакой возможности! И страшно так, что не дышу даже! Он меня убьет! Просто убьет! Он...

Где-то там на заднем фоне раздался грохот от упавшего стула, звон разбитого телом Яна стекла, ругань мужчин, вскрики Снегурочки и Мары Кощеевны... Все это было там, очень далеко где-то, а здесь... Здесь Стужев медленно склонился ко мне и нашел губами мои губы...

Нежное, едва ощутимое прикосновение — и книга выпала из моих вмиг ослабевших рук... Упала где-то там, а здесь... здесь сильные ладони обхватили мое лицо, бережно и нежно, а теплые сухие губы, словно не веря в происходящее, начали стремительно целовать мой приоткрытый от удивления рот, нос, лоб, глаза, скулы, снова губы...

Где-то там, далеко, раздался удивленный возглас, а здесь... Здесь было слышно, как гулко и стремительно наращивая темп, бьются его и мое сердца, все тяжелее становится дыхание, как разбивается что-то между нами, сносимое плотиной вырвавшихся эмоций...

Где-то там, далеко-далеко, все становится таким незначительным, мелким, неважным, а здесь... Здесь рвались условности, сносились доводы разума, уничтожались, казалось, незыблемые столпы запретов и нарушались все данные самой себе клятвы... Я не знаю, в какой неистовый миг его ошеломляющего поцелуя потянулась навстречу...

И вдруг где-то там, но почему-то и здесь тоже, послышалось довольно:

— Великолепно, Коша, мы получили и Ягу, и даже весьма ценный приз — книгу Хранительниц.

И волшебство кончилось! Погибло в страшных мучениях вместе с тем светлым и парящим чувством, что начало расправлять крылья в моей душе.

Медленно открыла глаза и посмотрела на Стужева... Он ответил спокойным, с долей превосходства взглядом, а на тонких, красиво очерченных губах заиграла победная улыбка.

И слова вырвались сами:

— Нет, правда, лучше бы я умерла.

Улыбка исчезла в тот же миг. Глаза заледенели, из груди Князя вырвался хрип, а следом прозвучало взбешенное:

— Что?

Что значит «что»?

— Ты деда слышал? — спросила я.

— Мм...

— Ты деда слышал? — прошептала я.

— Какого деда? — не понял Князь.

У меня глюки или у некоторых проблемы со слухом?

— Своего! — ответила зло и вообще разозлилась.

— При чем здесь дед? Какого черта ты только что сказала?! — Стужев стремительно становился невменяемым.

— А какого черта ты самодовольно лыбишься и торжествующе на меня смотришь! — прошипела злая Ёжка.

Уголки Стужевских губ дрогнули, он вновь склонился надо мной и прошептал:

— Ты ответила на мой поцелуй, Маргош.

Я открыла рот... закрыла... открыла снова и закрыла опять, смутившись под насмешливым взглядом Князя, насмешливым и таким торжествующим... А вся проблема в том, что он прав! Ответила. Забыла про все на свете и поддалась собственным чувствам. Потому что они были, эти чувства. Потому что мне нравился Александр Стужев, всегда нравился. Потому что иногда все запреты рушатся и ты узнаешь о себе то, что не хотела бы знать никогда.

— Пусти! — потребовала у Стужева. — Пойду опять самоубийство инсценировать, теперь и повод есть, разочарование в самой себе называется!

И оказалась вновь прижата к стене, а злой внук Кощея вдруг как заорет:

— Зачем ты это сделала?!

Рванувшись, получила увеличение давления на пару жэ, лишившее даже надежды пошевелиться, разозлилась и прошипела:

— Сделала что?

— Прыгнула, — судя по взгляду, кто-то конкретно приходил в ярость. — Какого черта ты это сделала, Ильева?

Мне нечего было сказать ему на это, но Князю моих слов и не потребовалось.

— Яга, да? — догадался он. — Та лужа, в которую ты плялилась с бледным видом, а потом типа вся гордая пошла мне покоряться. Так дело было?!

И взгляд у него такой стал, что мне вдруг сразу эпитафия по слуху о смерти старшей Яги представилась, и как-то уже совсем нервно я выдала:

— А может, мне просто жить не хотелось!

И получила взбешенный рев:

— Я тебя сам убью, Марго!

И у Стужева тормоза отказали окончательно. Схватив меня за талию, он вдруг впечатал в стену и, продолжая удерживать на уровне своего лица, заорал:

— Я убью тебя, ведьма рыжая! Заноза! Зарраза бессердечная! КАК ТЫ МОГЛА?! — Он тряхнул меня и, вновь впечатав в стену, прорычал: — Как ты могла, Марго?! КАК ТЫ МОГЛА?!

Если бы не слова Кощяя, если бы не весь этот ужас с шестью ведьмами, я бы никогда так не сказала, а так...

— От ненависти до любви, Коша, — злорадно и язвительно протянула. — Вот ты влюбишься, я тебя подставлю, брошу и, таким образом, будет у меня собственный ручной Кощей!

Князь замер. Застыл удерживающим меня изваянием. Затем отпустил, позволяя соскользнуть по стене вниз, и, глядя в мои глаза, произнес:

— За свои слова, Маргош, придется ответить.

— А это не мои слова, Сашунечка! — прошипела я. — Твои, дословно!

«Вот сейчас точно убьет», — мелькнула запоздалая мысль, и лицо у Стужева было такое, как у Ганнибала Лектора, если бы у него паштет из печеньки любимого врага отняли, но... внезапно Князь перевел взгляд ниже, уставился на мои приоткрытые с перепугу губы...

Секунда... вторая... третья...

И тихое, едва слышное:

— Выходи за меня.

Если бы у меня была книга, она выпала бы повторно, а так просто бессильно опустились пытающиеся его оттолкнуть руки, а глаза, округлившись, потрясенно смотрели на Стужева. Стужева, который еще тише добавил:

— Пожалуйста.

Где-то там кто-то упал в обморок, где-то здесь я, сглотнув, продолжала потрясенно смотреть на Стужева.

— Ну?! — потребовал моей реакции Алекс. — Я жду твой положительный ответ.

И серые глаза вновь вернулись ко взгляду в мои прифигевшие. И смотрел Александр мрачно, решительно и зло. И да — ждал положительный ответ. Сглотнув повторно, я шепотом спросила:

— А если... нет?

— Убью!

И взгляд такой... решительный.

— То есть я должна сказать «да»? — Голос осип на последнем слове.

— И без вариантов, — подтвердил Стужев.

Сглотнула опять. Потрясла головой, потому как накрыло полнейшее ощущение нереальности происходящего, и с нервным смешком заметила:

— Оказывается, «прости» в твоем исполнении было еще ничего, с предложениями оно как-то похуже...

Хриплый рык и злющее:

— Это «да»?

Я вздрогнула от его тона. Испуганно смотрю на Стужева и понимаю — этот шутить не намерен. И мне остается или «да», или мама родная... Это уже не сказочка, это Обитель Зла эпизод четвертый... И уже как-то думается не о браке, а о необходимости выживания...

— Сстужев... — пробормотала перепуганная я.

— Я. Задал. Вопрос! — отрезали в ответ.

Исклучительно из чувства справедливости решилась поправить:

— Не задавал... Ты выдвинул требование и отказываешься принимать отрицательный ответ...

Сказала. Нахмурился. Осознал. Кивнул и подтвердил:

— Именно так.

Волной накатывает жуткое ощущение. Называется — допрыгалась. А у Стужева взгляд такой... страшный. И остается единственное, что можно было сказать в этой ситуации. Просто-таки единственное, хоть и убийственное:

— Нет... — прошептала я.

И зажмурилась.

И скжаслась, едва услышала взбешенное:

— Все, Ритка, ты достала.

В следующее мгновение мир перевернулся!

И я завизжала, едва оказалась переброшена через стужевское плечо.

— Молчи, женщина, — зло приказали мне.

Мне приказали! А затем наградили шлепком по мягкому месту и, заткнувшуюся от удивления, решительно вынесли из горницы.

Последним воспоминанием о Кощеевом семействе были их ошелелые округлившиеся очи! То есть шок был не только у меня!

В следующий миг нас окружило зеленоватое сияние. А я зажмурилась от ужаса...

* * *

— Добрый день. — Вежливый голос Стужева заставил открыть глаза.

Открыла и узрела бетонный пол нашего подъезда.

— Здравствуйте, — прозвучал запинающийся старушечий голос. — А вы... а это...

И я узнала одну из бабок нашего двора! Седьмую кару Египта! В смысле Нину Федосеевну!

— Это Ильева, живет в вашем доме, — сдал Князь. — Можно я пройду?

— А-а... — У бабули был шок. — Ммможет, лифт?

— Нет, спасибо. — Ледяной ответ.

— Ну... проходите тогда, — пробормотала бабушка.

— Премного благодарен, — вежливо ответил няшка обнаглевшая и направился к лестнице, совершенно не принимая во внимание моего на нем положения.

— Сстужев! — завизжала я.

Несмотря на мои визги, Александр взбежал по ступеням вверх, прямо на наш шестой этаж, и ему было плевать, что к этому моменту я уже охрипла. Зато орать перестала, едва кое-кто вежливо позвонил в звонок нашей двери!

— Ссту... сту... Сашенька, ты что делаешь? — окончательно перепугалась я.

— Заткнись, — последовал злой ответ.

Дверь открыла мама. Изогнувшись, я увидела ее домашние тапочки, ну и мама потрясенно молчала. А еще на лестничной площадке открыли двери все, потому как орала я будь здоров и сериалы, похоже, перекричала.

— Добрый вечер, Ольга Владимировна, — вежливо произнес Стужев, причем таким невозмутимым тоном, словно я вовсе не была перекинута

через его плечо, а стояла рядом.

— Вввечер добрый, — запинаясь, ответила мама.

— Я к вам с необычной просьбой, — продолжил Князь и погладил меня по... ноге почти, — будьте так любезны передать Ритин паспорт, если вам несложно.

— Что? — пискнула мама.

За дверью напротив кто-то с размаху сел на пол.

— Паспорт, — повторил Стужев. — Мы сегодня женимся.

Мама пошатнулась, но устояла и даже спросила:

— В смысле заявление подаете?

У меня вообще слов нет, одна паника, а Стужев спокойно так:

— Нет, Ольга Владимировна, подавать заявление нам уже поздно, мы сразу поженимся. Паспорт, пожалуйста.

Ну на этом у меня сдали нервы.

— Саша, — заорала я, — ты рехнулся?! Мама, не давай ему паспорт, он псих!

Не знаю, как ко всему этому отнеслась мамочка, но я услышала ее тихое:

— Ты... в этом уверена?

— Мама, только псих захочет вот так вот жениться, мама! Не давай ему паспорт, не...

Звук удаляющихся маминых шагов и самодовольные слова Князя:

— Маргош, это на тебя магия не действует. Исключительно на тебя. А на твою мать вполне даже.

Через минуту мама протянула ему мой паспорт!

— Спасибо, Ольга Владимировна, — безукоризненно вежливо произнес Стужев. — Мне очень повезло с тещей. До свидания.

В ответ раздалось задумчиво-потрясенное мамино:

— Александр... а вы слушаем не... дизайнер?!

— И даже не гей! — прошипел Стужев.

И развернувшись, направился к лестнице.

— Мама, — закричала я, — я не хочу за него замуж!

— Дура девка, — раздалось от лифта, — какой мужчина... Ах, какой мужчина, прямо как во времена моей молодости!

Как оказалось, там обретались все семь бабок нашего двора, и глядя на меня, все семь утирали скучные слезы радости... Избавились!

Хотелось им хоть что-то сказать, но Стужев начал забег по лестнице вниз, причем на головокружительной скорости.

* * *

— Сашенька, п-п-пожалуйста...

— Заткнись, Маргош.

Загс! На полном серьезе — ЗАГС! Кафедра, стена, тканью драпированная, умная тетенька-регистратор вещает стандартное:

— Сегодня 13 сентября 2013 года, в отделе ЗАГС регистрируется брак Стужева Александра Мечеславовича и Ильевой Маргариты Игоревны. Дорогие новобрачные, в жизни каждого человека бывают незабываемые дни и события. Сегодня такой день у вас — день рождения вашей семьи!

— Сссашенька, я тебя очень прошу, я...

— Тихо, я сказал.

Тетенька, не замечая наших переговоров, продолжила:

— Семья — это союз любящих людей, и союз добровольный. И прежде чем зарегистрировать ваш брак, я обязана спросить вас, является ли ваше желание вступить в брак искренним, свободным и хорошо обдуманным. Прошу ответить вас, Маргарита Игоревна.

— Не-е-ет! Нет! Нет! Ни за что! Не...

Меня не слышали, вежливо улыбаясь, тетенька выдала:

— Очень хорошо. Вас, Александр Мечеславович.

— Да! Всегда об этом мечтал.

— Ыыыыыыыыы, — застонала я.

— Нехрен было самоубийство изображать! Хотела, чтобы я осознал, насколько ты мне нужна?! Так я осознал, Маргош. Наслаждайся.

Ничего не замечающая тетенька продолжала торжественным голосом:

— Учитывая ваше обоюдное согласие, которое вы выразили в присутствии свидетелей, ваш брак регистрируется. И я прошу вас подойти к столу и подписями скрепить ваш семейный союз.

— Саша, Сссашунечка, Сссашечка, не надо, пожалуйста! — взмолилась я, откровенно рыдая.

Холодный взгляд Князя, и меня молча потащили ставить роспись.

Я уперлась всеми конечностями! Я приросла к полу, я... Гад гадский подхватил меня за талию, приподнял и понес к столу. После чего моей рукой расписался за меня несмотря на то, что я упиралась, пинала стол и вообще вырывалась, а после расписался сам и вернул нас на место. И все бы ничего — но на роже князевской цвела, сияла и сверкала довольная и счастливая лыба новобрачного!

А у меня просто слов больше не было. И слез тоже не было... только

шок.

Тетенька же зачитала совсем торжественным голосом:

— Уважаемые новобрачные, с полным соответствием с российским законодательством ваш брак зарегистрирован. И я торжественно объявляю вас мужем и женой! Поздравьте друг друга супружеским поцелуем.

У меня просто шок. Слова... эмоции... чувства-мысли, — все плывет в мареве ужаса перед сложившейся ситуацией. Но это у меня, а Стужев... Стужев разворачивает к себе, нежно обнимает лицо ладонями, поглаживает щеки большими пальцами, вытирая влажные дорожки от слез, наклоняется и... и мир снова разделился на там и здесь.

Где-то там звучит: «Обоюдное желание молодых носить общую фамилию Стужевы узаконено. А теперь, уважаемые супруги, разрешите вручить вам ваш первый семейный документ — свидетельство о заключении вашего брака. Я вручаю его вам, Александр Мечеславович, как мужу и главе семьи. Поздравляю».

Где-то здесь одна рука Стужева отпускает мое лицо, берет что-то, кладет во внутренний карман и снова нежно обнимает меня.

Где-то там вновь слышится: «Дорогие молодожены, сегодня у вас особенный день, вы вступили в семейный союз любви и верности. Отныне вы муж и жена, создатели новой семьи и продолжатели рода своего. В семейной жизни проявляйте больше заботы, доброты, терпения и уважения друг к другу. Я желаю вам счастья, удачи и благополучия».

А где-то здесь Стужев подхватывает меня на руки и, продолжая целовать, выносит из ЗАГСа.

Где-то там играет марш Мендельсона...

Кажись, я вышла замуж...

К концу парадной лестницы эта мысль окончательно утвердила в сознании, и едва Стужев открыл дверь, вынося меня на улицу, я оторвалась от его жадных до поцелуев губ и тихо спросила:

— Все?!

Поставив меня на ноги, Князь торжественно извлек из кармана свой паспорт, открыл, продемонстрировал свою фотку и собственно ФИО: «Стужев Александр Мечеславович». Затем достал мой паспорт, открыл и продемонстрировал мое ФИО: «Стужева Маргарита Игоревна». А после мне даже показали свидетельство о браке.

— Сстужев, а когда они так быстро успели с моим паспортом? — слабеющим голосом спросила я. — Это магия, да?

— Взятка, — опроверг мою веру в чудо Князь, — и совсем капелька магии.

Вспомнила момент, когда, привязав меня к стулу, Стужев пригладил мои волосы, с фоткал мою перепуганную рожицу на свой телефон и, насвистывая, отправился в кабинет начальника ЗАГСа, пояснив ошарашенным подающим заявление на бракосочетание: «Она еще в чувствах не разбралась, а ждать пока разберется, дело неблагодарное». После чего он зашел в кабинет, вне очереди кстати, а все девчонки передумали замуж выходить и бросились бежать, женихи за ними... Я потом сама, как дура, минут десять сидела! А потом, как полная дура, еще час со ртом, скотчем заклеенным, пока Стужев, насвистывая и покачивая ногой, ждал чего-то... По ходу паспорт мой!

А потом была... свадьба. И теперь мы женаты!

— Ыыыы... — сползая по стенке вниз, простонала я.

Мне казалось, что все — жизнь кончена! Я замужем! И теперь вообще конец! И...

Все оказалось хуже!

— Слушай, женщина, — Стужев нагнулся, схватил за локоток, резко поднял и от стены отлепил, а дальше, пристально глядя в мои глаза, произнес: — Как твой муж, ответственный за твою жизнь и здоровье, я запрещаю тебе сидеть на холодном. Все ясно?

Нервно кивнула, а затем с надеждой, с просьбой, с мольбой фактически:

— Стужев, а давай разведемся, а?

— Нет! — последовал злой ответ.

— Ну нет, так нет... — пролепетала я и тут же опять с надеждой: — Стужев, а давай ты меня бросишь, а? Можно прямо у ЗАГСа...

Серые глаза сузились от злости и мне ка-ак ответили:

— Слушай, Стужева, а давай ты сразу заткнешься и больше эту тему поднимать не будешь?

Идущие мимо прохожие, втянув головы в плечи, прибавляли шаг. Птицы, которых даже рев моторов не пугал, взмыли и умчались подальше... К ЗАГСу подъехал белый свадебный лимузин, весь такой в украшениях и с кольцами на капоте, дверца рядом с водительским сиденьем открылась, и вышел скелетон Генри.

— Хозяин, поздравляю! — радостно начал он. — Леди Маргарита, — я испуганно посмотрела на него, и скелет уже не так радостно: — ...эээ... сочувствуя.

— Мли-и-ии, — заныла я.

Стужев, по привычке игноря мое согласие или несогласие, опять

подхватил на руки и понес вниз по ступеням. Из лимузина орал марш Мендельсона, водитель присоединился к издевательству, добавив «Горько!». Князь на это предложение отреагировал нежным поцелуем и усадил меня в лимузин. Генри с радостным оскалом открыл шампанское, разлил по бокалам и протянул нам. У меня дрожали руки, и потому мой бокал придерживал... муж... Мама, мне страшно!

Машина двинулась с мягким шуршанием шин, Генри протянул поднос с «Раффаэлло», Стужев звякнул нашими бокалами и произнес тост:

— За нас!

Я залпом выпила.

Мужжжж... млин, мой муж развернул мне конфетку, сунул в рот и протянул бокалы Генри, чтобы тот их снова наполнил... За окнами лимузина проносился вечерний город, нам сигналили машины и улыбались прохожие, а я... я замуж вышла. Сижу на белоснежном сиденье кожаного салона, в замурзанных джинсах, рубашке не первой свежести, с растрепанными волосами и ошелевшим взглядом... и да, с печатью в паспорте!

— Классная свадьба получилась, — заметил счастливый Князь, протягивая мне полный бокал. — Быстро, здорово, без суety и напутственных речей.

— Ыыы... — кажется, после свадьбы все тупеют, я так точно.

— У новобрачной шок, — вежливо заметил Генри.

— Ща вылечим, — уверенно заявил Стужев.

Забрал у меня бокал, отодвинул от нас поднос с конфетами, наклонился и поцеловал. Да, стало легче. Сразу. И даже когда, привлекая меня к себе, Стужев усадил на колени, продолжая целовать, было однозначно легче. И когда сжал в объятиях и, не отрываясь от моих губ, простонал «Ритка», тоже легче было, а потом... потом Александр оторвался от меня. Уже сидящей на его коленях лицом к нему, и спросил:

— Рит, а ты чего-нибудь хочешь?

Тяжело дыша и глядя на него изумленными глазами, я прошептала первое, что в голову пришло:

— Книгу.

— О вкусной и здоровой пище? — не понял меня Князь.

— Неа, мою, ягушенскую, — пояснила я, почему-то снова приникая к его губам.

Магия, наверное, а может, и взятка...

— Угу, — произнес Стужев, даря очередной головокружительный поцелуй. А потом резко оторвался и уже не мне: — Ужин свадебный

накрыть к нашему возвращению.

— Понял, — отозвался с переднего сиденья Генри.

Зеленое сияние струйкой дыма потянулось из ладоней Стужева, окутывая нас обоих. И глядя на перламутровые переливы, я откинула голову, подставляя шею умелым губам...

Темень перехода, тихий стон сжимающего меня Стужева, свет... бревенчатый потолок и близкое «Хм». На мне торопливо поправили рубашку, а после я, продолжающая потолок разглядывать, услышала:

— Мам, пап, познакомьтесь — моя жена, Стужева Маргарита Игоревна. Ритка...

Продолжаю смотреть в потолок.

— Ритка, соберись.

Собралась, посмотрела на Стужева.

— Не на меня, — на его губах воцарилась счастливо-ироничная улыбка, — прямо по курсу, на два локтя ниже.

Повернула голову прямо, взглянула чуть ниже — за низкими столиками сидели прямо на подушках, разбросанных на полу, Кощеевы родственники. Индивидов сорок! В различной одежде, от сарафанов до плащей и платьев с высокими воротниками а-ля «Дракула убейся». За ближайшим ко мне столом расположились уже знакомые Снегурка с мужем, Марья Кощеевна, тоже, по-видимому, с супругом.

— Это, короче, мои предки, — проявил чудеса этикета Князь! — С ними тетка и дядя, ну ты их уже видела, это предки Яна. На остальных можешь внимания не обращать, я и сам их от силы раза три в жизни видел.

Я в шоке. Присутствующие — так же, и только Стужеву море по колено.

— Пап, — крикнул он оторопевшему родственнику, — руку протяни.

Мечеслав, если рассуждать логически и от отчества Стужева отталкиваться, протянул могучую мозолистую длань — в ту же секунду золотые наручники намертво сковали нас с отцом, обнаглевшим от наглости няшки.

— Так, дополнительные меры безопасности, — объяснил мне... муж.

Затем развернулся и покинул прибалдевшее собрание.

Осталась я, прикованная к абсолютно неизвестному мне мужику, застывшая Снегурка, нервно хихикающая Марья Кощеевна и почему-то тоже тихо ржущий ее супруг. Ну, Мечеслав молча изучал меня пару секунд, после чего вежливо произнес:

— Присаживайтесь, Рита.

Медленно опустилась на подложенную вторым мужчиной подушку. А

отец Стужева все так же вежливо поинтересовался:

— Вас уже можно поздравить?

Две пары жадных глаз — Снегурочки и Марыи Кощеевны — нацелились на меня.

— Мне можно посочувствовать, — простонала едва слышно.

Мужчины переглянулись, и муж Кощеевны осторожно спросил:

— Так все-таки поженились?

Молча кивнула. Начало трясти. А еще все смотрят шокированно, особенно Снегурочка. А еще...

— Рита, — отец Стужева похлопал по плечу, видимо, в попытке приободрить, — понимаю, после всего случившегося вам кажется, что Александр принял несколько... мм... поспешное и основанное на негативных эмоциях решение, но...

Внезапно наверху послышался рев, затем грохот, словно там где-то в одной из комнат разошлись раскаты грома и вообще буря надвигается.

— Ой, — прошептала я, — а вообще по какому поводу собрание?

— По поводу получения книги Хранительниц Терры, — меланхолично пояснила Марья Кощеевна. — За этим фолиантом наши семь тысяч лет охотились. А вы здесь с Кощем зачем?

— За книгой, — пробормотала испуганно, осознавая весь масштаб важности учебника магии, выданного мне Ягой.

А наверху раздалось:

— Коша, не смей!

По лестнице прогрохотали чьи-то шаги.

— Кошища! — орал Кощем.

— Попросишь у Риты, — невозмутимо крикнул в ответ Стужев, — она девочка добрая, может, и даст.

И Князь размашисто-вальяжной походкой вошел в помещение, где все, затаив дыхание, ждали развития событий.

— Все, нам пора, — весело сообщил всем Стужев, и браслеты щелкнули, отпуская меня и Мечеслава. — Ритусь, пошли. — Я торопливо поднялась, и тут он добил: — У нас с тобой самое интересное в браке намечается.

С размаху села обратно.

Испуганно посмотрела на Князя и слабеющим голосом спросила:

— Супружеский долг?

Мне вернули удивленный взгляд, после чего Стужев покачал головой и укоризненно так:

— Ритка-Ритка, вечно ты только об одном и думаешь... Я ей о

духовном, о размере зарплаты, а она... Эх, ты... Хотя что еще от тебя ожидать, после кина в той лживо-pornографической лужице.

Совершенно пунцовая, я поднялась, — спасибо Мечеславу, поддержал и помог встать, — подошла к Князю и тихо спросила:

— То есть ты мне сейчас зарплату отдавать будешь?

— Конечно, — уверенно подтвердил Стужев, призывая зеленоватый сверкающий дымок. — Сразу после того, как ты мне и супружеский долг, и проценты, и да — по кредитам, зараза бессердечная, расплатишься.

Я осталбенела, только и хватило сил спросить:

— По каким кредитам?!

— Эротическим, Ритусь, — нагло сообщил новобрачный, выдирая нас из сказочного мира.

* * *

Нас перенесло в дом Александра, в тот самый, в котором был Генри, и едва под ногами возник ковер с длинным ворсом, чьи-то глотки заорали:

— Мы желаем счастья вам, и оно должно быть таким...

Ненавижу эту песню! Я скривилась, и глотки тут же сменили пластинку, заорав:

— Горько!

Новобрачный с воодушевлением взялся за дело подслащения. Но я уклонилась от его жадных до этого дела губ и огляделась. Гостиная мне была знакома — два скелета и одно привидение тоже. Узрев мой взгляд, уже вдубль пьяная троица радостно завопила:

— Сочувствуем!

Охренеть! Вот просто охренеть!

— Так, балаган прекратили и свалили, — решительно пресек веселье Стужев. — На сегодня свободны.

Два скелета и привидение пригорюнились.

— Свободны, я сказал! — прорычал Князь.

Привидение, ковыряя пол призрачной ногой, подняло на хозяина самый невинный взгляд и так же, ну очень невинно осведомилось:

— А вдруг вам что-то понадобится...

— Вон! — ледяным тоном приказал мой... муж.

Скелеты бросились к дверям, привидение сразу сквозь стену прошмыгнуло, и уже с улицы донеслось его обиженное:

— А раньше смотреть разрешал...

— Так то раньше, а это — жена, — резонно пояснил Генри.

— И... и в душе не смотреть, значит? — потрясенно вопросило привидение.

— Жить надоело? — спросил Иван-скелет. — Он на нее сам смотреть боялся, а тебе, значит, разрешать должен?!

Дверь закрылась, отрезая от нас призрачно-скелетистую прислугу. Нет, у меня много вопросов появилось, но...

— Все, Ритка, — хрипло сообщил мне Стужев, отбрасывая учебник магии на стол, — переходим к самому интересному.

И подхватив меня на руки, Князь понес наверх, с самой счастливой улыбкой на лице! С такой счастливой-пресчастливой, а еще предвкушающей, а еще...

— Саша, — простонала вконец перепуганная я.

— Да, Ритусик? — глядя четко вперед и похабненько так усмехаясь, вопросил муж.

— Сашенька, а что ты сейчас делать собираешься? — Тупой вопрос, знаю.

— Размножаться, — не стал лукавить внук Кощея. — А хочешь, сообщу самое интересное?

— Давай, — запинаясь, согласилась я.

Александр внес меня на второй этаж, свернул к спальне, ударом ноги распахнул дверь, зашел, остановился и, весело подмигнув, произнес:

— Ты будешь заниматься тем же, Маргош. Тебя к этому теперь закон Российской Федерации обязывает.

И меня осторожно поставили на ноги. А затем...

У меня вообще появилось ощущение, что Стужев мне просто опомниться не дает и вообще ситуацию осознать, и... И мир стремительно закружился, едва Князь снова начал целовать, уже не бережно и нежно, совсем нет — ярко, страстно, прикусывая мою нижнюю губу, вырывая стон за стоном и заставляя отступать к постели. Я ощущала это, каждый шаг назад, что он вынуждал сделать. Но его пальцы на моих щеках, губы, неистово целующие, хриплое срывающееся дыхание, — и вихрь невероятных ощущений затянул окончательно... И я не сопротивлялась, у меня окончательно сорвало крышу от его наглости, напора, страсти и... и того, как он целуется.

На нашем пути встретился столик... я сразу не поняла, что уперлось пониже поясницы, не давая сделать очередной шаг, но Стужев сообразил мгновенно, опрокидывая меня на внезапно появившуюся преграду и продолжая целовать, начал стремительно расстегивать мои джинсы. Я

попыталась перехватить его руку, но... он поймал ладонь, переплел наши пальцы, поднес к губам и поцеловал каждый мой ноготок, пристально и почти с мольбой глядя в мои глаза... Атас! И я зажмурилась, окончательно сдавшись на милость победителя, и только всхлипнула, едва Стужев вновь вернулся к поцелуям... Всхлип сменился стоном, и, как во сне, я ощутила его ладонь, скользнувшую по животу, ниже... пальцы, пробежавшиеся по бедру, колену, голени... сорванная с ноги кроссовка шлепнулась где-то далеко, за ней вторая... Джинсы соскользнули, заставляя ощутить холодок стеклянной поверхности столика... Как он умудрялся проделывать все это, не прерывая поцелуй ни на мгновение, ни на секунду? Словно боялся пропустить хоть один мой стон или совсем не желал, чтобы я в себя пришла...

Когда слетело белье, я так и не поняла, просто его рука вдруг оказалась там как-то внезапно и совсем неправильно. Я дернулась, замычала и получила улетный поцелуй и несколько минут на то, чтобы привыкнуть к ощущению его ладони на себе. Потому что отступать Стужев был не намерен — подождать, дать возможность успокоиться или совсем с ума сойти от его поцелуев, но только не отступать. И когда его пальцы, осторожно касаясь, начали там поглаживать, я дрожала всем телом, но попытка вырваться больше не предпринимала. Улыбнулся, тяжело дыша, поцеловал медленнее, чувственнее и подхватил на руки.

Ничто так не отрезвляет, как прикосновение прохладных простыней к обнаженной спине, при условии, что сверху накрывает очень горячее твердое мужское тело. Он даже не разделся толком — сорвал с себя рубашку, расстегнул рывком брюки и да, накрыл собой прежде, чем я даже подумала привстать. А дальше снова поцелуи, нежные, страстные, настойчивые, и едва его рука накрывает грудь, очередной мой вскрик... Он ловит его губами, пьет, как самый дикий из нектаров, и возвращает неистовым поцелуем. И вот если у меня и до этого голова кружилась, то теперь это уже просто водоворотом стало. Омутом, в котором только я, он и его ласки — жадные, страстные, неприличные до румянца на щеках и дыхание — мое, едва слышное, и его — хриплое, срывающееся...

Больно было. Очень больно. Настолько, что я закричала, вцепилась в его плечи ногтями, попыталась вырваться и остановилась только тогда, когда остановился он. Замер на миг, мокрый, напряженный, как струна, с каменными от напряжения мышцами, резко выдохнул и начал целовать мое лицо, забирая губами каждую слезинку, заставляя расслабиться, снова потерять нить реальности и утонуть в чем-то темном, неправильном и бесконечно приятном. Утонуть окончательно...

Я приходила в себя медленно, пытаясь восстановить дыхание и перестать дрожать, а Стужев тяжело дышал, сжимая меня в почти болезненных объятиях, и, зарывшись лицом в мои волосы, тоже пытался прийти в себя.

А потом мне стало страшно.

Действительно страшно! От того, что произошло, от того, что Стужев получил меня, просто получил, и я даже не сопротивлялась особо. И вот теперь, когда он взял желаемое и страсть утихла, я дико испугалась того, что он мне скажет теперь... Как посмотрит... И что будет дальше... Потому что я... я... Я вдруг поняла, что боюсь открыть глаза. Открыть и увидеть его торжествующий взгляд, его наглую самоуверенную улыбку с оттенком превосходства и услышать что-нибудь вроде: «Я тебя поимел, Маргош».

— Маргош, — он отстранился, приподнялся на локтях, и теперь его взгляд я ощущала, даже отчаянно зажмурившись, — маленькая моя, ты чего дрожишь?

Я застонала, закрыла лицо руками и попыталась отвернуться. Попыталась, потому что некоторые все еще были сверху и в чисто физиологическом плане с отворачиванием возникали трудности и...

— Маргошенька, — он наклонился и поцеловал пальцы, — маленькая моя, единственная, рыжая, вредная и такая любимая, ну чего ты испугалась?

Затаив дыхание, я вдруг осознала, что услышала! И про единственную, и про любимую, и...

— Я тебя очень-очень люблю. — Он силой отвел руки от лица, прижал мои запястья к простыни, наклонился и нежно поцеловал, чтобы продолжить хриплым шепотом: — Правда, в данный момент я еще и очень-очень хочу, но ты знаешь, в отношении тебя сложно выделить что-то одно, так что я тебя и люблю, и хочу очень сильно, Рит. И... давай еще раз.

Удивленно распахнула зареванные глаза, оторопело посмотрела на довольного и собой, и мной, похоже тоже, Стужева. Но это мелочи, я вот про «давай еще раз» не поняла!

— Знаешь, долг перед родиной — вещь серьезная, и мы должны его ответственно выполнять, — продолжила официальная окончательно няшка.

— Стужев, ты даже не из России, — прошипела я.

— Но речь сейчас о тебе, — нагло усмехнувшись, произнес Саша.

Я улыбнулась, даже не знаю почему. Он улыбнулся в ответ, нежно поцеловал и выдохнул в губы:

— Я осторожно...

Он, конечно, осторожно, но все равно невольно поморщилась от боли. И еще очень полежать захотелось, но, не давая мне опомниться, Князь поступил по-своему — подхватил и понес в ванную. Голую. Стыдно так стало.

— Не красней, меня это заводит, — прошептал Александр, переступая через бортик джакузи.

А затем он медленно опустился в воду вместе со мной. Теплая вода обступила, согревая, расслабляя и пощипывая в некоторых местах. А Стужев... Стужев обнял, крепко-крепко, прижался лбом к моему плечу и едва слышно прошептал:

— Ты моя, Маргош. Моя. Можешь сопротивляться, злиться, вредничать, но я никогда не отпушу тебя. Ты — моя, вся от кончиков рыжих волос и до ноготков на пальцах ног, телом, душой, мыслями своими нестандартными. Вся моя, ясно?

Чета стремно это как-то — быть замужем.

— Марго, ты меня поняла? — сердито переспросил Стужев.

— Мля-а-а, вот попала, — простонала я, трогая пальцем пенный пузырик.

Александр расхохотался, причем хохотал долго и при этом очень крепко обнимал меня. А потом, погладив по щеке, тихо произнес:

— Знаешь, это странно, но мне впервые лет за двадцать даже жить хочется, — поймал мой удивленный взгляд и добавил: — с тобой.

Мне, наверное, все это кажется... или снится... или он опять прикальвается... или... А в душе росло что-то такое счастливое, еще не веря в то, что оно там есть. Мне вообще ни во что не верилось, и только крепкие объятия убеждали, что это вроде реальность, и...

— Представляешь, мы будем спать вместе, — мечтательно продолжил Стужев, обводя большим пальцем контур моих губ, — просыпаться вместе, завтракать вместе, гулять вместе... Представляешь?

Его сияющий взгляд встретился с моим, все более шокированным.

— Стужев, — прошептала я, прикрывая грудь руками и ошарашенно глядя на него, — ты реально на мне женился?!

В ответ широкая нагловато-довольная и очень счастливая улыбка. Такая счастливая-пресчастливая, довольная-предовольная.

— Правда? — Мой голос срывается.

Да, у меня шок. Мне в существование Терры и становление Ягой поверить оказалось проще, чем в это.

— Правда, Маргош. — Он потянулся и нежно прикоснулся к моим

губам.

— Мля-а-а-а...

Больше сказать ничего не удалось — во время поцелуя, особенно такого, даже мычать не получается.

* * *

Свадебный торт меня впечатлил — пятиярусная машина с изображением меня и Стужева в джинсах и местами порванной одеждой, но главное, в окружении марципановых розочек. Глядя на все это, я почему-то думала только об одном — кто его есть будет?!

— Ритусь, ты какую мою майку хочешь? — раздался голос Александра из спальни.

Интересный вопрос, учитывая, что на кресле лежал комплект белоснежного шелкового одеяния — пеньюар и ночная рубашка.

— Саш, да тут вроде как есть, — отозвалась я, поплотнее обматываясь полотенцем.

Он вышел из спальни, посмотрел на комплект, на меня, туда, где начиналось полотенце, снова на меня, но на этот раз в глаза, и вдруг тихо признался:

— Хочется видеть тебя в чем-то... моем. — На его губах появилась совершенно фантастическая улыбка.

И что я могла сказать на это?

— Давай майку, — покорно согласилась новобрачная.

Стужев кивнул и вдруг подхватил на руки и утащил в спальню, как самую ценную добычу. Я не визжала, я помнила про наследственную клептоманию. И вспомнила о ней повторно, когда у меня украли полотенце, прямо с меня причем. А затем Стужев очень заботливо надел на меня белую шелковую майку без рукавов. Старательно поправил на груди, максимально натянул внизу. Получилось ну очень короткое платьице. Тоненькое такое и самое интересное — на груди тоже тоненькое, а потому...

— Выплаты по кредитам начнем незамедлительно, — охрипшим голосом обрадовал меня... мм... муж.

— У нас там свадебный торт пропадает, — напомнила я, осторожно отступая от кредитора.

— Маргоша-Маргоша, — укоризненно произнес начинаящий служащий коллекторской конторы, — выплаты по кредитам дело

серьезное, требующее ответственного и своевременного подхода.

— Сашиненька, — я отступила к двери и вообще начала осторожно покидать места банковских разборок, — сомневаюсь, что кредиты необходимо выплачивать начиная со дня их получения. Мы вообще только поженились.

— А как же погашение процентов? — невозмутимо произнес Стужев, старательно пытаясь деятельность по настилению меня прикрыть медлительностью движений.

— Какие проценты, Стужев? — возмутилась я. — Они еще даже набежать не успели!

— Что значит «набежать не успели»? — полуголый внук Кощея продолжал плавное наступление. — Маргош, там все успело набежать уже через пару минут после... мм... первичных выплат.

И улыбка такая — наглая-пренаглая!

— Стужев, — я выскользнула за дверь, и продолжая отступление, — это уже не возвращение кредиторов, это рэкетирский наезд получается!

— Рэкет — наше все! — торжественно провозгласил Князь.

И бросился на меня.

С диким визгом я рванула от него, оббегая по периметру стол со свадебным ужином.

Меня схватили на входе в первый поворот, перекинули через плечо и потащили в спальню со словами:

— Раньше сядешь — раньше выйдешь.

— Стужев, ты сволочь! — заорала злая я.

— Даже спорить не буду, — ответила охамевшая няшка, по-хозяйски поглаживая все... что мог.

И вдруг остановился, уже как-то задумчиво поглаживая, а после выдал:

— Я же не ел сегодня.

После такого заявления я не могла не спросить:

— Вообще?!

— Да там так получилось. — Он перекинул меня с плеча на руки, развернулся и потопал к столу. — Понимаешь, утро... ты... и потом, когда ты к Ёжкам умчалась, кусок в горло не лез. А потом... — он запнулся и побелел, но все же продолжил, — уже ничего не лезло.

И прижал меня к себе. Крепко-крепко.

Стоял так, наверное, с минуту, а затем как-то совсем недобро произнес:

— Что-то я злиться начинаю, Маргош! — и добавил: — Сильно.

И на меня посмотрел. Внимательно.

Мне на его требовательный взгляд ответить было нечего, ну кроме:

— Сам сволочь.

— Ведьма, — не стал молчать Стужев.

— Кощей! — Да, мне тоже было на что злиться.

Но тут Стужев как-то так скривился, плечами передернул и решил:

— Ладно, я с тобой после ужина разберусь.

И понес к столу.

Принес, на стул усадил, а сам вдруг сел рядом на корточки и, глядя на меня снизу вверх, очень серьезно, без намека на иронию, спокойно сказал:

— Я люблю тебя, Рита. Действительно, очень сильно люблю. Я даже представить не мог насколько. Но если ты еще раз посмеешь провернуть хоть что-то подобное — убью сам! Лично!

Мне вдруг как-то нехорошо стало, а Князь продолжил:

— И да, я в курсе, что ты замуж за меня не хотела, но только рискни глянуть на кого другого — убью!

Стало еще хуже.

— За побег или попытку от меня свалить — тоже убью! — добавил Стужев хрипло и зло.

И я, не выдержав, так же зло ответила:

— Ясно, все поняла, иду писать завещание! — и попыталась встать.

От няшки, охреневшей после исполнения супружеского долга, раздалось громовое:

— Сидеть!

Села. Ноги банально подкосились. Стужев протянул руку, погладил мои обнаженные коленки, улыбнулся и вполне миролюбиво продолжил:

— В остальном обещаю быть тебе нежным, любящим, заботливым, страстным, терпеливым и верным мужем.

Улыбнулся шире, глядя на мое прифигевшее выражение лица, а затем добавил:

— Кстати, ты в курсе, что я знаком с представителями Преисподней? — Я не ответила, он ответа и не ждал, он нагло продолжил:

— Это я к тому, Маргош, что рискнешь сдохнуть — станешь моей собственностью навеки. Вопросы есть?

Вопросов не было. Перепуганная после порции угроз в духе Стужева, я молча потянулась, взяла тарелку с каким-то салатом типа «Перепелки в саду» и все это осторожно, нежно и даже ласково, втерла в рожу своего охреневшего мужа!

Сидящий на корточках объект приложения ведминских стараний

застыл. Я же, убрав тарелку, все содержимое которой мило уместилось на стужевской физиономии, поставила посуду на стол, затем брезгливо вытерла нос Князя, наклонилась, мило чмокнула его кончик и не менее мило выдала:

— Стужев, я тебя, гада, все-таки люблю. Самой в это поверить страшно, но похоже таки, ты, анимешка казановная, своего добился. Так что да, я в тебя тоже влюбилась. И обещаю быть нежной, милой, доброй и любящей женой всегда, когда ты перестаешь быть наглой, самовлюбленной, кобелинисткой и тиранозаврической скотиной! В ином случае, кощеюга злодеистая, получишь злую, мстительную и коварную ведьму. Вопросы есть?

В ответ послышалось очень недовольное:

— Я же не настолько голоден, Маргош.

— Сам сказал, что ничего сегодня не ел, — ехидно припомнила я.

— Так «не ел» не означает «я весь голодный». — Стужев поднялся и на ощупь двинулся к ванной.

— Зато теперь ты весь сытый, — пробурчала ему вслед я.

Услышал. Остановился. Медленно повернулся ко мне... Перепелиное яйцо в разрезе этим самым разрезом проехалось по стужевскому лицу, сползло на подбородок, сорвалось на мускулистую грудь...

— Дорогая, — как-то совсем недобро это прозвучало, — никуда не уходи, я сейчас вернусь.

— И убьешь? — предположила я.

— Поем! — прорычал Александр, исчезая в направлении ванны.

В следующее мгновение мне стало страшно. Очень-очень страшно, просто тон у Стужева был какой-то жуткий. А потому я осторожно прокралась следом в спальню, и едва он вошел в ванную, торопливо начала искать... джинсы. Кроссы обнаружила сразу, как и носочки, а вот джинсов не было, но учитывая, что второй носок торчал из-под кровати, туда я и полезла в поисках.

И вот только я начала исследования подкраватного пространства, сверху донеслось:

— Нет, я догадывался, что с тобой семейная жизнь — это будет круто, но чтобы настолько... Маргош, ты потрясно смотришься сзади, мне даже есть расхотелось.

Я замерла. А там, сзади, на не буду говорить что, легли сильные ладони, и...

— Стужев! — возмутилась я.

— Да, Ритусь, — ответили мне елейным голосом.

— Стужев, прекрати противоправные действия! — У меня сорвался голос.

— Ну какие ж они противоправные? — Кое-кто начал по-хозяйски все поглаживать. — Это, ведьмочка моя, мера пресечения для некоторых, которые собирались совершить побег. — Увесистый шлепок показал, что поиски одежды не остались незамеченными.

Но затем он отстранился, вытащил красную и от смущения, и от возмущения меня, поставил на ноги, отвел растрепавшиеся волосы от лица, наклонился, поцеловал и сообщил, ласково так:

— За попытку побега заплатишь натурой, Ритусь.

У меня банально челюсть отвисла.

— Что? — невозмутимо поинтересовался мой... Стужев.

— Какой еще натурой? — вопросила я.

— Этой. — Натуру накрыли рукой, чуть-чуть погладили и отпустили.

— Это которая супружеский долг? — Да, я догадливая.

— Нет, малыш, — обняв за талию, Князь резко прижал к себе и прошептал, касаясь губами мочки уха, — супружеский долг отдается ночью, а расплата натурой и выплаты по эротическим кредитам производятся в дневное, утреннее и вечернее время суток.

Молча смотрю на кровать — кажется, мы обе крупно влипли.

— Так, пошли ужинать, — произнес муж и потащил меня к столу.

Ел Александр быстро. Очень быстро. Скоростное поглощение мясных салатов, фаршированной рыбы и наваристых пельменей происходило быстро, молча, уверенно. И вот я съела всего штук шесть пельмешек, а Стужев, умяв запас всей супницы, съел ложку сметаны на закуску, и вот после этого, сцепив пальцы и направив на меня укоризненный взгляд, начал с сурового:

— Ну-с, приступим.

Перевожу тосклиwyй взгляд на свечи — незажженные. Причем две потрясающие красивые свадебные свечи имелись, а огня на них не было! И пельменей больше не было, а они вкусные оказались, домашние... Тяжело вздохнув, я подперла щеку, на самый что ни на есть бабский манер, и устало пробормотала:

— Уйду я от тебя, Стужев, злой ты.

— Добрый и не прикидывался, — резонно подметил супруг, открывая шампанское. — Кстати, тебя впереди ожидает страшное.

— И почему я не удивлена? — Грустно так стало.

— У тебя шок, — радостно сообщил новобрачный. — К утру пройдет, Маргош. А что касается неприятного — маме звонить кто будет?

Удивленно смотрю на Стужева.

— Твоей маме, — пояснил... муж. — Моя, во-первых, в курсе, во-вторых, если за кого и будет переживать, то за тебя, но никак не за родную кровину.

Из всего этого я не поняла только одного и, не пожелав оставаться в неизвестности, прямо спросила:

— Саш, а почему даже моя свекровь, и та именно мне сочувствует, а?

Муж эффектно открыл шампанское, разлил по свадебным бокалам, протянул мне мой и возвестил:

— За нас!

Медленно пригубив пенный напиток, смотрю на Князя, тот с улыбкой глядит на меня поверх бокала и тоже не торопится пить.

— Саш... — Я вернула шампанское на стол, сложила руки на груди и прямо спросила: — В чем дело?

Загадочная улыбка, а после, поставив бокал рядом с моим, Александр развернулся вместе со стулом, взял обе мои ладони в свои руки и, подавшись ко мне, попросил:

— Посмотри на меня, Маргош.

Я посмотрела, мне нежно улынулись и, глядя прямо в глаза, Стужев негромко произнес:

— Ритусь, я люблю тебя. — Он произнес это, продолжая смотреть прямо, не отводя взгляда. — Я действительно люблю тебя, все остальное несущественно. Все остальное вообще не имеет значения, малыш. Что касается нас двоих — я постараюсь больше не обижать тебя, и я порву на части любого, кто попытается обидеть.

Молча смотрю на... мужа. Стужев нахмурился и прямо спросил:

— Не веришь?

— Не особо, — не стала скрывать я. — И вообще, очень меня это сочувствие твоего окружения напрягает, — решила быть откровенной. — А уж если и твоя мама мне сочувствует... — пауза и осторожный вопрос: — Стужев, так почему твоя мама мне сочувствует?

Страшный вопрос, да.

— А тут все просто, Маргош. — Он поднес мои ладошки к губам, поцеловал каждую, отпустил на мои колени, взял бокал, отсалютовал мне и признался: — Просто характер у меня поганый.

И выпил шампанское залпом.

— И все? — недоверчиво спросила я.

— Ага. — Он поставил пустой бокал, снова наполнил его доверху шампанским и весело продолжил: — Ну, есть еще пара моментов,

которые... мм, вызовут у тебя определенный интерес, но на фоне поганого характера — это такие мелочи.

И он залпом выпил второй бокал шампанского.

— Мама, — прошептала я, уже боясь неизведенного.

— Позвонить твоей маме? — превратно понял меня супруг. — Ладненько.

И поднявшись, исчез в спальне. Я потянулась к бутербродам с красной икрой, но так и застыла, услышав донесшееся от Стужева:

— Ольга Владимировна, поздравляю, сегодня вы потеряли дочь!.. — пауза и торжественное: — Но обрели сына! — опять пауза и возмущенное: — Что значит один у вас уже есть? Мама, кто в наше время сыновьями разбрасывается? Что значит «вернуть вам дочь»? Извините, самому нужна, не зря же я женился. Какой развод, мама? Что значит «ей рано замуж выходить»? Не отдаам, я сказал! Ах у вас был Евгений и снял с вас... Что снял? Морок?! Да какой же это морок, мама, так, простенькое ментальное внушение, никаких иллюзий я не использовал. Кто колдун? Я колдун? Мама, вы определитесь, кто я — гей, дизайнер или колдун! Ах, Евгений сказал. А у Евгения теща есть? Нету? Вот повезло мужику, не то что мне. Ольга Владимировна, мы сегодня празднуем... Не жертвоприношение, свадьбу празднуем! Не разведусь, я сказал! Так вот сегодня празднуем, а завтра с Маргаритой Стужевой мы к вам заедем. Да, она взяла мою фамилию! Нет, добровольно-принудительно, а вообще, я не спрашивал. До завтра, Ольга Владимировна! Да не съем я ее! И не понадкусываю!

Потом стало тихо. Очень.

В следующее мгновение Стужев показался в дверях, злой весь, губу покусывающий, и нервно спросил:

— А вы с твоей мамой случайно не родственники, а?

— Смешно, — усмехнулась я и передумала есть бутерброд.

— Я понял. — Он подошел, протянул мне трубку телефона. — Мозг выносить — это у вас семейное.

— Согласись, все-таки лучше, чем клептомания, — ехидно заметила я и взяла телефон.

А в трубке слышалось молчание и только отдаленные рыдания вдалеке, пришлось осторожно позвать:

— Алло? Мам?

И вот тут в ответ я услышала низкий хрипловатый и смутно знакомый голос:

— Здравствуйте, Рита. Это Евгений.

Испуганно смотрю на мужа, Стужев тут же подвинул стул впритык к

моему, сел и теперь прислушивался. Мгновенно включив громкую связь, я вежливо ответила:

— Здравствуйте, Евгений.

Мы с Князем переглянулись.

— Как вы себя чувствуете? — последовал вопрос.

— Мм... — снова смотрю на Александра, он на меня с улыбкой, и как-то вдруг сжалось сердце, и собеседник начал терять значимость, и...

— Маргарита! — напомнил о своем присутствии Евгений.

— Спасибо, все хорошо, — поспешно ответила я, а чья-то ладонь скользнула по моей ноге, пальцы пробежали вверх и начали выписывать узоры у края маечки.

Нить разговора с Евгением начала медленно теряться в ощущениях.

— Ваш супруг сейчас рядом?

Очередной вопрос заставил удивленно взглянуть на трубку телефона, мне совершенно не понравился тон, с которым этот вопрос задали, но ответила я максимально правдиво:

— Нет, он вышел. — На лице Стужева расплылась счастливая улыбка, а я добавила: — Оставил меня поговорить с мамой. Кстати, позовите маму, пожалуйста.

«Коварная», — одними губами прошептал мой муж, нежно приобнимая, в то время как вторая его рука, не останавливаясь, гладила мои ножки.

— Маргарита, — в голосе Евгения послышалась сталь, — слушайте меня внимательно, и если войдет ваш... Стужев, сделайте вид, что говорите с матерью.

Трубке достался еще один удивленный взгляд, но я вполне уверенно сказала:

— Хорошо.

Теперь и Александр заинтересовался беседой, и поглаживания стали значительно медленнее.

— Нам нужно поговорить, вы сможете приехать? — продолжил Евгений.

— Сейчас? — Я не скрыла недоумения по поводу его умственных способностей.

— Нет, — прорычал Евгений Александрович, — мы с вами оба прекрасно понимаем, что сейчас он вас не отпустит.

«И сейчас, и вообще никогда», — едва слышно прошептал муж, целуя мою шею.

— Вы приедете ко мне завтра, — приказной тон. — Ресторан

«Астория», в девять утра.

— У меня пары, — несколько рассеянно ответила я.

— У вас проблемы, Маргарита! — отрезал Евгений.

Оторопело смотрю на Стужева, тот хмуро — на телефон. А из телефона доносится:

— Не вынуждайте меня скатываться до угроз. Вы приедете завтра, в девять утра. Одна. Иначе ваш Ромочка...

Муж протянул руку, забрал у меня телефон, сел, закинул ногу на ногу, откинулся на спинку стула и проникновенно так, злодейски-лениво поинтересовался:

— Так что там с нашим Ромочкой?

В трубке стало тихо. Стужев очень коварно улыбнулся и продолжил, чуть растягивая гласные:

— Евгений, мой дорогой Евгений, я так понимаю, что ваша профессия включает в себя некоторые знания о моем мире, я прав?

Секунд пять было тихо, затем в телефоне глухо ответили:

— Да.

— Изумительно, — почти пропел Князь. — В таком случае, драгоценный мой Евгений, вы должны знать, что такое боевая фея дома Розы. Вы ведь понимаете о чем я, не так ли?

На этот раз ответ показался мне сдавленным, но он все же прозвучал:

— Да...

— Приятно слышать. — Стужев определенно издевался. — И еще приятнее будет наблюдать ваш труп после того, как вы совершите столь опрометчивый поступок, как попытка причинить хоть малейший вред объекту, охраняемому боевой феей. Удачи, мой драгоценный.

Хриплое ругательство, которое Евгений не договорил, оборвав себя на полуслове, а затем злое и срывающееся:

— Вы ведь понимаете, что после столкновения с феей, учитывая мои знания, я могу выжить.

— Понимаю. — Стужев принял ногти рассматривать и совсем елейным тоном добавил: — Но и вы не можете не понимать, что если рискнете попытаться причинить вред ребенку, вами займусь я... — пауза и очень угрожающее: — А жалостью и заботой о психическом здоровье своих врагов, мой драгоценный Евгений, я не отличаюсь.

Вот теперь на том конце провода стало очень тихо.

— Кстати, — вновь дружелюбно-издевательски заговорил Стужев, — это относится ко всем родственникам моей обожаемой супруги. Особенно не советую нервировать тещу.

Тишина, затем сдавленно-глухое:

— Вы мне угрожаете?

Стужев улыбнулся загадочно-мстительно, очень спокойно произнес:

— Ну что вы, Евгений Александрович, какие угрозы, просто описываю вам перспективы последствий ваших ошибочных действий.

Раздались короткие гудки. Кое-кто просто прервал разговор. Стужев ухмыльнулся, положил телефон на стол, налил себе опять шампанское, мне протянул мой полный бокал и, весело подмигнув, сообщил:

— Минута.

— Минута? — переспросила я, осторожно сжимая хрустальную ножку.

— Ему на подумать. — Александр отсалютовал бокалом и, глядя на меня с нежной улыбкой, прошептал: — Как же приятно пить за нас. За нас, любимая.

Я улыбнулась в ответ и выпила все шампанское, до дна, а едва допила, Стужев бокал забрал и поцеловал меня нежно-нежно, сладко-сладко...

Зазвонивший телефон его от этого дела ничуть не отвлек, и трубка трезвонила еще раз и еще раз шесть, прежде чем, оторвавшись от меня, Александр соизволил ответить.

— Вы смертный, — прозвучал злой голос Евгения Александровича.

— Вы — тоже, — с намеком произнес Князь, медленно спускаясь пальцами по моей шее.

— Это угроза? — Евгений сорвался на хрип.

— Любезный Евгений Александрович, угрозы мы с вами уже обсудили, — широкая ладонь осторожно накрыла грудь и теперь в глазах Стужева загорелся огонек интереса. Причем интереса явно не к беседе.

Медленно взяла пальцами его ладонь и пыталась оторвать от собственных прелестей.

— Александр Мечеславович, — прохрипел на том конце наш собеседник, — вы осознаете, что мы будем крайне недовольны, если вы...

Стужев отнял трубку от уха, пристально на нее посмотрел, хмыкнул насмешливо и, вернув на место, елейным тоном произнес:

— Мы продолжим беседу утром, Евгений Александрович, и что-то мне подсказывает, что с первыми лучами солнца вас просто-таки настигнет адекватная оценка ситуации. Кошмарных снов, драгоценный Евгений Александрович.

И он прервал разговор. В этот момент я все еще прилагала все силы к прекращению поглаживания моих... моих в общем. И мы сидели на стульях, сдвинутых близко-близко. Я в одной майке и Стужев с

обнаженным торсом, босой и в одних брюках. Сине-серые глаза весело поглядывали на меня, на губах лукавая улыбка, пальцы вертели тонкий телефон...

— Что? — против воли начала улыбаться.

— Потанцуем? — неожиданно предложил муж.

— Не могу тебе отказать, — прошептала и прикусила губу в предвкушении.

Стужев не разочаровал. Встал, подошел к стереосистеме, включил, и я услышала первые ноты потрясающей Jupiter Rising — Electropop.

— Да, ты умеешь угадать настроение, — вынуждена была признать я.

— Поиграй со мной, детка. — С такой искушающей улыбкой ему не моим мужем, ему змеем в раю подрабатывать следовало.

Пластично крутанувшись, Александр двинулся ко мне, подпевая исполнителю:

— Hey girl, what's your name?
L-u-v, I see your game
It's okay, I do it too
Make me want to play a fool.

Я не могла не включиться в игру и, поднявшись, прижалась спиной к его груди, подпевая певице:

— Here boy, sign the line
Fools like you don't waste my time
I ain't game to play with you
Are you gonna follow through?

В шелковой мачке скользить по его телу оказалось просто восхитительно, и когда запел Стужев, голос его был весьма хриплым:

— Step inside, we'll take a ride
Bonnie, Clyde, you and I
We can do this, do or die
Why don't we just take a drive?

Но если бы он только пел — рука пробежалась по моему плечу, сжала волосы на затылке, и, заставив подняться, Князь страстно поцеловал, сразу после последних слов. Не в тему — я хотела петь и не хотела целоваться и, пританцовывая, двинулась прочь от него, распевая:

— Sounds gangster, I'm gangster
We'll play the damn prankster
Using up this bar we play
Then we make our getaway.

И на последних словах я изобразила стрип-приседание, скользя руками по телу.

Припев мы пропустили, потому что после такого Александр бросился ко мне, а я от него вокруг стола. Потом мы танцевали и бросались тортом. Потом включили на повтор и я с первых аккордов начала с:

— Ммм... ооу... ооуууоооо оу!

Музыка гремела так, что подрагивали стаканы на столе — нам было все равно! Лучшая стихийная вечеринка в моей жизни! Мелодия сменяла мелодию, танцы были один зажигательнее другого, мы бесились как могли, поливали друг друга шампанским и даже пили его прямо из бутылок, после чего я почему-то принялась слизывать остатки крема со стужевской груди, но несколько увлеклась, а он решил устроить гонку века и отомстить за поруганный правый сосок, ну совсем ведь нечайно укушенный мной.

А потом, целуясь у того окна, где Саша таки меня поймал, мы заметили, что уже рассвет, точнее, Стужев заметил, а мне лично целоваться понравилось.

— Стой, подожди. — Он нежно чмокнул в кончик носа. — Это же наш первый рассвет вместе.

И мы стояли у окна, я впереди, а он, нежно обнимая и уместив голову на моем плече, и смотрели, как поднимается солнце. И такое чувство, что в этот момент рождалось что-то удивительно-прекрасное, светлое, огромное и огненное. И такое большое-пребольшое... счастье, наверное.

— Какая потрясающая первая брачная ночь... — прошептала я.

— Мне тоже очень понравилась. — Князь сжал меня чуть крепче и прошептал: — Люблю тебя.

Я крутанулась в кольце его рук, встала на носочки, потянулась к его губам и прошептала, почти целуя:

— А я, кажется, тебя...

И тут до нас обоих дошло, что первая брачная ночь еще совсем не закончилась, а очень даже начинается... Ну или первое брачное утро... А какая разница, нам было просто хорошо.

* * *

Пробуждение получилось... сладким.

— Ритусик... Ритуся... Риточка... Ритунчик... Ритасик...
Ританчик... — тихо шептал кто-то, целуя реснички, носик, скулы, губки и спускаясь ниже, — Ритунечка, Ритушечка, Ри...

— Меня пугает твоя фантазия, — прошептала я немного хриплым после сна голосом.

Тихий смех и лукавое:

— Только фантазия?

— Сашенька, нет! — простонала я.

— Риточка, да! — сообщил коварный Стужев, опускаясь со своими поцелуями все ниже.

— Александр, вы маньяк. — Тоном возмущенной тургеневской девушки.

— Маргарита, будьте снисходительнее, — в тон мне ответил муж и с притворной обидой: — В конце концов, меня можно понять... у меня в постели голая женщина.

— То есть вы с каждой обнаженной женщиной ведете себя подобным образом?! — возмутилась я.

— Нет, — уже целующий живот Стужев, не сдержавшись, хохотнул и добавил: — Только с теми, на ком женат. Они... вкуснее.

И он спустился ниже!

— Саша! — воскликнула вконец смущенная я.

— Размножаться, размножаться и еще раз размножаться, как завещал великий дяденька Ленин, — выдал мне слоган Стужев, приступая к этим, которые «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи».

— Ты был знаком с Лениным? — нервно спросила я, пытаясь отвлечь его от... от этого.

— Маргош, — приподняв голову, на меня укоризненно взглянули сияющие от смеха глазаексуально озабоченной няшки. — Я все-таки не настолько древний, и вообще не отвлекайся.

И вернулся к начатому.

— А у меня есть шанс отвлечься? — простонала я.

— Ты еще в состоянии разговаривать? — возмутились внизу и тут же заверили: — Счас исправим.

* * *

Одннадцать часов дня. Столовая Стужева на первом этаже. Я сижу в очередной майке, но на сей раз просторной и с рукавами до локтя, Саша напротив тоже в майке и в шортах. Мои ладони обнимают чашку, в его руках бутерброд с колбасой, внушительный такой, и чашка с чаем... От стола до кухни курсирует Иван-скелет, Генри и привидение материются наверху, убиная погром, который мы учинили, опьянев не столько от шампанского, сколько от счастья... Но это все где-то там, а здесь я смотрю в серо-синие глаза, улыбаюсь и не могу остановиться... Потому что он тоже сморит на меня, тоже улыбается и прекращать это дело не хочется совсем.

— Хозяин, — раздался осторожный голос Ивана, — восьмая минута пошла...

— В смысле? — не понял Стужев, все равно продолжая на меня смотреть.

— Да вы так уже восемь минут сидите и не завтракаете, — пробурчал скелет.

— Вот и не мешай! — рыкнул на него Саша, а мне... мне... мне улыбнулся.

А потом подмигнул и облизнул нижнюю губу. Мгновенно покрасневшая я резко опустила глаза и вообще чуть не расплескала уже подостывший кофе.

— Да ладно, я же ни на что не намекаю. — А судя по голосу, точно намекал.

Искоса глянула на мужа.

— Ну если только чуть-чуть, — протянул коварный Стужев.

Молча, но выразительно приподняла бровь.

— Совсем немного, — уже начиная искушать, прошептал он.

Зазвонил телефон. В следующее мгновение Прив подплыл к Саше с трубкой, и тот хмуро произнес:

— Спасибо.

— Не за что, — с намеком ответило привидение.

— За уборку, — приказал Стужев.

— Тиран, — обиделся призрак и улетел.

Стужев же ответил на вызов и снова взглянул на меня, чтобы уже ни на

что другое не смотреть. А в трубке послышался чей-то торопливый голос, срывающиеся злые слова, которым Князь внимал, иронично выгнув бровь, а потом лениво протянул:

— Где находились? Мастер, мы... мм, увлеклись. Знаю, что меня на связи не было двое суток, но в договоре есть поправка на семейные обстоятельства. Да, мое отсутствие было связано с семейными обстоятельствами. — Мне весело подмигнули. — Где Ильева? Понимаете, у нее тоже, как это ни странно, семейные обстоятельства. Не постельные, а семейные, Мастер, следите за выражениями. В мой адрес? Нет, я о Рите. — И вдруг зло и резко: — Я предупредил! — Но дальше снова в лениво-издевательском тоне: — Именно так. Что у вас произошло? Нападение темных?! — Широкая улыбка мне, но тон оставался вполне суровым: — Игнат Вяземский оказался темным? Вы шутите?! Быть не может, Георгий Денисович, вы же сами его проверяли, вы не могли так облажаться. Могли? — И с издевкой: — Невероятно. Полагаете, что нападения на группу были спровоцированы темными? Любопытная теория. Нет, у меня другой нет, так что можете смело придерживаться вашей. Закрыт переход, правда? Думаете темные?! И это темные?! Нет, не думал. Сбор сегодня? Хорошо, мы будем. Да, Ритуся со мной и приедет тоже со мной. Мастер, советую сопоставить услышанное ранее «по семейным обстоятельствам» и сказанное сейчас «со мной», а после задуматься о целесообразности каких-либо инсинуаций по околовостельной теме. Именно так. Ваши возмущения можете оставить при себе, мне ни они, ни ваше мнение неинтересны. Всего доброго.

Он нажал на кнопку отбоя и бросил телефон на стол.

— Рассказывай, — потребовала я.

Стужев пристально посмотрел на меня, и на его губах начала расплываться ехидно-коварная улыбочка.

— Что? — не выдержала я.

— А что, Маргош, клептомания заразна? — в свою очередь поинтересовался он.

Чувствую, как начинаю медленно краснеть.

— Обчистить хранилище, — укоризненно-издевательски продолжал муж. — Да, тебя в моей семье определенно примут за свою. Хотя нет — в нашем генетическом наследии умение играть на нервах отсутствует.

— Ой не скажи, — не менее ехидно вставила я.

Стужев медленно протянул руку, взял один шарик сухого завтрака «Несквик», который Генри для меня купил, и молча запустил в меня. Описав дугу, шоколадный шарик попал в декольте и там и застрял.

— Это что такое было, няшка женатая?

— Это, анимешка замужняя, моя реакция на чрезмерное ехидство, — победно усмехаясь, заявил Князь.

Молча протянула руку, взяла всю пачку.

— Не смей, — предостерег супруг.

Запускаю ладонь в упаковку.

— Рита, накажу, — попытался предотвратить неизбежное Стужев.

Набираю горсть шариков...

— Хорошо, понял! — явно позерствуя, вскинул руки типа «фашист сдался без боя». — Готов искупить вину и съесть шарик.

— Какой? — не поняла я.

— Который во-о-он там застрял.

Разжав ладонь, ссыпала все шарики в тарелку, потом демонстративно вытащила попавший в цель и съела. Сама. Врагам на зло.

— Жадина, — обиделся муж.

— Ты знал, на ком женишься, — парировала я.

— На клептоманке со стажем, — хохотнул Стужев. — Да, Маргош, два сапога пара — это про нас.

Подавила улыбку. Засекший это Князь тяжело вздохнул и на выдохе протянул:

— Правда, тебя еще воспитывать и воспитывать...

Молча показала ему язык.

— Это намек? — оживился супруг.

У меня от постоянных улыбок уже скулы болят, но удержаться же невозможно.

— Ладно, — я отхлебнула остывший кофе, — чего там няшки с Георгием Денисовичем, нас искали?

— Нет. — Стужев начал демонстративно и очень откровенно плятиться на мою грудь. — Они решили, что нас схватили темные, так что даже поисков не начинали.

— То есть нас попросту бросили бы? — возмутилась я.

— Нет, — переводя взгляд с левой груди на правую, ответил Князь, — просто не стали бы искать.

— Эй, это уже наглость! — возмутилась я.

— Да нет, простой расчет — какой им смысл искать нас, если доступа на территории темных нет. Нас попросту списали со счетов.

И взгляд снова с одной на вторую!

— Я не про команду, я про тебя! — возмущенно прошипела.

Стужев поднял на меня потемневший взгляд и выдал:

— А? Ты про мое поведение?

— Да!

— Ну прости, Ритусь, это уже все мое, так что хочу — смотрю, хочу — трогаю, хочу...

— Ну уж нет! — решительно сказала я и поднялась. — Кто-то обещал мне магазин и новую одежду.

— А чем тебя моя не устраивает? — нагло поинтересовался Стужев, откусывая от бутерброда, про который периодически вообще забывал.

— Дорогой, — провела руками от груди до бедер, — если ты настаиваешь, я могу выйти и так.

Подавился. Откашлялся, торопливо запил и тоже поднялся:

— Даже не надейся, Маргош. Это теперь все мое, и меньше всего мне хочется, чтобы народ на мое слюни пускал. Твои джинсы в моем шкафу, кстати.

— Мое, моем, я, мне, меня, — перекривляла я его, но за джинсами потопала.

Выйдя из столовой, вспомнила про книгу ягушенскую и потопала обратно, и не знаю, почему остановилась... Точнее, не сразу поняла, почему... А если еще точнее, не сразу осознала, услышав произнесенное злым голосом:

— Рита ничего не должна знать.

И такое ощущение, словно падаешь вниз с высокой скалы в бесконечную пропасть!

«Господи, пожалуйста... пожалуйста...» — никогда не молилась, а сейчас не удержалась, потому что не хотела верить, просто не хотела...

— Хозяин, вы... — начал Генри.

— Хватит, — судя по звуку отодвигаемого стула, Стужев поднялся. — Может, я и не совсем осознанно пошел на этот шаг, но не жалею ни секунды. Рита моя. А свою женщину я не отдам ни семье, ни Гекате, ни человеским колдунам.

— Вам враги сейчас... не нужны. — Голос Генри прозвучал глухо.

— Мне сейчас есть за что сражаться, — спокойно ответил Князь. — Игры кончились, проигрывать я не намерен.

Бесшумно отступила от двери, затем торопливо поднялась наверх, вошла в спальню. Сердце билось часто-часто, руки заледенели, немного потряхивало. Да что там потряхивало — трясло конкретно.

— Маргош, как-то рановато тебя накрыло, — послышался чуть ехидный голос Стужева.

Обернулась — муж стоял в дверях, засунув руки в карманы и

встревоженно смотрел на меня. И я на него смотрю, и вдруг слова старшей Бабы Яги вспомнились: «Мать твоя могла о муже-изменщике забыть, счастье с другим построить, мечты добиться, да выбрала долю горькую. Она жалость к себе лелеяла, она обиду хранила, она избрала путь свой, не ты. Могла бороться, могла забыть, а выбрала слезы. Ее выбор, не твой». И вот вопрос ребром — в чем мой выбор?! Молчать и дальше, мучиться подозрениями или решить все разом?! Быть честной или подстраиваться под обстоятельства?! Высказать все разом или и дальше тонуть в чувстве счастья, стараясь не думать, не знать и не спрашивать?

Тонуть в счастье оказалось приятно, очень, вот только... не могу я так. Не хочу. Прятать голову в песок не мой метод, и меняться я не буду, даже ради действительно любимого человека... в смысле злодеюки кощеистой, но все равно очень любимой.

— Стужев, — он чуть нахмурился, явно не обрадованный подобным обращением, — кто такая Геката?

Молча вскинул бровь, хмыкнул и иронично поинтересовался:

— Труден путь шпионажа?

— Несмешно, — грустно сказала я.

— Кто здесь смеется?! — Он подошел, чуть склонился надо мной и прошептал: — Подслушивать нехорошо, Маргош.

— Прости, дорогой, понятие «хорошо» в отношении тебя следует запретить указом президента.

Прищурился. Наверное, злился, вот только...

— Я нормально спросила, нормально ответь, пожалуйста.

Выпрямился, все так же пристально глядя на меня, но я взгляда не отвела, причем требовательного взгляда, и Стужев тихо ответил:

— Геката — покровительница ведьм в вашей реальности.

Судорожно выдохнула и только сейчас поняла, что очень боялась его молчания. Саша, заметив мою реакцию, усмехнулся и поинтересовался:

— Что-то еще, Маргош?

— К сожалению, да, — с тяжелым вздохом я уставилась на ковер под ногами и едва слышно спросила: — Что ты сделал с теми шестью ведьмами?

В ответ тишина. Тишина, тишина и снова тишина! Вскинула голову, не скрывая слез, которые вдруг заполнили глаза, посмотрела на Стужева. Он больше не усмехался, не ухмылялся и даже намека на улыбку не было. Он молчал, не отрывая взгляда от меня. Но заметив слезы, с трудом, с явным усилием ответил:

— Шесть ведьм — цена за мое возвращение на Терру. Без Гекаты у

меня не было и шанса.

И я вдруг больше не захотела ничего знать! Ничего! Я...

— Да — цена меня вполне устроила, — невозмутимо продолжил Стужев. — Если ты сделала верные выводы из всей этой истории, Маргош, то уже должна понимать: ведьмы — хранительницы своей реальности, и путь в другие миры открывают также именно они. Еще вопросы?!

Не знаю, кому было тяжелее в этот миг — мне спрашивать или ему отвечать. Ведь что бы он ни говорил, я видела — каждое слово дается ему с трудом. И не потому что стыдно, а потому что не хочет, чтобы я знала. А мне каждый вопрос давался не легче, и все же я спросила:

— Если шесть ведьм были ценой, почему ты сказал Генри, что не отдашь меня Гекате?

Резко выдохнув, Стужев прошипел:

— Х-х-хватит!

Я не сказала ни слова — просто стояла и смотрела на него. Молча, чувствуя, как слезы сорвались с ресниц...

Саша сжал губы, да так, что они побелели, а затем неожиданно устало ответил:

— Твое имя в списке было первым, Маргош.

Пошатнулась. Действительно пошатнулась, не веря, не желая верить, не... И как-то вдруг вспомнился разговор между Кощеем и Стужевым и насмешливый вопрос злодеюки костлявого: «Ты ее пожалел?» Я не спросила этого, я просто в полном шоке смотрела на Князя, а он... он обошел меня, прошел к постели, устало сел и чуть сгорбился, упираясь локтями в колени. Потом, не глядя на меня, начал рассказывать:

— Мне было шесть, когда накрыло ощущение, что я никакой не Володя Семенов, приемный сын двух начинающих алкоголиков, а Александр Стужев, которому Терра ведает как удалось вернуть сознание. В шесть лет ощущать себя взрослым — удовольствие не из приятных. Но это мелочи, — он вскинул голову, глянул на меня, невесело усмехнулся и продолжил: — Я начал старательно возвращать утраченные возможности. В семь пробудил Генри, накрыл его мороком, и он, официально став моим опекуном, забрал меня из семьи, которая никогда не являлась моей... и не особо к этому стремилась. С тех пор проблем с деньгами уже не было, с возможностями также — в моем распоряжении было все, что могла предоставить твоя реальность. Все, кроме одного — моего прежнего тела и, собственно, возможности вернуться. В семнадцать, исправно обучаясь в колледже, я засек первую вспышку. Не поверил даже. Начал искать и спустя два месяца обнаружил инквизиторов.

— Кого?! — Я просто обалдела от услышанного.

— Ну, понимаешь... — Он неожиданно улыбнулся и с ехидцей продолжил: — Это такие няшки глюченые с маниакальной фишкой уничтожения любых форм проводников.

— Что?! — Я просто села на пол, ноги определенно не держали.

А Стужев решил поприкалывать:

— Ну это такие чёты, которые таких, как Сусанины, жизни лишают.

— Саша! — прошипела я.

Улыбнулся и поманил пальцем. Молча встала, подошла к мужу, муж потянул на себя, едва начала падать, подхватил, усадил на колени и продолжил:

— Если есть проводники, значит, есть путь. Если есть путь, значит, найдутся те, кто хочет захватить власть над ним, Маргош. Это истина. Ощущив всплеск боевой магии, я понял главное — у вас есть инквизиторы. Следовательно, имеются проводники — ведьмы. Начал искать. К сожалению, безрезультатно. В вашей реальности инквизиция получила власть в Средние века, большинство ведьм истребили, те, что сохранились в славянской культуре, научились скрываться настолько качественно, что ни одного храма Гекаты я обнаружить не сумел. В двадцать удалось выйти на группу местного Мастера. Тогда еще не твоего Георгия Денисовича.

— Он не мой, — вставила я.

Муж потянулся, нежно поцеловал и продолжил:

— Меня определили как мага, начались задания, одно за другим, я сумел показать, на что способен, и внедриться в верхушку, но... храм не нашел.

— Зачем нужен был храм? — тихо спросила я.

— Храм — энергетически наполненное место, Маргош, — объяснил Стужев, — как выделенная линия телефона, а мне нужна была именно Геката, ведь ведьмы идут по пути, не осознавая направления. Так что мне нужна была Геката, и только она.

Я обвила его шею руками, уместила голову на плече и молча ждала продолжения.

— Найти удалось случайно, — продолжил Стужев, — преследовали ведьму в Черногории и обнаружили пещеру на вершине горы. Маленьющую такую, словно не тронутую рукой человека, и остальные даже не сообразили, что это. Я понял сразу. И ночью, умыкнув схваченную ведьму, вернулся с ней в храм, заставив возвратить к покровительнице. Не знаю, кто удивился сильнее — Геката, которую в кои-то веки призвали, или ведьма, обнаружившая, что у нее имеется божественное покровительство.

— Ничего себе! — только и сказала я.

— Да, было забавно, — улыбнулся Стужев. — На фоне некоторой растерянности Гекаты мне и удалось договориться, правда, она потом отошла от шока и внесла свои требования.

— Шесть ведьм? — догадалась я, вскинув голову и глядя на него.

— Догадашка. — Князь наклонился и чмокнул в нос.

А я смотрела на него и с возмущением, и с непониманием... и со слезами даже. Потому что звучит красиво — «шесть ведьм», а мы оба понимаем, что за этими словами кроется.

— Ритусь, — осторожно погладил по щеке, — извини, раскаяния не будет.

— Ну и сволочь же ты! — не сдержалась я.

— Ты знала, кому «нет» в ЗАГСе орешь, — весело ответил он.

— Так не подействовало же! — напомнила с неменьшим возмущением.

— Естественно, не подействовало, я же сволочь, — с самым невинным выражением произнес Стужев.

Хмуро смотрю на няшку, на мне женатую. Няшка нагло улыбается в ответ. Так нагло-пренагло.

— В общем она скинула на тебя деятельность по поиску ведьм, потому что ты сволочь? — поинтересовалась я.

— Нет, — улыбка стала еще шире, — потому что я редкостная сволочь.

— Надо завести Красную книгу сволочизма России. — Молчать не в моих правилах.

— Маргош, тормози. — Ухмылка у мужа стала какая-то коварно-самодовольная. — Я когда про размножение говорил, я ж не имел в виду такие масштабы, но если ты настаиваешь...

— Стужев! — заорала я, совместив вопль с попыткой вырваться.

В ответ хохот, и меня сжали в разы сильнее, удерживая на месте. Но едва отсмеявшись, Саша улыбнулся, поправил мои волосы, растрепавшиеся в момент борьбы с некоторыми надо мной потешающимися, и совершенно серьезно объяснил:

— Инициировать ведьму не так просто. Потенциальных ведьм много, а обретают силу единицы. Еще меньше способны прийти к знанию о силе, и в основном ведьмы понимают свою сущность годам к пятидесяти пяти. К этому времени они нередко лишаются мужа, но дети, внуки, престарелые родители — якоря, удерживающие женщину в рамках осознанности. И как ты думаешь, способны такие ведьмы бросить все и явиться по зову Гекаты?

— Я бы на их месте тоже не пошла, — заявила обиженно.

— Вот-вот, — улыбка у Стужева стала какая-то теплая и добрая, я даже засмотрелась. — Вот и получается, что когда они в силу входят, Геката им уже даром не нать и за деньги тоже не нать, своих проблем хватает.

— Бедная Геката, — съязвила я.

— И не говори, бедняжечка божественного происхождения. — Он хмыкнул и продолжил: — Правильно инициировать ведьму, чтобы она вошла в силу еще до двадцати, — вот была моя задача. Список содержал сорок имен.

— Сорок? — переспросила я.

— Как инициировать, не знали ни я, ни Геката, — объяснил супруг. — Так что это мне был... мм...

— Расходный материал! — догадалась я.

Сужев развел руками, от чего я на них почти повисла, и тут же снова вернулся к обниманию полулежащей на его коленях меня.

— Кобель! — прямо, откровенно и честно сообщила я.

— Да ладно, это вообще мелочи по сравнению с моими развлечениями на Терре! — отмахнулся он.

— Кобель со стажем! — резюмировала злая баба Яга, в смысле я. — Такое чувство, что меня вообще обманули и порченый товар подсунули.

— Что?! — взревел Стужев.

— На правду не обижаются, — насупилась я.

Князевские глаза заледенели.

— Ну знаешь ли, не особо приятно знать, что ты вышла замуж за мужика, которого кто только ни... пробовал, — возмущенно смотрю на Стужева.

— Рррита, — злой, хриплый голос и рык прорывающийся, — давай проведем некоторую расстановку приоритетов — это я на тебе женился! И это не меня пробовали — а я брал что хотел! Это...

— С ведьмами что? — перебила я тираду начинающей злодеюки тирановрической.

Но на меня обиделись. Отвернулись и теперь смотрели куда-то в стену, при этом продолжая крепко удерживать, и да — со мной демонстративно отказывались разговаривать.

— Саш... — осторожно позвала я.

А в ответ тишина.

— Саша.

Снова молчит.

— Нет, ну, Саш, а тебе было бы приятно, если бы я переспала с кучей парней до тебя и ты бы об этом знал?

Отмер. Мрачно взглянул на меня и поинтересовался:

— Намекаешь, что если бы я не знал, мне было бы приятнее?

Тяжело вздохнув, тихо ответила:

— Намекаю, что мне неприятно знать о том, скольким девушкам мой любимый муж разбил сердце и со сколькими он переспал.

Молчание, затем злое:

— Извини. — Я уже собиралась сказать, что извиняться поздно, как Стужев продолжил: — Понимаю, что одно дело для тебя — знать о каких-то шести гипотетических ведьмах, и совсем другое — видеть последствия моих романов с девчонками вашей школы. Прости, что так вышло, естественно, я этого не хотел. Но в то же время постарайся понять — в твоей школе я появился из-за тебя и крутился вокруг тоже из-за тебя, и так и крутился, не зная, с какой стороны подойти и... не видя в этом смысл, едва сдал шестерых инициированных Гекате.

Испуганно смотрю на Стужева, тот на меня — хмуро и зло, а потом... потом я прошептала:

— Ты даже не пытался инициировать меня...

— Я тебя пожалел! — неожиданно зло сказал Князь.

А потом встал, посадил меня на кровать и попытался уйти... Я вцепилась в его ладонь, сжала крепко-крепко, чтобы не вырвался, и тихо спросила:

— Почему?

Муж молча сел рядом и, глядя в пол, хрипло ответил:

— Хорроший вопрос.

И тон такой... странный. Я решила в лоб спросить:

— Стужев, а что в тебе помимо поганого характера такое страшное?!

Жизненно важный вопрос, кстати. Князь искоса посмотрел на меня, чуть прищурившись и ответил:

— Тебе лучше не знать.

— Хорроший ответ.

Улыбнулся и вдруг накинулся на меня, опрокидывая на кровать и занимая позицию сверху.

— Даже не думай! — предупредила я.

— Маргош, — Стужев склонился к моим губам, — кто ж в таких ситуациях думает, мм? Тут раздумывать нечего, тут делом зани...

Телефонная трель прервала очередное умозаключение Александра, и он, резко поднявшись с постели, схватил аппарат, вслушался в сообщение,

затем молча дал отбой.

— И чего там? — осторожно спросила я.

— Да так, мелочи... несущественные, — Стужев смотрел куда-то в стену. — Меня на совет пригласили.

— Какой совет? — Я села на постели.

— Стаи, — мрачно ответил супруг.

— Какой стаи?!

У меня вдруг началась паника, а еще я вспомнила, Генри говорил, что сегодня хозяин не кусается, сегодня же не полнолуние.

— Да обычная стая... обычных оборотней, — пробормотал Саша, повернулся ко мне и скомандовал: — Все, одевайся давай быстренько.

И потопал из спальни.

В широкую няшкину спину полетел мой вопль:

— Стужев, ты что, оборотень?!

Остановившийся гад, теоретически клыкастый, обернулся, поморщился и недовольно спросил:

— Ритусь, зачем же так кричать? Ну оборотень, ну с кем ни бывает, расслабься, я вообще редко перекидываюсь.

И ушел. Он ушел, а я осталась сидеть на постели, с ужасом думая, за кого вышла замуж. Хотя нет, тут нужно поставить вопрос иначе — кто на мне женился!

* * *

— Не пугайся, не пугайся, детка, — напевал Стужев, ловко нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, несясь по городу на скорости 140 км в час.

А я сидела на переднем сиденье рядом с ним, демонстративно пристегнувшись, сложив руки на груди и не разговаривая с супругом.

— Ритка, хватит дуться. — На меня искоса взглянули, после чего обогнали две фуры и остановились перед светофором.

— Я не дуюсь, — отвечаю сквозь зубы.

— Дуешься, у тебя щечки надутые, — парировал... муж.

— Я не дуюсь, я злюсь, Стужев, осознаешь разницу?!

С места мы сорвались со свистом шин, обогнали «бэху», подрезали маршрутку и умчались вперед к светлому будущему, в смысле нарушению оставшихся ПДД.

Молчание продлилось до окончания песенки, после чего Стужев

беззаботно поинтересовался:

— Что тебя так разозлило, позволь спросить?!

— Да ничего, — хмуро смотрю на него. — Разве что возможное периодическое наличие у супруга хвоста, клыков и когтей!

— Да я редко перекидываюсь! — крутанув руль, рявкнул Алекс. — И вообще, поверь, с крыльями проблем куда больше, чем с хвостом и клыками!

Забыв дышать, молча поворачиваю голову и смотрю на Князя. Молча, но очень испуганно, а он, узрев мои округлившиеся очи, как-то чуть-чуть виновато:

— Понимаешь, до Гекаты ведь я не сразу додумался, начинал с малого... Ты дыши, Маргош, дыши, ничего страшного ведь, и вообще это все такие мелочи по сравнению с моим поганым характером. Серьезно.

Закрыв глаза я с глухим стоном откинулась на спинку кресла.

— Кстати, ты змей боишься?

— Мля, Стужев! — сорвалась я. — Ты издеваешься?!

Серо-синие глаза смотрели немного обиженно, не менее обиженным был и ответ:

— Я просто спросил, Маргош.

Попыталась успокоиться, пока он парковался возле торгового центра, и едва машина заняла место, тихо, спокойно и даже с улыбкой ответила:

— Нет, Сашенька, я не боюсь змей.

— Чудненько. — Стужев заглушил мотор, потянулся ко мне, нежно поцеловал и, отстегивая мой ремень безопасности, буднично сообщил: — А то я все не знал, как сказать. Все, Маргош, приехали, выходи.

И он вышел, обошел автомобиль, галантно открыл мне дверцу, а я сижу и представляю себе диалог: «Мама, мой муж чудовище» — «Ну что ты, доченька, у всех мужиков свои тараканы» — «Да, мам, но мой муж реально чудовище!».

— Ритусь, хватит медитировать, все равно не поможет, выходи давай, — напомнил о своем присутствии Стужев.

Молча сложила руки на груди, продолжая глядеть куда-то в приборную панель. Нет, ну просто-таки очаровательные новости в первый же день моего замужества!

— Маргош, начнем с того, что ты тоже не ангел. — Стужев все-таки гад. — Идем, Ягуся, будем тебе экипировку подбирать.

Я вышла. Князь захлопнул дверь и, взяв меня за руку, потянул к магазину, напевая:

— Как же тебе повезло, моя невеста...

— Издеваешься? — перебила я.

Искоса глянул на меня, широко улыбнулся и сменил пластинку:

— Нам наплевать на то, что думают другие про нас,
На гнев богов мы просто машем рукой.
Ты нынче платишь, ну так что же? Мы с тобою сейчас,
А завтра с нами будет кто-то другой.

И он шел такой пластичный, несмотря на габариты и рост, красивый до умопомрачения, эдакий обаятельный злодей, волосы по плечам, глаза светятся, одна рука крепко сжимает мою ладонь, вторая небрежно придерживает лямку моего рюкзака, который Стужев закинул к себе за плечо. А еще он так по-хулигански смотрелся в потертых джинсах, черных кроссах на толстой белоснежной подошве и в черной обтянутой мускулистый торс майке. И он был весь такой... мой.

— Фантазируешь на тему, откуда у меня хвост растет? — прервав напев, поинтересовался муж.

— Да нет, — я смущенно взглядела, — просто на тебя засмотрелась.

И я спокойно пошла дальше, а он замер как вкопанный, и мне тоже остановиться пришлось, держит же за руку. Обернулась, а Стужев стоит, смотрит на меня и улыбается. Счастливый такой.

— Что? — сощурившись на солнце, спросила я.

— Люблю тебя, — признался Саша.

Громко признался. Парочка женщин в метре от нас окинула взглядом, парень в кепке передумал бросать бутылку в мусорный бачок и дальше пошел, оглядываясь, женщина с ребенком замедлила шаг, прислушиваясь.

А я стояла, смотрела на него и тоже улыбалась. И чувство такое, что вот-вот взлечу, высоко-высоко, куда-то под облака... В следующее мгновение Стужев шагнул ко мне, подхватил на руки, закружил и после все так же на руках понес в магазин. И если кто-то тут был против, то точно не я. Обняла его за шею тихо, млела от счастья и от чего-то такого искрящегося и светлого. Классного-классного, даже лучше чем... Да, Саше про такое говорить не стоит, но это действительно круче, чем в постели.

— Маргош, — внося меня в стеклянный лифт, позвал муж, — мы куда сначала, по белью или вещам?

Учитывая, что на мне его боксеры, ответ был закономерен:

— Белье. И если спросишь, чем меня твоё не устраивает... — грозно

начала я.

— Не-не-не, вот как раз на счет белья я категоричен, — смеясь произнес Стужев. — Оно должно быть исключительно твое, но выбор остается за мной.

— Что? — не поняла я.

Хитрый взгляд и уже привычное:

— Расслабься, Маргош.

Наверное, я была первая девушка в помятых джинсах и простой черной майке с изображением волка, воющего на луну, которую на руках внесли в бутик дорогущего женского белья, куда я даже в суперэлегантном платье и на шпильке не рискнула бы зайти! А Стужев рискнул, и все так же продолжая нести меня на руках, подошел к двум девушкам-продавцам, у которых на лицах улыбки застыли маской.

— Доброго дня, девчонки, — сходу начал Князь в своей любезно-издевательской манере. — Где у вас примерочная?

На секунду представила, что могли подумать эти явно бывшие модели, но девушки оказались не промах:

— Вот здесь, проходите, пожалуйста, — сказала блондинистый консультант с табличкой «Ольга» на груди.

Я уж думала, с чего такой адекват, как эта же Ольга продолжила:

— Александр Мечеславович, а...

Договорить она не успела, Князь среагировал быстрее:

— Моя жена, кстати.

Блондинка споткнулась, не удержалась и, вероятно, грохнулась бы, не успев схватиться за стойку. И вид у нее при этом был такой...

— Что? — полюбопытствовал типа ничего не понимающий Стужев.

— Вы, — девушка сглотнула, — вы... женились?

— Естественно, — и меня понесли к кабинке. — Мы, мужчины, как влюбимся, так сразу женимся. Потому что с вами, женщинами, иначе нельзя.

— Но... — и пошла за нами.

Я, кстати, уже злилась.

А Князю, как и всегда, было плевать на все на свете. Он пронес меня до кабинки, опустил на пол, подтолкнул ласковым шлепком внутрь, и едва я зашла, задернул занавеску и скомандовал:

— Раздевайся, Маргош.

Даже не думала. Скрестив руки на груди, я стояла и думала: мне ему устроить скандал сейчас или через минутку? И что это за «Ольга»?! Но

возмущенной оказалась не только я, там, за занавеской, разгорелся горячий спор, причем велся он исключительно шепотом.

— Александр Мечеславович, вы не можете жениться! — шипела разгневанная блондинка.

— Это еще почему? — лениво-издевательски поинтересовался Стужев.

— Она... она... женщина! — возмущенный вскрик.

Хмыкнув, мой супруг весело ответил:

— Я в курсе, что не мужчина.

И вот тут я услышала то, чего совсем не ожидала! Вообще просто.

— Но, — блондинка гулко сглотнула, — но... но вы же князь клана Спящих, Александр Мечеславович! А она... она просто смертная!

Мне стало плохо. Мне просто стало плохо. А эти... они шептаться продолжили:

— Олењка, — наверное, еще никогда ни одно имя не звучало так оскорбительно, — менее всего я расположен выслушивать от вас, драгоценная вампиressa, на ком я должен жениться.

На этом мои нервы сдали!

— Стужев, — простонала я, сползая по стеночке, — ты еще и упырь?!

Занавеска сдвинулась. Узревший меня Алекс ободряюще улыбнулся и небрежно сообщил:

— Да ладно, Маргош, у всех свои недостатки.

Молча смотрю на его невинную улыбочку.

У блондинки сдали нервы!

— Недостатки?! — взвизгнула она. — Недостатки??? Ты, смертная, ты хоть осознаешь, что это сам князь! Сам князь, человечка гр...

Реакция у Стужева всегда была на уровне, и обхватив горло девицы, он заставил ее заткнуться. Затем повернулся ко мне, улыбнулся и с нежностью произнес:

— Минутку, малыш.

Занавеску задернул сам. А затем я услышала тихое, но наполненное яростью:

— Ольрания, не замечал ранее за вами такой откровенной невнимательности к моим словам. Я сказал — жена. У вас проблемы со слухом?

И страшный задыхающийся хрип:

— Нет, мой князь.

— Трудности с инстинктом самосохранения?

— Нет...

— Мы поняли друг друга?

— Да, мой князь.

Раздался звук чего-то упавшего. Я рванула к занавеске, одернула и увидела сидящую на полу девушку, которую, похоже, просто уронили. Блондинка потирала шею и смотрела исключительно в пол, видимо, в страхе перед Стужевым. Еще она кривилась от боли, и я абсолютно точно разглядела два острых клыка, сверкнувших под губой.

Испуганно взглянула на Сашу, но едва открыла рот, он оборвал меня спокойным:

— Я никому не позволю тебя оскорблять, даже трехсотлетнему вампиру условно-женского пола.

Блондинка испуганно посмотрела на меня, не с ненавистью, не со злостью и даже без обид, просто со страхом.

— И вы мне сочувствуете? — догадалась я.

Невольный кивок, а затем быстро отрицательно замотала головой. Поздно, я все видела. И взявш Стужева за ворот, втянула в кабинку, для очень-очень-очень серьезного разговора. Втянула молча и решительно, и только когда он, входя, закрыл занавеску, я поняла как попала.

— Ты просто мысли мои читаешь, — выдохнул Князь, сжимая в объятиях и склоняясь к моим губам.

— Даже не думай, ты, оборотне-змее-упыро-няшка! — прошипела я.

Замер, зло глядя на меня.

— Что? — шиплю дальше.

Сжал зубы, и желваки заходили на скулах.

— Это что такое было вообще?! — продолжала возмущаться я. — Стужев, я еще могу смириться с твоим поганым характером и даже калейдоскопом ипостасей... теоретически, но ты едва не убил эту... жен... вам... Ольгу, в общем!

Недоуменно выгнула бровь, после кивнула каким-то своим мыслям и вдруг широко улыбнулся. Широко-широко и нагло очень, и с намеком.

— Что?! — потребовала разъяснений я.

Рывок, и меня развернули лицом к обитой коричневым бархатом кабинке, вынуждая инстинктивно прислонить ладони к стене. Следующий рывок, и я осталась без майки, а к обнаженной спине мгновенно прижался Стужев и хрипло прошептал, целуя шею:

— Она не женщина, мой чрезмерно добрый и всем сочувствующий Маргошик. — Руки скользнули по талии, пощекотали животик, и пальцы приступили к умелому расстегиванию пуговицы и молнии. — А если бы и была ею, это не дало бы никаких прав даже косо взглянуть в твою сторону.

Теплая ладонь скользнула собственно по белью, мужскому, кстати.

— Нет, это издевательство, — прошипел Стужев. — Полный разрыв шаблона. Предвкушаешь нежные кружева, а напарываешься на...

— Ну извини, ты сам их дал, — напомнила, сдерживая улыбку.

— Ладно, я пошел отрываться по полной программе, — как-то угрожающе сообщил Кощей-младший и вышел.

А я осталась одна. Почему-то очень остро ощущив свое одиночество.

Постояла, зябко обнимая плечи, повернулась к выходу из кабинки...

И тут ураганом ворвался Стужев. Налетел, что-то швырнул на крючок и, не дав опомниться, страстно, жарко, жадно поцеловал. Голова закружилась вмиг, ноги ослабли, руки... руки никак не успели отреагировать, потому как муж остановил сумасводящие действия и, прошептав: «Меряй, Ритусь, а я там еще такое нашел», покинул примерочную кабинку.

Отдышавшись и немного прия в себя, я повернулась и увидела то, что мне предлагалось «померить»! На золотистой вешалке висел черный атласный отделанный кружевом корсет! К нему в комплекте шли абсолютно прозрачные мини-стринги с черными шнурочками и бантиком сзади! Нормальненько!

Занавеска отодвинулась, впуская любопытную рожицу няшки оборзевшей!

— Подошло?! Маргош, а чего стоим, кого ждем?

Грозный разворот к Стужеву, а он:

— Ладно, это потом, ты вот это надень, а? Только сейчас, быстренько.

И мне протянули вешалку! А с нее свисали... даже не знаю как назвать! Это не стринги, это хуже, а именно — черное кружево по бедрам и жемчужная нить собственно... собственно по тому самому месту!

Обалдевшая от увиденного, перевела взгляд с явно не нижнего, а очень эротического белья и молча посмотрела на мужа.

— Нравится? — абсолютно неверно понял мой взгляд Стужев. — Сам обалдел, когда увидел. Говорят, в нем когда ходишь, приятно очень. Так что давай, меряй, будем тебе приятное делать.

Все, это была последняя капля.

— Дорогой, — очень неласково прошипела я.

— Да, дорогая? — мгновенно включился в игру фетишист анимешный.

— Любимый, — продолжаю шипеть.

— Да, любовь моя, — просто само внимание, а не извращенец фольклорный.

— Это что такое? — срываюсь на крик я.

И Стужев обиделся. Действительно обиделся, погрустнел даже. А потом глянул на меня сверху вниз, пробормотал: «Я ей приятное хотел сделать, а она!», забрал и первую вешалку и вторую и с видом оскорбленной невинности покинул примерочную кабинку. Уже оттуда, откуда-то из глубины бутика, донеслось его обиженное:

— Не оценила. И вот если она это не оценила, остальное лучше даже не показывать.

— Значит, не будете брать? — прозвучал вежливый голосок консультанта Ольги.

— Буду, естественно, и это, и вон те четыре комплекта.

Я застыла. И тут Ольга задала вопрос, за который лично я ей была очень благодарна:

— А вы ничего не хотите выбрать чтобы... ваша половинка это в повседневной жизни носить могла?

И тишина. Затем хмурое:

— Ладно, показывай.

— А... можно я сначала поинтересуюсь, что предпочитает ваша супруга?

Нет, определенно Ольга начинала мне нравиться.

Через две минуты я услышала тихое: «Можно войти?», ответила «да» и в кабинку заглянула вампирша.

— Мне кажется, вы оцените эти модели, — произнесла девушка и с вежливой улыбкой протянула шесть комплектов.

Кремовый, темно-фиолетовый, красный, красный с эластичным кружевом, черный, белоснежный — мне понравились все, а выбрала черный.

— Уверена, размер ваш, — все так же вежливо сказала Ольга.

Примерка показала, что глазомер у вампиров отменный. Стоя перед зеркалом, я уже думала позвать или не позвать Стужева, но он заявил сам. Зашел, вышел, задернул занавеску.

— Плохо? — мстительно спросила я, и так зная, что мне суперски подошло.

— Мне? Очень, спасибо что спросила, — отзвался муж. И уже не мне: — Мы все берем.

— А примерка? — прозвучал вежливый голосок Ольги.

— Изdevаешься, да? — хрипло спросил Князь.

— Что вы, господин, — но по голосу сразу ясно — изdevается.

Зато когда вампирша вошла ко мне, издевки ни во взгляде, ни в голосе уже не было. Только немой вопрос при взгляде на мужскую майку, которую

я собиралась надеть поверх белья, потому что снимать его я отказывалась.

— А может... я вам что-нибудь другое подберу? — предложила Ольга.

— Из белья? — уточнила я.

— Из одежды, — поправила девушка. — Я уложусь в пять минут, подождете?

Учитывая, что это был магазин нижнего белья, а не одежды, я с некоторым сомнением взглянула на вампиршу и уже хотела сказать «нет», как она меня перебила едва слышным:

— Единственное хорошее в вашем супруге — размер счета. К сожалению, я серьезно, — смотрела она на меня действительно очень серьезно. — Так что переживать о деньгах совершенно излишне, я бы на вашем месте вообще требовала моральную компенсацию с шестизначным числом за каждый день брака. Подождете?

Вконец шокированная, я просто кивнула.

Ольга выскользнула из кабинки и обронила Стужеву:

— Пять минут, мой князь.

Через мгновение появился тот, из-за которого мне все сочувствовали! Молча смотрю на красивое лицо, сине-серые, окидывающие меня восторженным взглядом, глаза, широкие плечи, узкий торс, красивое все остальное. И руки, одна из которых скользнула на мою талию, вторая начала исследовать край бюстье, одновременно скользя по груди. И вот смотрю я на все это и — мне завидовать нужно! Черной завистью причем. Ну или белой... но точно не сочувствовать.

— Ритусь, — позвал Стужев.

— Мм? — задумчиво отозвалась я.

— Ты о чем думаешь?

— О степени поганости твоего характера, — нехотя призналась.

— Расслабься, — Стужев наклонился и уже почти целую, выдохнул: — Все гораздо хуже, чем ты себе можешь представить, так что просто расслабься и получай удовольствие.

Какое удовольствие?! Я увернулась от поцелоя, обвила его шею руками, прижалась и просто стояла. Несколько растерявшись от такого, Князь тоже меня обнял, но хватило его ненадолго и руки начали курсировать от моей спины, до... в общем пониже спины.

— Хочешь анекдот? — вдруг спросил он.

— Давай, — безразлично согласилась.

— Ну слушай. В общем, спальня, лежат дед с бабкой, дед так осторожно протягивает руку, касается ладони бабки, сжимает нежно ее ладошку...

— И? — Я запрокинула голову, посмотрела на него.

— И тут бабка говорит: «Ой, только не сегодня, у меня голова болит».

Все. И молча на меня смотрит.

— И? — не поверила я в завершенность анекдота.

Разочарованный моей недогадливостью, Стужев тяжело вздохнул и пояснил:

— И вот в старости даже подержаться за руки — лень, Ритка!

— И? — снова не поняла я.

— И в общем, пока не постарели, давай не будем тратить время зря, — прошептала моя невозможная злодейская сволочь, и в следующую секунду я была прижата к кабинке, а он продолжил: — Даже если это всего пять минут.

Сильные, жадные, вечно до меня голодные губы накрыли мои, унося куда-то, где я сама себе завидовала. И не сочувствовала ни разу!

Пять минут мы безбожно целовались и нам было мало, а потому, когда возле кабинки раздалось: «Мм... можно войти?», разочарованно простонали оба.

— После универа — домой, — решил Стужев.

— Идет, — сходу согласилась я.

Его искрящиеся счастьем глаза.

— Люблю тебя, — нежный поцелуй. — Очень люблю, — еще один, — ведьмочка моя.

Последний поцелуй вышел чувственным, сладким и таким улетным, что я стояла, улыбаясь и прикрыв глаза и после того, как Александр вышел из кабинки. И даже когда вошла Ольга, и даже после того, как она протянула мне стопку пакетов.

Доставала я содержимое с той же глупо-счастливой улыбкой и под недоуменно-сочувствующим взглядом вампирши. Вытащила зеленое шелковое платье без изысков, но сразу видно, что совсем не дешевое, чулки, темно-зеленые туфельки на шпильке, в тон к ним темно-зеленую сумочку.

— Честно, я буду вам крайне благодарна, если вы все это наденете, — призналась Ольга.

— А... если не надену? — осторожно спросила я.

Мне протянули другой пакет — джинсовые тортики весьма интересного покроя, белые носочки, синие джинсовые кроссы, зеленая асимметричная маечка, открывающая одно плечо, свободная в груди и обтягивающая в талии.

— Это! — решила я.

— Жаль, платье вам изумительно подошло бы.

— Просто универ, — попыталась объяснить я.

Ольга понятливо кивнула, убрала платье, чулки и туфли, срезала бирки с остальной одежды и оставила меня переодеваться.

Когда я вышла из кабинки, у некоторых заметно потемнел взгляд, а Ольга с трудом подавила мстительную улыбку. Нет, на самом деле я ей была очень благодарна — на мне еще ни одни шорты и ни одна майка так не смотрелись — стильно, чувственно как-то и ненавязчиво подчеркивая все, что можно было подчеркнуть, я собой сама в зеркале залюбовалась. А еще цвет маечки потрясающе подчеркивал оттенок глаз, в общем, мне очень понравилось, и даже появилось желание попросить Ольгу подобрать остальной гардероб для моих подросших после молочной речки форм.

— Черт, хорошо, что не платье, — хрипло произнес Стужев.

Ольга с трудом сдержалась, а затем невинно заметила:

— У вас от нее крышу... рвет.

— И чем дальше, чем больше, — не отрывая от меня взгляда, согласился Александр, а потом уже мне: — Ритка, ну нельзя же быть такой красивой!

— Извини, — развела руками, — ты сам в этом виноват.

— Да нет, мне все нравится, — заметил Стужев, забирая все передаваемые ему продавцами пакеты, — просто я вдруг подумал... — он взглянул на Ольгу, — а хиджабы тут где продаются?

Молча подошла к нему, забрала у Ольги пакет с платьем и посоветовала мужу:

— А ты не думай, Саш, просто расслабься и получай удовольствие.

* * *

К универу ехали молча, только поглядывали друг на друга хитро очень и все равно улыбались — не портило настроение даже то, что нам предстоял грандиозный скандал по поводу покупок, которые он таки забрал из магазина, а я таки не надену. Просто хорошо было, очень-очень, и единственное, о чем хотелось думать, это что мы сегодня почти весь день будем вместе.

— Хочу медовый месяц, — задумчиво произнес Князь, подъезжая к университетской стоянке.

Я ничего не сказала, любуясь взглядами всех наших, которыми они

сопровождали «Феррари» Стужева. Нет, шока не было, Александр часто подвозил девушек, а потому смотрели на него как обычно — с восторгом, а на меня несколько скептически, мол, очередная жертва университетского альфа-мачо. Но едва припарковав машину, Саша вышел, схватил мой рюкзак с заднего сиденья, привычно перекинул через плечо, следом была так же небрежно заброшена его черная сумка, после чего, обойдя машину, он укоризненно покачал головой уже вышедшей мне, закрыл дверцу, взял меня за руку и, весело насвистывая, повел ко входу.

И вот это был уже шок. Причем у всех! Заявились мы к перерыву после второй пары, так что на улице были практически все студенты: кто курил, кто просто болтал, кто торопливо кофе прихлебывал, без которого у некоторых мозг с утра работать отказывается.

— Да, кстати, нужно будет мне в учебку зайти, — сообщил Саша, привычно игноря всеобщее потрясенно-повышенное внимание.

— Мм, зачем? — Я затравленно поглядывала по сторонам, хотя вообще желание было — глаза в пол и не поднимать.

— Потому что нужно, — загадочно ответил Стужев и отпустил мою ладонь.

Чтобы, подхватив на руки, взлететь по ступеням, ногой открыть тяжелые двустворчатые входные двери и, продолжая насвистывать, потащить меня к аудитории. И все это он проделал так естественно, словно вообще каждый день так делал, причем всегда, а мой вскрик и всеобщее состояние глубокого шока попросту не видит.

— Саша, может, отпустишь? — прошипела я.

— Не хочу, — весело отозвался муж. — Мне нравится, тебе, кстати тоже, мнение остальных меня не волнует.

Но почти сразу опустил, потому что мы к дверям аудитории подошли. И мне торжественно передали рюкзак, а после:

— Люблю тебя, — прошептал Князь, склоняясь к моим губам и нежно целуя.

Мнение окружающих и меня перестало волновать совершенно.

— На перерыве заскочу, — прошептал муж, поцеловал еще раз и, нехотя оторвавшись, кивнул на дверь: — Все, заходи, а то у меня настроение совсем не учебное стало.

Стою, смотрю на него и улыбаюсь.

— Даже не знал, что так бывает, — тихо признался он.

— Как? — Я не могла не спросить.

— Здорово, — выдохнул Стужев. — Все, Маргош, марш учиться, и это... — взгляд стал угрожающим, — чтобы никого рядом, ну ты меня

поняла. Пока.

И меня втолкнули в аудиторию, нежно, но непреклонно.

— Всем привет, — сказала я привычное на входе и потопала к своему месту.

В полупустой аудитории мне вяло ответила пара голосов, и все вернулись к телефонам. Я же села за парту, сверилась с расписанием, достала тетрадь по «Истории Государства и права», подумала, что нужно было захватить ноут. У нас на первом курсе не все преподы лояльно относились к ним (в целях сохранения эпистолярного жанра), но Ирина Владимировна разрешала.

Дверь распахнулась раньше, чем прозвенел звонок. И наши ввалились не гурьбой, как обычно, а как-то не особо громко и несколько... странно. Я обернулась — все смотрели на меня. Даже жутко стало. Вернувшись к тетради, вписала сегодняшнее число...

— Ильева, — Никитос Сухов, наш староста, подошел, встал перед партой, — ты вообще как?

— Мм, — стараемся не улыбаться, — Никит, прости, что меня два дня не было, я...

— Да забей, — отмахнулся Сухов, — ты в команде Георгия Денисовича, вам вечно послабления. Я о другом... — парень смущился, а затем осторожно: — Ты... со Стужевым?!

И взгляд такой — сочувствующий!

Отвечать мне не хотелось. К счастью, появилась преподаватель, и Сухов торопливо ретировался на свое место. А я осталась наедине с невеселыми мыслями... мда, я как-то совсем не подумала, что ждет меня в университете. Потом вспомнила, что ждет меня дома, и реакция одногруппников волновать перестала совершенно. Чувствую себя влюбленной дурой. Совсем влюбленной, окончательно просто. Но очень-очень счастливой. Как-то ненароком вспомнилась вчерашняя ночь, наши безумные танцы, наш первый рассвет...

— Ильева, — оклик Ирины Владимировны заставил вернуться в реальность, — записываем, Ильева!

«Стужева» — подумала я и взялась за ведение конспекта. Писать не хотелось совершенно, мысли постоянно, неизменно и вечно возвращались к одной злодейски-обаятельной няшке с сине-серыми глазами и улыбка не сходила с лица, хотя уже все скулы болели. И как-то совсем мне было не до истории Государства и Права. Вообще.

Пара прошла ни шатко ни валко, я половину пропустила мимо ушей, и

когда зазвенел звонок, подумала только об одном — написать Стужеву или позвонить? Серьезный выбор, да, сама от себя улыбаюсь. В итоге написала маме, что у меня все замечательно и буду вечером с... мужем. От мамы мгновенно пришел вопрос: «Ты где?» — «В универсе, на парах, делаю вид, что учусь, а не в облаках витаю». «А ты витаешь?!» — очень удивленный вопрос. «Кажется — да, или парю, сложно разобраться, но одно из двух точно».

Ответа от мамы не дождалась, так как в следующий миг передо мной возникла пластиковая тарелочка с чизкейком и чашечка с кофе, и цветочек орхидеи на тарелочке рядом с чашечкой, а еще кто-то очень любимым голосом промурлыкал:

— Я тут вспомнил, что вы ничего не съели за завтраком, госпожа Стужева.

— Да не до еды было, господин Стужев, — ответила я, запрокинув голову.

Теплые, нежные и такие жадные губы мгновенно накрыли мои. Секунд на тридцать, после чего, чмокнув меня в носик, Саша уселся на парту и скомандовал мне:

— Завтракай, гастрит женщину не красит.

Я достала влажную салфетку, вытерла руки и взяла тарелочку с пироженкой.

— В учебной части был, — отчитался Князь. — Георгий Денисович ждет нас после пары, так что учись спокойно, Маргош, потом смотримся по делам, потом к твоим, — он улыбнулся и протянул радостно-предвкушающе: — Потом домо-о-о-ой.

— Можно начать с последнего пункта, пожалуйста, — занудным тоном протянула я.

Стужев улыбнулся шире, подался ко мне и прошептал:

— Ну если ты настаиваешь...

Наваждение какое-то! Он, его голос, этот взгляд завораживающий и...

— Я ем, — капризно заявила мужу.

— Кушай-кушай. — Он снова вальяжно уселся прямо на парте. Потом огляделся и невинно поинтересовался: — А что это ваши такие пришибленные сегодня?

Даже оглядываться не хотела, я почему-то так и подумала, что все остались сидеть по местам, а тишина, потому что внимают каждому слову.

— Это не пришибленность, Саш, это шок, — прошептала только для него.

— Да? — изумился он, даже не пытаясь говорить тихо. — С чего бы?

Жуя вкуснятинку творожную, отложила тарелку, полезла в рюкзак, достала зеркальце, открыла, протянула Стужеву, так чтобы он собственное изображение узрел.

— Ну? — не понял Князь самого прямого из намеков.

Я прожевала, сглотнула, запила кофе и пояснила, но тоже шепотом:

— Понимаешь, ты и со мной. — Он не понимал, он, чуть вскинув левую бровь, со смесью непонимания и недоумения смотрел на меня. — Со мной, — поясняю повторно, левая бровь вскинулась чуть выше, — и чизкейк принес... с цветочком...

Я-то говорила шепотом, а вот Князь у нас без тормозов и потому спокойно, отнюдь не тихо и совсем не заботясь о психическом здоровье окружающих, переспросил:

— А что такого шокирующего в том, что я о любимой жене забочусь?

Кто-то грохнулся вместе со стулом. Стужев на этого кого-то с сомнением глянул, а я, уже понимая, что сейчас будет, беспомощно прошептала:

— Ключевое слово — жене. Хотя... — с сомнением на него взглянула, — любимой, говоришь? А что, нелюбимые тоже есть?!

На это Князь вполне сурово пригрозил:

— Покусаю.

Но я, доедая пирожное, задумчиво продолжила:

— Надо было вчера твой паспорт глянуть, а вдруг там еще печати имеются?

— И не только за попу, — продолжил бесполезное дело с угрозами Стужев.

Молча доела, отложила пустую тарелку и ложечку, взяла кофе. Молча.

— Я первый раз женился, серьезно, — обиженно сказал Князь.

Надо было смолчать, но:

— Да я так и поняла, — мило улыбнулась супругу. — Уровень организации свадебного торжества сказал о многом.

Замер, губы сжал, а в глазах смешишки.

— Ну, Ритуська, ну ты и вредина. — Стужев спрыгнул с парты, забрал пустую тарелку. Нагнулся, поцеловал и напомнил: — Зайду после пары.

— Хорошо, милый, — нежно ответила я.

Улыбнулся и ушел, счастливый такой. Мы с кофе тоже такие счастливые были, и даже прозвеневший звонок настроения ничуть не испортил, и появившаяся Ирина Владимировна, и взгляды отовсюду! Да вообще состояние улетное. А еще чувствовался тонкий аромат орхидеи.

Недолго я улыбалась.

— Ильева, — Ирина Владимировна прошла, встала за кафедрой и, пристально глядя на меня, продолжила: — Мне тут в учебной части сообщили, что у некоторых фамилия поменялась... Это правда?

Под проницательным взглядом поверх очков ни врать, ни увиливать не вышло бы, и я просто молча кивнула.

— Стужева?! — полу вопросительно-полу утвердительно произнесла Ирина Владимировна.

Снова кивнула. И на меня с таким сочувствием посмотрели!

Стоило бы, наверное, смолчать, но я не выдержала и решительно сказала:

— Нормальный он парень.

На меня такой взгляд бросили, что даже нехорошо стало.

— Куда твои родители смотрели? — только и сказала Ирина Владимировна, а затем вернулась к лекции.

Я не писала ничего. Не могла просто. Барабанила ручкой по столу, гипнотизировала взглядом цветочек и... и гнала прочь от себя страшные мысли. Страшные, пугающие... ага, про характер поганый. Но характер у Князя действительно отвратительный, с этим даже я спорить не буду, злобный, авторитарный, на всех наплевательский и без тормозов. Знаем, все знаем. Сочувствую ли я себе? Пока не очень. Пока состояние такое: обзываются — шок. И где-то неверие в происходящее, но в то же время я все больше чувствовала себя счастливой. Очень счастливой. Мне так хорошо, спокойно и светло еще никогда не было. И ни с кем. А то что характер у него такой, так и у меня не сахар и...

А потом как пыльным мешочком из-за уголочка — я замужем! Замужем! Реально и даже печать в паспорте есть! И...

— Ильева... тьфу ты, Стужева! — прикрикнула преподаватель.

Молча открыла тетрадь и принялась записывать. Писалась всего одна фраза: «Я замужем, Я замужем, Я замужем, Я замужем», через сорок повторов само собой записалось: «Жизнь кончена». Такой несчастной себя почувствовала. Представились горы грязных носков, дети сопливые, нет, Ромочку я люблю и что такое дети — знаю, но мои собственные, гипотетические, мне представились грязными, сопливыми, сопливыенькими, с ручонками, которые они ко мне протягивают, и словами: «Мама, кушать». А гипотетический Стужев-муж представился с пивом, в линялых трусах-семейках, на затасканном диване и перед телевизором... И характер поганый. И я вся такая несчастная...

Однокая слезинка шмякнулась на тетрадь.

Завибрировал телефон, подтянула к себе ближе, открыла сообщение от

Саши:

«Чего делаешь?».

«Плачу», — честность в супружеских отношениях — это главное.

Мгновенно пришел вопрос:

«Что случилось? Рита, я сейчас приду, сиди там!».

«Да ничего не случилось, все хорошо, пара у меня».

Секунд двадцать никакой реакции, затем вопрос:

«А плачешь чего?»

«Мне меня жалко».

И правда, так жалко.

«Почему?» — вот даже в электронном сообщении чувствовалось, что вопрос был хмурым.

«Мне все сочувствуют», — призналась я.

«Почему?»

Он что, издевается?

«Потому что характер у тебя, Стужев, поганый!» — не выдержала я.

С минуту мне ничего не писали, затем пришло сообщение:

«Это единственная причина?».

Ну я и сорвалась:

«Я замужем... только сейчас вдруг поняла! Замужем! Это все, жизнь уже кончена! Впереди грязные носки, памперсы, супчики всякие и ты пьяный в трусах-семейках с пивом у телика! И футбол! Ненавижу футбол!».

И отправила. Все сообщение взяла и отправила.

И тут в коридоре раздался хохот! Громкий такой, с издевательскими нотками!

«Стужев, ты что, за дверью?!» — догадалась я.

Смех прекратился.

Затем на телефон пришло сообщение:

«Носки стираю себе сам, трусы тоже, расслабься. Семейки, кстати, не ношу. Футбол не смотрю. На случай памперсов есть Генри, Иван и привидение, пока привидение одно, но если захочешь, я тебе их сотню призову. А теперь хватит реветь, собирай рюкзак, пара через минуту закончится».

И не успела я дочитать и за себя порадоваться, как он добил:

«А характер да — поганый. Мне тебя тоже так жалко».

Ответить я ничего не успела, потому что прозвенел звонок. Вместе со всеми записала параграфы к самостояльному изучению и уже было поднялась, когда услышала:

— Ильева, ко мне подойди, — причем тон у Ирины Владимировны был очень нехороший.

Мне даже не по себе стало. Но едва первый человек вышел из аудитории, как сразу вошел Саша, и преподаватель, отрицательно мотнув головой, торопливо собралась и вышла. И как это понимать?

Подошедший Стужев внимательно вгляделся в мое лицо и мрачно спросил:

— Что?

— Норм, — отмахнулась я, пытаясь закинуть рюкзак на плечо.

Рюкзак был отобран в полете, и вдруг все застыло! Замерли мои одногруппники, а дверь захлопнулась сама, без чьей-либо помощи, в следующее мгновение, схватив меня за запястье, Стужев рванул на себя, прижал и тихо, зло спросил:

— Марго, ты мне доверяешь?

Хороший вопрос. Интересный даже! И все замерло, даже пыль в свете солнечных лучей, и мир оцепенел тоже, а в глазах Князя жесткий вопрос. Хороший такой вопрос, глубокий.

— Саш, — попыталась вырваться.

— Маргошка, — рык с шипением — это жутковато, как оказалось. — На меня посмотри и скажи честно — ты мне доверяешь?

Молча смотрю, чувствуя, как майка сползает с плеча, бредовая ситуация, да.

— Что, доверия я не заслужил? — с явственно прозвучавшей горечью, спросил Александр.

— Изdevаешься? — прямо спросила.

Промолчал, даже взгляд отвел. Гад же, вот как есть гад!

— Саш, — позвала, в ответ — тишина. — Саша...

Молчит. А с другой стороны кто-то в дверь ломиться начал.

— Слушай, Стужев, — обняла его лицо ладонями, повернула, заставила на себя посмотреть и тихо ответила, — я тебе не доверяю. Вообще. Но если говорить откровенно, тебе я доверяю все-таки чуточку больше, чем всем остальным. В смысле даже больше, чем всему миру, так что...

— Зараза, — с чувством сказал муж, взял за руку и повел прочь из внезапно ожившего класса.

Следя за ним и обходя препятствия, я не могла промолчать:

— А чего сразу «зараза»? Мы, между прочим, уже день женаты, а я о тебе вообще практически ничего не знаю, кроме того, что ты зверь, гаденыш и кровопийца!

Наверное, шокировать публику — наше с Александром кредо. Потому что после моих слов Ксюша выронила учебники и даже ноут, пара человек споткнулись и вообще опять тихо очень стало.

— Да, я такой, — спокойно согласился Стужев. — А будешь вредничать, мы и до садизма с мазохизмом дойдем, или как это там называется?

— БДСМ, — подсказал кто-то из группы.

И нагловато-шутливый Князь исчез мгновенно, став злопрезрительным высокомерным Александром Стужевым, смерившим нашего старосту Никитоса внимательным взглядом.

— Простите, — струхнул Сухов.

— Ну так вот, Маргош, — словно ничего и не было, продолжил Саша, выводя меня из аудитории, — ты последила бы за своим языком, а?

Едва мы вышли в коридор, Князь с улыбкой взглянул на меня и вернулся к вопросу:

— Согласна?

— На что? — меня откровенно передернуло от ситуации с Никитой.

— Фильтрацию речи при общении с собственным супругом. — У Стужева зазвонил телефон, но он его проигнорил.

— Можно было бы. — Я изобразила задумчивость, а затем ехидно добавила: — Но тебе самому скучно станет.

Широкая ухмылка, кивок и неожиданное:

— Так не понравилось, что я осадил этого из твоих?

— Да неприятно как-то, — честно призналась я.

— Нельзя быть такой доброй, Ритусь, — тихо произнес Стужев, увлекая меня к лестнице.

Мы поднялись на три пролета, прежде чем я решилась ответить:

— Я такая, какая есть, Саш.

И еще через пролет я услышала его ответ:

— Проблема в том, что я тоже, Маргош.

Вздрогнула всем телом. Стужев остановился, укоризненно покачал головой.

— Что? — поинтересовалась я причиной его реакции.

— Да вот мне интересно, сколько... — протянул он.

— Сколько «что»? — стремно стало.

А Князь вдруг нагнулся, нежно поцеловал и хрипло спросил:

— Сколько можно себя жалеть?

Шмыгнув носом, обиженно призналась:

— Да реально жалко себя... и характер у тебя злобный!

— Да, но я же очень обаятельный злодей, Маргошик, за что ты меня и любишь.

— Я... а...

— Кстати, мы опаздываем, — невинно намекнул Стужев, и мы пошли дальше.

Дулась я, наверное, до конца лестницы, а потом оно все как-то забылось.

Как ни странно, на четвертом этаже было тихо и безлюдно, что реально удивило — обычно здесь тоже народ курсирует. А сейчас никого, вообще. Потертый линолеум, свежевыкрашенные стены, закрытые двери, за которыми царила тишина.

Испуганно взглянула на Стужева, он безразлично пояснил:

— Начальство будет, так что просто меры безопасности приняли.

— В смысле? — не поняла я.

— Ритусь, — Саша остановился, склонился надо мной и шепотом объяснил: — Такие, как Евгений и тот генерал, это государственные структуры контроля, мы фактически организованная преступность. Тот факт, что мы действуем в масштабе универа, госструктуры точно не могли упустить из вида, и я более чем уверен, что некоторые из преподов, ваша Ирина Владимировна, например, сотрудники госучреждений. Теперь смотри — мы ждем начальство, следовательно, убираем всех преподов с четвертого этажа. Обычные меры предосторожности, солнышко.

Я — солнышко, так приятно стало.

Правда, и вопросы остались:

— Саш, а не проще ли было бы организовать встречу начальства вне универа, а?

— Нет, — он провел носом по всей длине моего носика, — переход же здесь.

Затем легкий поцелуй и спокойное:

— Но ты его закроешь.

— Я?! — едва не заорала. — Саша, я не умею!

Еще один поцелуй и спокойное:

— Ты хранительница Терры, Маргош, для тебя Мастер и его команда — априори враги, они те, кто вторгся на твою землю и приносит вред. Но это все к делу не относится, ты закроешь переход совершенно неосознанно.

Недоверчиво смотрю на мужа, Стужев, явно не удержавшись, поцеловал еще раз и шепотом предупредил:

— Главное, постарайся это сделать незаметно, не демонстрируй того, что ощущаешь разрыв пространства.

Он выпрямился, ожидая моей реакции, а я... я... я стояла растерянная посреди пустого коридора, смотрела на Сашу, понимала все сказанное, но чувство такое — панического ужаса! И я...

— А если я не смогу? — Хотя, наверное, не так вопрос поставлен. — А если они все поймут, Саша?

Я испуганно смотрела в его сейчас почти синие глаза, такие спокойные, и вообще он был весь уверенный и так же спокойно-уверенно произнес:

— Если они что-то поймут, я всех убью, Ритусь. Я прикрою тебя в любом случае, что бы ни случилось. Просто расслабься, хорошо?

Мне странно стало, и не до расслаблений совсем. И идти никуда не хотелось, вообще.

— Я рядом, — напомнил Князь.

И мы пошли на заклание.

Дверь открыл Стужев — даже не думая стучаться и вообще с видом хозяина, вернувшегося домой и совершенно неожиданно обнаружившего гостей. У него на лице и гримаска была — недоуменно-возмущенно-хозяйская, причем все присутствующие явно себя не в своей тарелке почувствовали.

— Понаехали, — презрительно протянул Александр.

У Георгия Денисовича вытянулась морда лица, остальные переглянулись, а я вошла, мило всем улыбнувшись и приветливо сказала:

— Привет.

— Геям, — вставил Князь.

Обернувшись, возмущенно взглянула на него.

— Что? — ехидно полюбопытствовал Стужев. — Тебе намекать на их яйную сущность можно, а мне нельзя?! Прости, дорогая, у нас равноправие.

— Семейное? — поинтересовалась я.

Подавив коварную ухмылку, Саша склонился ко мне и прошептал в ухо:

— На постельное даже не надейся, Ритусь.

И весело подмигнув, повел меня к своему любимому месту — подоконнику. И едва мы дошли, наплевав на недобрые взгляды окружающих, забрался, сел, спиной к стене, одну ногу согнул, вторую оставил свешиваться и притянул меня к себе, так что теперь я была в кольце его рук, и вот обняв меня покрепче, лениво произнес, обращаясь к Мастеру:

— Рассказывайте.

Я не знаю, почему Георгий Денисович стерпел такое откровенное хамство — побагровел даже, но стерпел. Зато вместо рассказа он потребовал:

— Князь, поясни свой намек на семейные обстоятельства!

Я взглянула на Сашу, тот загадочно-мечтательно улыбался, глядя на меня, в душе росло что-то бесконечно счастливое.

— Князь! — от рева Георгия Денисовича задрожали стекла.

Но это не заставило нас оторвать взгляд друг от друга. Наверное, мы могли бы сидеть так целую вечность, но со мной вдруг начало что-то происходить. Сначала я даже внимания не обратила — теплые руки Стужева, надежность его объятий, спокойствие, словно исходящее от Князя, некоторое смущение от ситуации, — все это в первые моменты затмевало это чувство, раздражающее, как чесотка, и все усиливающееся...

— Маргош, — Саша потянулся ко мне и прошептал: — Опусти глаза или отвернись к окну, играй в смущение, я не уверен, но есть подозрение, что твои глазки сейчас засияют зеленым светом.

Еще вчера утром я спросила бы: «В смысле?», уже сегодня я отвернулась к окну, опустив голову и радуясь тому, что волосы оставила распущенными и теперь они совершенно закрывали мое лицо.

— Все хорошо, я рядом, — едва слышно напомнил Стужев, обнимая крепче, а затем уже не мне, громко, нагловато-ехидно ответил: — Дело молодое, Мастер, любовь, страсть, сами понимаете.

— Да уж догадываюсь! — прорычал Георгий Денисович.

— Угу, — подтвердил Стужев, — в общем, мы поженились.

Сердце забилось сильнее. Сильно, мощно, гулко, словно наращивая темп, в пальцах закололо, по телу пробежался озноб. Где-то здесь, Саша продолжал крепко обнимать и шепнул успокаивающее: «Расслабься, это произойдет вне зависимости от твоего желания. Просто расслабься, сила восстановит пространство сама». Это здесь, а там — разъяренный рык Мастера:

— Поженились?! Вы поженились?! Да это... это...

— За базар ответишь, — вдруг зло вставил Князь.

И рев прекратился. Вообще. А затем Стужев спокойно произнес:

— Мы поженились. Марго — моя жена. Моя. Жена. И я очень посочувствую тому, кто рискнет даже попытаться произнести что-либо неуважительное в адрес моей жены. На этом все. Теперь рассказывайте, что там у вас случилось.

Я слышала все, каждое слово Саши и в то же время не могла слушать.

Потому что в ушах бился, нарастаю, какой-то стрекот, словно миллиард сверчков накатывали черной волной, словно...

— Ильева, это правда? — донесся далекий голос Георгия Денисовича.

— Не Ильева, а Стужева, — меланхолично поправил Князь, а затем уже откровенно зло: — Вы с вашим ревом оскорбленного быка, которому прищемили хм... достоинство, испугали Риту. Ей и так не по себе было, она у меня скромная, так что хватит, дайте Маргоше успокоиться. Кстати, я в последний раз спрашиваю, что там у вас произошло?

Не знаю, что было дальше — Мастер что-то говорил, даже кричал, но я слышала его голос словно издалека, и он едва прорывался сквозь стрекот. Он и шепот фактически сжавшего до боли Стужева: «Ритусь, если не получается, если не можешь, просто мотни головой, я вынесу тебя отсюда!» Шепот был встревоженный, а руки сжимали так крепко, что у меня, кажется, сейчас затрещат ребра, но... я не могла уйти. И не хотела! Уйти было неправильно, неверное, я должна была это убрать... Что-то черное, откуда доносился скрежет сверчков, откуда лился черный свет. Неправильное! Корявое! Рваное! Высасывающее что-то из мира, моего мира! Мира, который был частью меня, а я частичкой его...

Нежный поцелуй и злой шепот: «Ритусь, все, мы уходим, мне не нравится это». И пришлось собрать все силы, чтобы простонать в ответ:

— Нет.

Замер, чувствуя его дыхание на своей щеке, а затем тихо произнес:

— Ты плачешь. Это не дело. Мы просто уходим, к преисподней этот разрыв, что-нибудь придумаю прежде, чем у тебя психоз начнется. Все, Маргош.

— Нет! — прошипела фактически. — Не могу.

Судорожно вздохнул и уткнулся носом в мое плечо, но дыхания его я не слышала — свист ветра медленно, но верно врывался в сознание.

— Слушай, — вдруг тихо прошептал Стужев, — а представь, что ты спишь утром, и утро такое потрясающее, а шторы задернуть забыла с вечера, и луч солнца бьет в глаза... так раздражает, да?

Он правильное слово подобрал — раздражает! Очень сильно! До безумия просто!

— Так задерни штору, Маргош. — Дразнящий шепот, и Саша легко прикусил мочку уха. — Просто задерни.

Я закрыла глаза. Нет, до его слов мне казалось, что наваливается лавина черных сверчков, и волны черные накатывают, а теперь такое ощущение, что я с закрытыми глазами вижу дыру, у которой рваные края. И стоит протянуть руку... не явно — мысленно и...

Чувство, что по пальцам пробежались искры, какое-то порывистое чисто интуитивное движение, ощущение тепла, разлившегося по телу, и тишина... Удивительная, благословенная тишина, в которой слышны лишь слова Мастера:

— Игнат действовал на территории Земли более двадцати лет, вероятно, осознанность он получил сразу после рождения. Несмотря на подозрения, Демон многократно подтверждал свою лояльность, и руководство...

Я перестала вслушиваться, повернула голову и встретилась с встревоженным взглядом сине-серых глаз. Улыбнулась, он облегченно выдохнул, и только сейчас я поняла, насколько за меня переживали.

— Все? — одними губами спросил Саша.

— Кажется, да, — невероятное спокойствие окутывало призрачным одеялом абсолютного счастья.

— Хорошо, — наклонился, легко поцеловал и прошептал: — Тогда я снимаю иллюзию, идет?

Молча кивнула.

И почти сразу голос Мастера стал громче, и вообще мир словно вернулся. Такой, каким и должен быть, без черных сверчков и свиста потустороннего ветра, правильный мир, целостный. Правда, меня немного пугало произошедшее, да что там немного — сильно. Нет, чисто гипотетически я догадывалась, что теперь я Яга, а это типа хранительница Терры. Гипотетически. Но чтобы вот так! И вообще страшно!

— Все хорошо, — прошептал Стужев. — Ты просто не смогла бы пройти мимо, перестала бы спать по ночам и тебя тянуло бы сюда с каждым днем все сильнее. Ты Яга, у вас так, расслабься и не думай об этом больше. Просто не думай.

Интересно, а он понимает, насколько мне сейчас нужно, чтобы продолжал сжимать вот так крепко и надежно, чтобы был рядом и говорил... что-нибудь, что угодно, лишь бы слышать его голос и знать, что он рядом?

— Князь! — Оклик Мастера. — О чем вы там шепчетесь?! У нас, между прочим, важное совещание!

Медленно повернув голову к Георгию Денисовичу, Стужев улыбнулся и нагло ответил:

— У нас важнее, мы имя первенцу придумываем. «Георгий» даже рассматривать не собираемся, расслабьтесь.

В помещении стало тихо, разве что мой сдавленный смешок прозвучал едва слышно. Но никто, абсолютно никто ничего не сказал. На меня

старались даже не смотреть, особенно Волк и Сеня Снежинский, но тяжелый взгляд зеленых глаз я на себе почувствовала. Молча посмотрела на Дениса, Колдун зло на меня. Взгляда отводить я не стала, я ни в чем не была виновата перед ним, ни в чем и никак, и эта его показная злость вообще безосновательна. Колдун усмехнулся и отвернулся. Мне не понравилась эта усмешка, повернула голову к Стужеву и поняла, что ему тоже, он, как и я, поведение Дэна отметил. Мы переглянулись, Саша улыбнулся, потянулся ко мне, потерся носом о мой нос. Так нежно и так мило, и вдруг не важен стал ни Колдун, ни вся эта ерунда, что творилась со мной всего несколько минут назад. Взглянула в сине-серые глаза, ответила улыбкой на его улыбку и неожиданно подумала, что я счастливая. Абсолютно счастливая, и мне очень-очень хорошо.

Дверь открылась странно. Резко, а затем очень медленно и со скрипом. Ощутила, как напрягся Александр, напрягся, но даже фривольной позы не изменил и все так же продолжал обнимать, крепко и надежно.

Их было двое. Первый шагнул смело — высокий, как Стужев, совершенно седой, и его собранные в хвост на затылке волосы были перекинуты на плечо, словно подчеркивая серо-серебристый костюм. У этого незнакомца было хищное лицо с орлиным профилем, голубые колючие глубоко посаженные глаза, тонкие губы, острый подбородок. Второй вошел, словно стесняясь, — закутанный в черный плащ, он не шел — будто парил над полом и на какой-то момент мне подумалось, что это женщина... На тот краткий момент, пока второй не откинул капюшон. Ужас! Ледяной, убийственный ужас!

Я поняла, что дрожу всем телом, только когда Саша начал осторожно поглаживать по спине. Нервно взглянула на него, Стужев весело подмигнул, и я поняла, что бояться нечего. Но стоило вновь взглянуть на пришедших, как стало совсем страшно — они оба看了我 на меня. Холодные голубые глаза седого и бездонно-черные, нечеловеческие глаза лысого, покрытого шрамами чудовища, в котором мало что осталось человеческого.

— Малыш, — Стужев склонился к моему уху, но говорил не таясь, зная, что каждое слово услышат, — первый — Алкер, он норвежец и маг с превалирующей стихией льда, стихия весьма ограниченная, но Алк сумел превратить свои посредственные возможности в настоящее боевое искусство, кстати, он для тебя опасен, так что от меня ни на шаг. Второй — посвященный, считай что маг смерти. По сути уже труп, но очень могущественный, правда, для тебя неопасен совершенно. — Это мне, а вот двоим появившимся, весьма нагло: — Не советую так откровенно смотреть

на мою жену. Чревато. Весьма.

Взгляды мгновенно переместились с меня на Стужева, а затем в тишине кабинета Георгия Денисовича прозвучал глухой, какой-то потусторонний голос:

— Князь, о твоей растущей наглости будет доложено.

По спине прошелся холодок, причем, кажется, не только по моей — все невольно поежились. Все, кроме Стужева. Мой муж, хмыкнув, невинно поинтересовался:

— Будет доложено до того, как вы дожожите о собственном провале, или после?

Норвежский маг выпрямился, хотя казалось дальше уже некуда, темный лысый монстр напротив подобрался, словно зверь перед прыжком, и прошипел:

— Князьсссс!

— Да ладно... — Стужев погладил меня по щеке и, словно ни к кому не обращаясь, — пропустить темного... да еще из правящего дома... — а затем медленно повернул голову к посвященному, окинул его взглядом с головы до ног и ледяным тоном добавил: — Такое не прощают, вам ли не знать.

Внезапно затрещал воздух. Искры, ледяные, острые, сверкнули в лучах солнечного света — Стужев гибко, как змей, скользнул с подоконника, полностью закрывая меня собой. Его спокойное:

— Да, и этот поступок, несомненно, порадует руководство, — прозвучало форменным издевательством.

На пол со звоном посыпалось что-то. Саша вновь устроился на подоконнике, правда, уже скорее прислонившись к нему и прикрывая меня своей широкой спиной. И я увидела острые ледяные иглы на полу... начинающие подтаивать иглы... Молча перевела взгляд на норвежского мага, тот, почувствовав мой взгляд, хмуро посмотрел в ответ. А я подумала, что мне бы сюда моих белочек, которые очень любят грызть...

— Мастер Алкер, — ледяным тоном произнес Стужев.

Маг мгновенно отвернулся.

Князь больше не взглянул на меня. Не повернулся, не обнял, но пристально и не отрывая глаз следил за норвежским магом. Внимательно следил, настороженно. Не знаю почему так, но ощущение — что маг был опасен, а главное мог напасть. Странно? Я старалась уже не удивляться.

Оба диковинных пришельца прошли и сели в кресла, перед столом Георгия Денисовича. Тот почему-то с надеждой взглянул на Князя... и, видимо, надежда погибла, потому что мастер побледнел даже. И уже

вздрагивая, сел на свое место, словно к казни приготовился.

— Как?! — задал всего один вопрос посвященный.

И все уставились на Георгия Денисовича, а Саша, не оборачиваясь, завел руку за спину, нашел мою ладонь, осторожно погладил и вновь вернулся к своей позе настороженного недоверяшки, прислонившегося плечом к стене и сложившего руки на груди. Чего он опасается?

Правда, долго думать о Саше не получилось — захватила разворачивающаяся сцена.

— Игнат Вяземский не проявлял качеств... — начал Георгий Денисович. — После самоубийства Станислава он... — Снова сбылся. — Данные были выдающимися, но не вызывающими подозрений и...

Еще один взгляд на Стужева. Испуганный взгляд. Георгий Денисович боялся. Очень боялся. На лбу засверкали бисеринки пота, руки заметно подрагивали, лицо стало бледным. Самое странное, что на Сашу и остальные няшки мускулистые поглядывали, причем с надеждой. И как-то вдруг стало ясно, что всех присутствующих от двух пришедших магов из руководства прикрывает именно Князь.

— Саш, — шепотом позвала я.

— Мм? — отозвался Стужев, даже не пытаясь скрыть наши переговоры от окружающих.

— А... эти... они...

— А тут все просто, Маргош, — и снова сказано было спокойно и отнюдь не тихо, — у нас проблема — темный партизан. Собственно, проблема уже решилась — Игнат, который Дайрем, вернулся в истинную форму и теперь путь в этот мир для него закрыт.

— Вообще? — тихо спросила я.

— Нет, ну почему же, — Стужев безразлично пожал плечами, — он вполне может самоубиться снова и очнуться в этом мире под вопль акушерки «Мамаша, держите ваше чадо, мы ему пуповину резать будем». Или же использовать собственный путь, если бы он у него был. Но вернемся к твоему первому вопросу — так вот, проблема в том, что мы прошляпили партизана, не заметили, не выявили, допустили в элитный отряд, где, казалось бы, все были проверены и перепроверены. Прикинь степень конфузса. Поганенько вышло, а теперь началось самое поганое — поиск козла отпущения. Трех основных претендентов на данную весьма сомнительную роль ты сейчас и видишь — Мастер Алкер после самоубийства Станислава был личным тренером Игната, Мастер посвященный Олег, собственно, проверял его на пригодность, по их совместной рекомендации Мастер Георгий и взял Демона в группу.

— Ого, — поймала на себе взгляд Мастера.

— Ого будет попозже. — Князь хмыкнул. — Когда за дело спецы дознания возьмутся. Руководство не прощает ошибок, да, Алкер?

Ледяной маг хмуро оглянулся.

А вот посвященный молчать не стал:

— Помнится мне, и ты, Князь, лично, утверждал каждого члена группы.

Опа-ся.

Я затаила дыхание, ожидая ответа Стужева, и он ответил:

— Помнится, Мастер Олег, я имел с вами приватную беседу, в которой поделился своими подозрениями на счет братьев Вяземских. И, насколько я помню, вы посоветовали засунуть свои подозрения... мм-м... пусть будет очень глубоко...

Лысый изуродованный тип вскочил. Черные глаза полыхнули белым сиянием, на шее вздулась черная вена, на лице... ну, из-за уродства не совсем понятно, что у него там — и улыбка, и гнев смотрелись бы одинаково жутко.

— Это была пррриватная беседа, Князь! — прорычал монстр.

Широкая улыбка Стужева была заметна даже мне, глядящей на него сбоку, что уж говорить об остальных участниках событий.

— Приватная, — милостиво согласился Александр, — но это не помешало мне отправить доклад руководству с приложением конкретной аудиозаписи. Так, на всякий случай.

Посвященный с размаху грохнулся на стул. Георгий Денисович едва заметно перевел дух и немного расслабился. А вот норвежский маг прищурил ледяные глаза, явно ожидая продолжения речи Стужева. Саша с самой обворожительной улыбкой... промолчал. И Алкеру пришлось самому начать:

— Князь... — Мужик сбился.

— Да-да, — с энтузиазмом поддержал Стужев.

— А... вы...

— Хрен отвечу, — усмешка вышла и вовсе хамская. — Не стоило опускаться до... этого.

Он неопределенно взмахнул рукой, но в этом неопределенном жесте указательный палец вполне конкретно указал на пол и тающие ледяные иглы.

— Щенок! — норвежец подскочил, в голубых глазах заискрился лед.

— Ну зачем же так грубо? — Александр досадливо почесал кончик носа. — Мастер Алкер, вы же понимаете, я не выношу попыток применить

ко мне силовые методы. Искренне ненавижу.

И почему-то в этой фразе прозвучала угроза. Отчетливо прозвучала.

В следующее мгновение распахнулась дверь.

Когда этот мужчина вошел в кабинет Георгия Денисовича, я как-то сразу поняла, что он значительно ужаснее даже посвященного. В черной кожаной куртке, из-под которой торчал ворот коричневой водолазки, в черных джинсовых брюках и на ногах не туфли — черные кроссовки. Высокий, худощавый, с одним зрячим глазом и вторым, стеклянным, который вращался совершенно не в унисон с действующим. У мужчины были коротко стриженные седые волосы, шрам, пересекающий половину лица, и губа, изорванная явно когтями и потому висящая как-то... странно. И когда он подошел к Стужеву и протянул ему руку, я увидела, что двух пальцев на этой руке нет.

— Ведьма? — пожимая ладонь Князя, спросил мужчина.

— Оу, — Саша, оглянулся на меня, с недовольством протянул, — черт, ты же все это видишь... Прости, малыш.

Зрячий глаз незнакомого злодея уставился на меня. И мне как-то неудобно стало, наверное, потому и брякнула:

— Ну, шрамы украшают мужчин, особенно такие, явно в бою полученные.

Стужев улыбнулся, причем мне, что странно — незнакомец тоже, здоровым уголком губ, а затем спросил у Князя:

— Твоя?

— Жена, — подтвердил Саша.

— Поздравляю, — с чувством сказал мужчина, и они снова обменялись рукопожатием.

А я подумала, что если и этот мне выдаст: «Сочувствую», тресну чем-нибудь. Не выдал, молча руку протянул, предлагая пожать, видимо.

— Нет, — спокойно произнес Князь.

И мужчина усмехнулся. Странно. Затем взглянул на Стужева и прямо спросил:

— Почему?

Я не знала почему и уж точно не ожидала услышать:

— Видишь ли, мы не предохранялись.

Дышать перестала! Просто перестала, в ужасе глядя на Стужева, а тот невозмутимо продолжил:

— А рисковать потенциальным здоровьем возможного наследника не хотелось бы.

Щеки горят, взгляд, наверное, тоже. Стужева — ненавижу.

— А-а, — неожиданно спокойно отреагировал мужчина, — прости, не подумал.

Это что было?! Князь — сволочь подлая! И что это за индивид, от рукопожатия которого дети могут погибнуть... эээ... И злиться на Сашу я перестала мгновенно, поняла, что защищает, своеобразно очень и малоприятным для меня образом, но защищает. Посмотрела на него, заметила, как напряжен, шея, плечи... осторожно коснулась, погладила по волосам — расслабился мгновенно. Неужели ждал моей реакции и из-за этого переживал?

Странный мужчина направился к Мастеру, и тот торопливо освободил место. Что примечательно — этот тип больше ни с кем не здоровался, тем более за руку.

— Умница моя, — едва слышно произнес Стужев.

— Не дура, — спокойно ответила шепотом.

Улыбка скользнула по его губам и сменилась суровым выражением мгновенно.

А дальше случилось нечто страшное.

— Я хочу услышать правду, — тихо сказал странный тип, и все разом сели ровнее.

И если бы только ровнее — лица побелели. Особенно бледен стал Колдун.

— Итак, — странный стеклянный глаз медленно обвел присутствующих, — кто знал?

В следующее мгновение я увидела, как медленно, ужасающе жутко по волосам Георгия Денисовича растеклась седина! Изморозь тронула и виски Дениса!

— Подскажи мне, старый черт, где мечта моя летала?

Жизнь кружила, срок истек. Часто суть на путь меняла, —

вдруг напел Стужев.

Колдун дернулся, взглянул на него, и седыми у него остались только виски.

— Князь, — голос жуткого субъекта прозвучал глухо и тихо, но все все поняли. И следующее, что произнес чел со шрамом, было: — Колдун.

Денис поднялся, покачнувшись. Но все же поднялся. Вновь пошатнулся.

— И? — Тон жуткого мага стал насмешливым.

Напряжение искрами разошлось по кабинету. Казалось, воздух начал покалывать, атмосфера душила, а еще пугала реакция окружающих. И то, как начало буквально трясти Колдуна.

— Я... не... — Он вдруг захрипел, вытянулся, взгляд остекленел и мы услышали: — Увидел темного... рядом. Демон сказал — обознался. Я пригрозил поставить в известность Мастера, — по губе Дениса вдруг стекла капелька воды... не сразу поняла, что это слезы, а Колдун продолжил говорить слова так, словно их выдирали. — Предложил сделку — мое молчание в обмен на... — пауза и глухое, — Риту.

И я вдруг поняла, почему тогда в ресторане Игнат злился, что на меня не подействовало. И стало ясно, почему повел себя так грубо, на Владе словно злость сорвал, и почему за мной помчался — Колдун его шантажировал. Надо же как все обернулось.

— Рита... — Голос странного мага прозвучал задумчиво.

— Это для друзей, для всех остальных «госпожа Маргарита Стужева», — самым невинным тоном пояснил Александр.

Глаз мага крутанулся и уставился на Сашу, второй, настоящий, не отрываясь от Дениса.

— Дальше, — приказал косоглазый и исполосованный шрамами аниме хардкорный, — ведь Маргариту Стужеву, как я понимаю, вы не получили. Что же он предложил взамен?

Денис выпрямился сильнее, словно ему в позвоночник штырь вогнали, и прохрипел:

— Место Мастера.

Я взглянула на Георгия Денисовича — совершенно седого мужика тряслось, как в лихорадке.

— Мастер Гоша, — насмешливый тон мага с одним глазом и имя «Гоша», которое, помнится, Стужев обронил один раз, — что было обещано вам?

— Место Куратора, — хрипло ответил он.

Улыбка изорванным ртом смотрелась страшно. Я вздрогнула, не обернувшись Стужев тихо спросил:

— Выйдешь?

Я представила, что буду делать одна в пустом коридоре после всего увиденного, и торопливо ответила:

— Нет, я лучше с тобой буду.

— Я не могу уйти, — сообщил Саша.

Серо-синие глаза встревоженно взглянули в мои.

— Я с тобой, — прошептала едва слышно.

Улыбка мимолетно изогнула уголки губ, затем Стужев кивнул и встал так, чтобы полностью закрыть от меня происходящее. Или меня от присутствующих. Не знаю. Но выглядывать из-за его спины я не стала, раз он так решил, значит, так нужно.

Тогда я еще не ощутила надвигающейся опасности, осознала все позже, едва были произнесены страшные слова:

— Мастер Алкер.

Ударил мороз! Самый настоящий, градусов двадцать! Ледяные узоры со скрипом разошлись по стеклам, зубы застучали от холода, иней покрыл потолок! Иглы! Сотни искрящихся ледяных игл вспороли воздух и впились в заиндевевшее стекло — меня спасла только широкая спина Стужева! А затем с пола ударило что-то темное, расплескавшееся черным пятном! И Саша, даже не вздрогнувший во время атаки игл, пошатнулся!

Я обхватила его неосознанно, прижалась к поникшей спине, забралась пальцами под черную майку... и перевела дух, услышав его первый вздох. Затем второй, а следом произошло что-то странное — все исчезло. Исчез иней на стенах, испарился морозный рисунок на окнах, капельками воды вознеслись вверх ледяные иглы, и словно втянутая огромным пылесосом, исчезла черная лужа.

— Нет, вот если бы я на тебе не был женат, я бы женился еще раз, — прошептал мне Стужев. — Все, можешь смотреть.

Осторожно выглянула из-за его плеча — весь няшинско-качкованный отряд был ранен! Георгий Денисович обзавелся тремя порезами на лице и с десятком на груди и руках, у остальных было не меньше, и только Стужев со странным типом оказались совершенно невредимы. А вот посвященный и норвежский маг корчились на полу. Беззвучно, но очень достоверно демонстрируя нечеловеческие страдания.

— Нет, лучше не смотри, — сказал Саша и попытался широкой спиной закрыть мне обзор.

Но тут дядька с одним глазом небрежно пошевелил пальцами и типы на полу затихли. А затем он задал вопрос:

— Маргарита, как следует из отчета, в группу вас привел именно Демон, я прав?

Стужев искоса взглянул на меня, я же просто кивнула магу, подтверждая его слова.

— И, — оба глаза уставились на меня, — было бы любопытно узнать, что было обещано вам?

Тяжело вздохнув, я села ближе к краю подоконника, поболтала ногами и хмуро призналась:

— А ничего.

Александр, хмыкнув, провокационно поинтересовался:

— Обидно?

Не хотелось развивать тему, но раз Стужев пасует, надо включаться в игру.

— И еще как, — осторожно потрогала его ногу носком кроссовки. — Ты представляешь — одному пост Мастера, второму — Куратора, этим тоже явно что-то значимое, а мне хоть бы денег предложил, что ли.

— Не грусти, Маргош, у меня денег много, я с тобой поделюсь, — сдерживая улыбку, очень серьезно пообещал Князь.

Хитро взглянула на него и мило ответила:

— Саш, жаль тебя разочаровывать, конечно, но своих денег у тебя уже нет. Есть наши, дорогой, а нашими, в смысле моими, деньгами, нечего разбрасываться.

Стужев оторопел. Медленно повернул голову, глянул на меня, молча закрыл приоткрывшийся рот. А потом послышался хохот. Мы разом посмотрели на странного типа с одним глазом, а тот откровенно ржал, глядя на нас, причем даже не скрываясь. Потом посерезнел, хохотать прекратил и задал следующий вопрос:

— Маргарита, а вы знали о... хм, необычных способностях Игната?

Молча смотрю на мага, приподняв брови.

— Знали? — намекнул, что выражение лица для него не ответ.

— Вы издеваетесь? — прямо спросила я.

— Что?! — Маг подался вперед, видимо, оскорбленный моим тоном.

— Нет, серьезно, вы издеваетесь? — Я даже комедию не ломала, мне просто интересно было.

— Простите, Маргарита, — маг сложил свои укороченные местами конечности на груди, — мне непонятна ваша реакция.

— Мне непонятен ваш вопрос! — вспыхнула я. Стужев, что примечательно, не вмешивался, но выглядел на удивление гордым, и я продолжила: — Слушайте, вы... как вас?

— Руслан, — представился маг.

Кивнула и продолжила с неменьшим возмущением:

— Так вот, Мастер Руслан, мне делали предложение, когда трое ваших фэнтезийных няшек...

Заметила удивленный взгляд мага на Стужева, последний спокойно пояснил:

— Она про мальчиков-зайчиков.

Теперь на Князя недоуменно взглянула я.

— Няшки анимешные, — уже мне пояснил он и добавил: — Ты продолжай-продолжай, мне все нравится, про предложение и потенциальный труп того предлагающего мы дома поговорим.

— Нехорошо как-то это прозвучало, — заметила я.

— А что может быть нехорошего в трупе, Маргош? — иронично-серьезно поинтересовался Стужев. — Ты представляешь, сколько народу обрадуется сразу — хозяин ритуального агентства, изготовитель гробов, директор кладбища, жучки, червячки всякие, а ты говоришь «некрасиво». Не отвлекайся, Мастер ответа ждет.

И взгляд такой — сулящий радость всем вышеперечисленным. Я сглотнула, повернулась к Мастеру Руслану и продолжила, болтая ногами:

— В общем, сидели мы с подругами в ресторане, мне как раз предложение делали насчет того, куда пойти...

— Кому отдаться, — вставил Стужев, злой такой.

— Так далеко мы в своих планах не заходили, — обронила я ему и вернулась к рассказу: — И тут открывается дверь, входят трое обчитавшихся фэнтези яйки...

Оба глаза мастера вновь вопросительно уставились на Князя.

— Все те же мальчики-зайчики, в данном контексте фразы имеется в виду оскорбление с гомосексуальным подтекстом.

Кивнув, маг снова на меня посмотрел, почему-то я себя очень странно почувствовала — блондинкой. Совсем блондинкой.

— Маргош, он просто древний совсем, в слэнге не шарит, Гугл не спасет, ты продолжай уже, — успокоил меня Стужев.

Руслан бросил на него суровый взгляд и прошипел:

— Не слишком вежливо намекать на возраст, не находишь, Князь?!

— Да ладно, — отмахнулся Саша. — Это же не я каждое заседание совета начинаю с предложения главному ознакомиться с новыми тенденциями в гробостроительстве.

Здоровый глаз мага заметно задергался. Я улыбнулась, почему-то очень гордая за Стужева, и продолжила:

— Короче, они в тот вечер применили магию к Владу...

— Помнится в последней версии речь шла о подругах, — вставил Князь.

Решила, что мы об этом дома поговорим, а сейчас просто не буду внимания обращать.

— Так вот, — продолжила, не глядя на мужа, — они применили магию к Владу, после попытались ко мне. На следующий день я узнала, что в универсе вообще что-то вроде секты, и главный тут Георгий Денисович,

наутро в мою квартиру ввалился Игнат, испортил мои волосы, — молча подняла прядь, продемонстрировала цвет, — и сообщил, что я либо с ним и помогаю сместь Мастера, либо меня убьют, потому что тут всех ведьм убивают. Потом был Колдун, — кивнула на Дениса, — потом Георгий Денисович, потом появился Стужев, — ни на кого уже не показывала, — и вся моя жизнь пошла наперекосяк! — Пауза, потому что мне подумалось, что, может, и не наперекосяк, а вообще может так даже и лучше, у меня теперь Саша есть, и Ромке с мамой и феей точно лучше, и вообще не об этом сейчас, так что завершила все фразой: — В общем, у них у всех тут способности странные, и я до сих пор не могу разобраться в ситуации.

Маг кивнул, его странные глаза оглядели всех присутствующих, а затем он задумчиво произнес:

— Где вы были вчера в полдень?

И оба глаза пристально уставились на меня. Я отчетливо помнила, что вчера примерно в полдень я... грабила анимешную хату мальчиков-зайчиков, а потому густой румянец непроизвольно покрыл щеки, да и все лицо. И теперь все уставились на мое лицо. Стужев просек момент и плавно закрыл меня от присутствующих широкой спиной, а затем укоризненно произнес:

— Очень бес tactный вопрос.

— Ааа... простите, — неожиданно смутился Руслан, — не подумал.

— Старость не радость, — ввернул Князь.

Маг нахмурился и пробормотал:

— Просто наш источник на Терре определил грабителя как ведьму, и... впрочем, это уже не имеет значения, мы закрываем данный переход.

Стужев почему-то напрягся весь, и я понять не могла, в чем причина, а вот Георгий Денисович звездигнул:

— Что?!

— Вы отстраняетесь, — ледяным тоном произнес маг. — Вы и вся ваша группа переходите в режим патрулирования.

— Но... — Лицо мастера покрылось пятнами.

— Кстати, о девушке.

Маг вопросительно посмотрел на Князя.

— Марго в моей команде, — задумчиво ответил Саша. — Кстати, мне бы в отпуск.

Отрицательно мотнув головой, маг поднялся. Странные глаза оббежали присутствующих, вновь остановились на Князе, ему же и было сказано:

— Заедешь в управление... с женой.

Я не знаю, к чему это было сказано и почему такая пауза в конце фразы, и почему вдруг стало очень тихо, словно все перестали дышать.

— Свободны, — продолжил маг. — Что касается вас, Мастер Георгий, нужно вернуться и уничтожить следы вашего присутствия на Терре.

В следующее мгновение Стужев повернулся ко мне, подхватил на руки, спустил на пол, взял мой рюкзак и свою сумку и молча, не прощаясь ни с кем, выволок меня в коридор. А там, отпустив запястье, швырнул мне обе сумки и скомандовал:

— Стой на стреме.

Я, обнимая рюкзак, прошептала:

— Что ты...

— На стреме, Маргош! — прошипел Князь, опускаясь на колено и прикладывая обе руки к полу, прямо перед дверью в кабинет Мастера.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как озираться по сторонам коридора, выглядывая неведомую опасность. И вот в этот напряженный миг Князь вдруг начал напевать:

— Легко придумать справедливую цель...

Великую цель,

Из тех, что любимы толпой...

Еще мне нужен безупречный герой,

Могучий герой,

Что всех поведет за собой!

Я взглянула на его ладони — ледяная поземка двинулась от пальцев в щель под дверью, а сам Стужев, несмотря на легкомысленные напевы, дрожал от напряжения. В следующий миг за дверью раздался странный грохот.

Саша подавил усмешку, поднялся, подмигнул мне, забрал у меня рюкзак и сумку, взял меня за руку и двинулся по коридору, продолжая напевать:

— Охотно люди устремляются в бой

За край родной,

За Рай неземной...

Как овцы, воины идут на убой,

А дальше — дело за мной!

И улыбка у него стала запредельной.

— Саш, — осторожно позвала я.

— Слушай, Маргош, — он остановился, окинул меня задумчивым взглядом, — а ты щи готовить умеешь?

— Что? — не поняла я.

— Мда, вот невезуха, и Генри толком не умеет, — протянул разочарованный Стужев.

А затем подхватил меня на руки и помчался вниз по ступеням, счастливый такой и даже с улыбкой.

* * *

Домой возвращались относительно молча. Зато едва въехали во двор князевского особняка, Саша милостиво разрешил:

— Спрашивай.

И дверцу открыл, чтобы я вышла.

— У кого спрашивать? — возмутилась я, выходя из машины.

— А мне откуда знать? — нагло полюбопытствовал муж, после чего перегнулся, сам закрыл дверцу и уехал в гараж.

Я осталась стоять на лужайке перед домом, возмущенно глядя вслед красному «Феррари». Машина плавно въехала в гараж, и оттуда раздалось возмущенное:

— Генри, за какой сушеной воблой мне это?!

К слову, скелет, уже приветственно распахнув двери и собственный оскал, вопль услышал. Замер, а после тоже громко:

— Так, хозяин, я это... на будущее.

— Мля! — прогремело над всем двором. — На какое еще будущее?! Это же цветы!

Генри устало потер несуществующую переносицу, сгорбился и пошел к гаражу, на ходу возмущаясь:

— Так розы же — две недели, орхидеи — три месяца, а фиалки еще просто не взошли ведь, — это бурча себе под нос, а потом громко и возмущенно: — Я же все продумал!

Не выдержав пытки неизвестностью, я сошла с газона, мне траву было жалко, и побежала по дорожке к гаражу.

— Леди Маргарита, вам нельзя! — всполошился скелет.

— Маргош, заваливай! — дозволил его сиятельство Князь.

Молча развела руками перед Генри и помчалась к Стужеву.

Гараж с металлической дверью на ролетах был рассчитан на четыре автомобиля. Собственно, все они тут и находились — «Бентли», «Феррари», джип дискавери и какая-то странная без опознавательных знаков. Помимо машин имелось свободное пространство у противоположной стены, где виднелся механизм для подъема автомобиля, а также вполне оборудованная автомойка. Точнее, свободным это помещение было раньше, а сейчас там словно расположился филиал цветочного магазина — в ведрах, ведерках, тазиках и одной пластиковой ванне находились букеты, букетики и целые цветочные композиции. Над всем этим стоял Стужев и читал записку, прикрепленную к очередному букету.

— Так, — он оглянулся, увидел входящую меня и бросил мне букетик, со словами: — Это я был груб.

Поймав букет нежных лилий, я вдохнула аромат, а затем тоже принялась читать прикрепленную к нему открытку. Послание гласило: «Прости, я не хотел тебе этого говорить, просто старый солдат не ведает слов любви».

Прочла, подняла удивленный взгляд на Стужева.

— А я тут при чем? — возмутился Князь. — Кстати, это поинтереснее будет, лови.

Едва успела подхватить букетик розалий, даже не вдыхая аромата, полезла смотреть записку. А там было: «Прости, я больше не буду разбрасывать носки». Ну после этого мне тоже стало любопытно, и подойдя к цветочному изобилию, я принялась читать послания.

— «Прости, я больше не буду забывать выносить мусор», — прочел вслух Саша.

— «Прости, она мне вообще не нравилась, в моей жизни есть только ты, и я больше ни на кого смотреть не буду», — прочла я записку с самого огромного букета алых роз.

Стужев заметно напрягся, я же, вытащив цветы из воды, почему-то перехватила поудобнее.

— Да не буду я тебе изменять! — заверил Кощей-младший.

И взял следующий букет, чтобы прочесть:

— «Прости, любимая, я не хотел дарить тебе»... Генри!

— Ты не хочешь дарить мне Генри? — переспросила я. — Знаешь, а я почему-то даже не обиделась.

Стужев прекратил испепелять взглядом скелетона, обернулся ко мне, и на его губах заиграла улыбка. Такая счастливая-пресчастливая, и я забыла о букетах, магах и даже перспективах его поганого характера.

— Идем обедать, — предложил Саша.

— Идем, — согласилась еще ни о чем не подозревающая я.

Князь отшвырнул букет, подошел ко мне, подхватил на руки и, вынося из гаража, проникновенно добавил:

— А потом поедим, да?

— Что? — не поняла я.

Мне коварно улынулись, не отпуская с рук, поднялись по ступенькам, ногой дверь открыли и внесли в дом.

— Стужев, — до меня начало доходить, что, кажется, у некоторых термин «пообедать» несколько не сочетается, собственно, с классическим понятием, — а кухня в другой стороне.

— Стужева, прикинь, до недавнего времени это был мой дом, а испытывать все прелести склероза мне еще рано, — парировал Князь, взлетая по ступеням со мной на руках.

— Но... — начала я.

— Слушай, я такой голодный, — неожиданно признался Саша и, свернув на втором этаже в спальню, добавил: — А ты такая аппетитная.

— Стужев, я положительно отказываюсь в этом участвовать! — заверещала я, едва меня на постель уронили.

— Отказываешься? — Князь задумался, окинул меня взглядом, печально вздохнул и произнес: — Ну ладно.

Развернулся и вышел. Просто вышел, на ходу поправив волосы. Приподнявшись на локтях, я удивленно посмотрела ему вслед, но в следующее мгновение Стужев вернулся, закрыл дверь и, широко мне улыбаясь, стянул с себя майку. Удивленно смотрю на него, Князь тем временем отшвырнул майку и, не отрывая от меня взгляда, расстегнул ремень на джинсах.

— Стужев, ты чего делаешь? — с нескрываемым подозрением спросила я.

— Маргош, ты такая непостоянная. — Он скинул кроссовки и босиком, с расстегнутыми джинсами направился ко мне. — У нас, между прочим, долг перед страной, перед отечеством, президент, кстати, на улучшении демографии настаивает, а ты!

Нет, я серьезно поверила, что он вот так просто уйдет?! Какие мы, жены, наивные!

— Стужев, не смей! — прошипела я и предприняла попытку покинуть супружеское ложе.

— «Врешь, не уйдешь», — процитировал Князь бессмертное, хватая меня за ногу, и ловко избавив от кроссовок, добавил: — Между прочим, ты со мной еще по процентным ставкам не рассчиталась, Маргош.

Я простонала, бессильно уткнувшись лбом в покрывало. И зря! Эта озабоченная супружеским долгом няшка умудрилась в секунду стянуть с меня шорты.

— Стужев! — заорала я и развернулась.

Зрелище того стоило, Князь стоял, сминая мои шортики, и смотрел на меня большими голодными серо-голубыми глазами так, что отказать голодающему было бы уже просто бесчеловечно.

— Ладно, — устало согласилась я. — Но по-быстрому, потому что в отличие от тебя я именно есть хочу, а не заниматься улучшением демографических показателей.

— Всегда знал, что русские женщины — самые жалостливые в мире! — просиял Стужев.

Я лишилась дара речи.

— Слушай, Маргош, — невозмутимо продолжил Саша, — тебе так идут белые носочки... А давай мы тебе еще юбочку, так чтобы короче трусиков, и два хвостика забацаем, а?

— На школьниц потянуло? — прошипела злая я.

— Аниме пересмотрел, — сознался Стужев, — с твоей подачи, кстати, следовательно — ты виновата, следовательно — тебе отрабатывать. В общем, я тебе потом костюмчик подходящий найду, сейчас не до него как-то.

И кое-кто, с самым коварно-соблазнительским видом, начал склоняться над лежащей мной. Медленно, с самой провокационной улыбочкой и очень голодным взглядом.

— Саш, — прошептала я, чувствуя, как тает любое желание сопротивляться, — а ты случайно кровь не пьешь?

— Случайно — нет. — Он лег практически на меня, но свой вес ответственно удерживал на локтях, видимо, раздавить боялся. — Исключительно по праздникам, ну и когда чел с четвертой отрицательной попадется, она просто вкусная очень и редкая.

Меня передернуло.

— Расслабься, — прошептал коварный вампирюга, облизнув губы. — У тебя третья положительная, я ее не очень люблю, сладковато-приторная слишком.

— Стужев! — Мой истерический визг на весь дом заставил его только недовольно поморщиться. — Ты издеваешься?!

Невозмутимо пожав плечами, он улыбнулся и невинно заметил:

— Ну так, слегка.

Я облегченно выдохнула, а няшка коварная подмигнул и покаялся:

— На самом деле именно от третьей положительной всегда фанател, а четвертая она, знаешь, как улитки под чесночным соусом — деликатес вроде, но на вкус хренъ непонятная.

— Стужев! Ты... ты...

— Йя-яя, — кося под немца отозвался Князь, захватывая в плен мои губы.

И мысли о кровопийцах умчались куда-то вслед за остальными мыслями, оставляя только одну — вот как у него получается быть настолько нежным. Таким бесконечно нежным, вкладывающим чувство любви в каждый поцелуй, в каждое прикосновение, вырывать каждый мой стон и с нескрываемым наслаждением заставлять стонать снова.

* * *

— Хватит на меня так смотреть, — недовольно пробурчала я.

— Как? — Стужев помешивал ложкой свой обожаемый борщ и продолжал с улыбкой смотреть на меня.

Сидели мы на кухне, в совершенном одиночестве, потому что Генри, Иван и привидение таскали в дом цветы, предварительно обрывая с них открытки с сообщениями. В доме уже царил аромат лилий, и цветы уже некуда было ставить, но их все равно заносили, потому что я имела глупость обмолвиться, что они красивые.

— Так «как»? — повторил вопрос Саша.

— Как будто ты совершенно голодный, — съязвила я.

Стужев, он вдруг выпятил нижнюю губу, подбородок задрожал, и эта морда кощеевская обиженно-печальным тоном:

— А я сегодня вообще ничего не кушал...

— Третья тарелка борща не в счет, да? — зловредно интересуюсь.

— Так вкусно же, — искренне похвастал он.

Я простонала, уронила голову на сложенные на столе руки.

— Саша, — еще один глухой стон, — я его только досолила, Саша, а ты его хвалишь и хвалишь, мне уже просто неудобно, что это не я его сварила.

— Да расслабься, Маргош, — беззаботно посоветовал он и авторитетно добавил: — А правильно посолить может не каждый, кстати.

Подняла голову, посмотрела — судя по честнейшему выражению небесно-голубых глаз, не врет, но что-то в глубине души подсказывает — издевается.

— Я тебе сейчас эту кастрюлю на голову надену, прямо со всей «капусточкой соломкой» и «нямкой-косточкой»! — пригрозила я. — А потом ты поразмыслишь на тему, что когда девушку два часа на благо отечества стонать заставляют, на кулинарные подвиги сил уже не остается. И вообще, завтра ты мне грибной суп-пюре готовишь, понял?!

— Да без проблем, — легко согласился Стужев, — только ты сначала мне два часа на благо демографии отработаешь, а после, так и быть, я посолю для тебя супчик.

— Только посолишь?! — возмутилась я.

— Ритусь, в нашей семье готовить умеют только двое — микроволновка и Генри, так что просто поверь мне на слово, лично я бы себе даже посолить не доверил, так что после моей досолки суп будешь есть сама, вот.

А я вдруг представила, как Стужев осторожненько ставит передо мной тарелочку с супом и ложечку, и хлебушка кусочек, и самолично солит... и поняла невероятное — я буду это есть, даже если он туда всю солонку всыплет, просто потому что... потому что он.

— Представила, да? — догадался Князь. — Вот, и это ты меня еще толком не любишь, а теперь представь, как мне сейчас потрясно — борщик, а ты туда и сольки, и зелени, и перчика даже... твоими ручками, приятно.

Решила, что обязательно приготовлю ему как минимум омлет, как максимум потушу картошку по бабушкиному рецепту, потому что... хочется. И вот интересно, какое у него тогда лицо будет?

— Улыбашечка, — растягивая гласные протянул вдруг Стужев, — разновидность — скромная.

— В смысле? — не поняла я.

Мне широко улыбнулись.

— Улыбашечка, разновидность — наглая, — ехидно протянула я.

— Да, я такой, — гордо ответил Саша и тяжело вздохнул.

Вдруг поняла, что он тянет время. И борщ ест, видимо, просто, чтобы со мной побывать.

— Сашенька, — позвала осторожно.

— Да, Ритусенька, — отозвался он, грустно глядя в скопление капусты в тарелке, поднял голову, улыбнулся мне.

— Тебе уйти нужно? — высказала я предположение.

— Нужно, — не стал он спорить.

— Ты туда не хочешь? — продолжила я допытываться. — Что-то опасное?

— Да нет, — Стужев улыбнулся, — ничего опасного, не переживай.

Просто уходить не хочется.

Помешивая чай, лукаво поинтересовалась:

— Борщ вкусный, оставлять боишься?

Князь хмыкнул, подался ко мне и, глядя в глаза, прошептал:

— Жена очень вкусная, очень-очень, боюсь оставить.

Теплой волной накрыло с головы до ног, просто счастье такое, что боишься задохнуться, но не ответить было бы нельзя:

— Мм, возьми с собой.

— Э, нет! — Стужев откинулся на спинку стула и уже серьезно, без шуток, произнес: — Рит, я едва не поседел, пока твоя ягушенская сущность латала дыру в пространстве. Теоретически я в курсе, что это происходит без вреда для хранительницы, а на практике чувствовать, как тебя трясет, и не знать, чем помочь... Это слишком суровое испытание для моей поганой душонки, Маргош, так что посидишь дома без меня пару часиков. Ну или собирайся, мы вечером к твоим родителям заедем.

Это я помнила, впрочем, и многое другое тоже.

— А в управление нам когда?

— Какое? — не понял Саша.

— Мм... ну маг Руслан, — начала я и умолкла, увидев широченную ухмылку на лице Стужева. — Что?

Покачал головой, рассмеялся и, глядя на меня, спокойно, чуть лениво даже сообщил:

— Куратор Руслан, два схваченных и лишенных силы мага, Георгий Денисович и все мальчики-зайчики, в твоем слэнге — анимешки глюченые, в данный конкретный момент застряли в реальности Зарданы. — В синесерых глазах промелькнуло что-то очень жестокое. — На Землю, в нашу имеющуюся реальность, они вернутся в лучшем случае лет через двадцать пять, в худшем, если не сумеют договориться с Алкером, никогда.

Мне вдруг показалось, что в нашей уютной кухне подул холодный северный ветер.

— Саааш, ты сейчас пошутил? — осторожно спросила я.

Князь рассмеялся и пропел:

— Охотно люди устремляются в бой
За край ли родной,
За Рай неземной...

Как овцы, воины идут на убой,
А дальше — дело за мной!

И все. А я сидела. Вспоминала накачанных красавцев нашего универа, Колдуна, Снега, Вовчинского...

— Саш! — испуганный вскрик.

— Маргош! — Он недовольно поморщился. — Без истерик и ягушенского человеколюбия. Я должен был их устраниТЬ. И заметь — никого не убил, ты вообще на меня плохо влияешь.

Затаив дыхание, в ужасе смотрю на Стужева. Тот, окинув меня взглядом, коварно протянул:

— В моей майке, вот такая испуганно-встревоженная, ты меня дико возбуждаешь, Ритусь.

Не отреагировав на его попытку сменить тему, я решительно заявила:

— Так нельзя!

— Почему же, можно, лично я уже подкрепился и готов на новые подвиги во имя демографии отечества.

— Не смей! — взвизгнула я.

Стужев выдал злобно-обаятельно-угрожательную улыбку и плавно поднялся, не отрывая от меня очень жадного взгляда. Мгновенно вспоминаю, что передо мной тот самый опасно-притягательный Александр Стужев, который младший Кощей, сказочный злодей и лучший друг чертей в преисподней. А еще озабоченный очень.

— Саша, борщ стынет! — запоздало вспомнила я о собственной безопасности.

— Подогреем, — таким тоном прошептал Князь, что сразу стало ясно — он не о еде сейчас.

И шагнул ко мне. Я вскочила, спасаясь за неимением ничего лучшего, расположением стола посреди кухни и его способностью встать между мной и очень опасным элементом общества.

— Коварный Ритусик, — прошептал Князь, начиная маневр по обходу препятствия.

— Стужев, тебя вроде как ждут, — напомнила я.

— Подождут. — Он все так же пристально смотрел прямо на объект преследования и явно планировал захват.

Неожиданно заиграл похоронный марш. Классический шопеновский. Князь дернулся, достал трубку, ответил на звонок и несколько секунд слушал, пристально глядя на меня. Затем глухо произнес:

— Imo.

Еще несколько секунд и злое:

— Occupatus.

И прервал разговор. В следующее мгновение трубка полетела на стол,

следом отправилась майка Стужева, и, поигрывая мускулами, он плавно шагнул к оторопевшей мне.

Заиграла музыка! Опять похоронный марш, но только теперь в рок-обработке.

— Мля, достали! — рыкнул Саша, схватил телефон и ответил на звонок рычащим: — I'm.

Не знаю, что там ему сказали, да и не знаю, что Стужев ответил, потому как прозвучало странное:

— Interitum aufert!

И завершив разговор, вновь бросил айфон на стол. Да так, что по экрану протянулась тоненькая трещинка.

— Так, — расстегнув пуговицу на джинсах, начал он, — на чем мы остановились?

Недоуменно пожала плечами, Стужев окинул выразительным взглядом и уже сделал шаг ко мне, как вновь зазвонил телефон. Adele «Someone Like You». Взбешенный Князь вновь схватил телефон, ответил и сообщил собеседнику нетривиальное:

— Любезный мой, Кристофер, знаешь, а я, судя по всему, выяснил причину вымирания динозавров на Земле. Тебе интересно? Правда, мой клыкастый друг? Ты уверен, что готов услышать это великое знание? Точно, готов? В таком случае, слушай внимательно. Да потому что им тоже кто-то размножаться не давал! In nomine daemonis! Quid problema?

Но проблема, видимо, имелась, потому что Стужев нахмурился, выслушивая что-то, потом сел, начал барабанить пальцами по столешнице, резко встал, схватил майку и вышел.

Некоторое время я, несколько растерянная, просто стояла. Потом начала убирать со стола, но тут же явился призрак, погрозил мне пальцем и взялся убирать сам.

— Да я как бы...

— Леди Маргарита, если у вас комплекс Золушки, я вас к отличному специалисту отведу, — произнес вошедший Генри. — Вы с ним уже заочно знакомы, кстати.

— Это тот, кто вам посоветовал заготовить извинительные букеты? — догадалась я.

— Да, — признал скелет. — Величайшего ума человек!

И направился к холодильнику... В глянцевой поверхности отразился высокий мужчина лет пятидесяти, чуть седоватый, импозантный и солидный очень. Я вздрогнула. Заметивший это скелет обернулся и спросил:

— Что-то не так?

Кивнула и указала на холодильник. Генри посмотрел на свое отражение, привычным жестом подправил волосы, улыбнулся себе, причем отражение сверкнуло великолепными зубами, и полез доставать замороженное мясо.

— То есть... вы себя другим видите? — догадалась я.

— Меня все «другим» видят, леди Маргарита, — пояснил Генри, выкладывая на столешницу мясо, яйца и имбирь. — Только на вас чары не действуют.

Испуганно смотрю на привидение, которое, в отличие от скелета, на меня во время разговора смотрело и степень моего потрясения оценило.

— А меня вообще никто, кроме вас, не видит, — обрадовал призрак.

— Здорово, — ничуть не обрадовалась я. — Ну, я пойду?

— Идите, — благодушно разрешил Генри. — Все равно сейчас лук резать буду, а это для вас, живых, весьма слезопускательное дело.

Я сбежала, поблагодарив за вкусный обед. Выйдя в холл, нашла книгу, ту самую, ягушенскую, она так на столе и лежала, и, обнимая фолиант, поспешила в спальню, откуда доносился временами злой голос Стужева.

Едва открыла дверь, так и застыла на пороге — Саша надевал фрак. На Кощее-младшем уже были брюки, носки, черные лаковые туфли и расстегнутая белоснежная шелковая рубашка, рукава которой он в данный момент скреплял золотыми запонками, что было непросто, учитывая факт продолжающегося разговора.

— Ego contra, — произнес он неведомому собеседнику и поманил пальцем меня.

Медленно подошла, Стужев как раз завершил дело с запонками и теперь стоял, смотрел на меня с высоты своего роста, и глаза серьезные такие.

— Nulla! — резко и зло неведомому собеседнику, а у меня непреклонно отобрали книгу.

Отобрали, отшвырнули в дальний конец кровати, а затем самым наглейшим образом чья-то нахальная, не занятая телефоном рука коснулась щеки, пальцы осторожно обвели контур моих губ и спустились ниже, погладив по шее, и еще ниже. Я попыталась возмутиться, но Князь мгновенно прижал к моим губам палец, призывая к молчанию, и я скорее прочла по его губам, чем услышала:

— Очень важный разговор.

Хотела было отойти, чтобы не мешать, но Стужев властно придержал

за талию, заставляя оставаться на месте, а затем...

Когда его ладонь скользнула по моему животу, я еще ничего не поняла, и когда даже под майку — тоже коварных действий не заподозрила, но после он бесстыдно вторгся под резинку белья и быстрым вороватым движением накрыл все, что, собственно, закрывали стринги. И улыбка при этом стала нагловато-счастливой, и вообще весь вид таким довольным-предовольным.

Я возмущенно вырвалась, молча, но решительно отказавшись от его весьма сомнительных услуг в качестве моего белья, и, бросив на некоторых мгновенно обидевшихся укоризненный взгляд, отошла к зеркалу, поправлять одежду.

— Simpliciter occidere, — сообщил в продолжение разговора Стужев.

А затем плавно и как-то очень быстро оказался позади меня. Его рука медленно скользнула на мою талию и резким движением прижала спиной к обнаженной груди. Возмущено смотрю на него в зеркало — что удивительно, у него и в отражении ну очень бессовестные глаза. Попыталась вырваться — удержал. Покорно замерла, ожидая хоть каких-то объяснений со стороны Кощея-младшего.

— Да, так гораздо лучше. — Сказано это было собеседнику, но смотрел в этот момент Стужев мне в глаза, и такое ощущение, что слова тоже для меня предназначались. — Намного лучше, — добавил он.

И теплая широкая ладонь вновь скользнула вниз. Глядя на Сашу, развернула руками, мол, в чем проблема, он только улыбнулся в ответ, и бесцеремонная кощеевская длань забралась под майку! Гневно смотрю на него. Мне одними губами сообщают:

— Я ничего не делаю. — Он даже кивнул и глаза стали такие честные-пречестные, а потом коварно добавил: — Пока.

И в ту же секунду его ладонь властно накрыла одну грудь, чуть-чуть ската, погладила, перешла ко второй и, повторив те же действия, устремилась вниз, снова заняв позицию, с которой ее только что изгнали. Я задохнулась от возмущения, а Стужев, весело подмигнув, начал осторожно, дразняще, поглаживать. И при всем при этом безмолвно произнес:

— Тихо.

Попыталась вырваться, но Князь, прижав плечом телефон, освободил руку, перехватил мою правую, вынудил обнять его за шею, то же проделал со второй и, спешно подхватив телефон, ответил собеседнику:

— Да, я слушаю, продолжай.

А я смотрела на наше отражение в зеркале, и мне... нравилось. Стужев — высокий, смуглый, мускулистый, и я — хрупкая на его фоне, белокожая,

с румянцем смущения на щеках и блеском ожидания в глазах. А оправдывать ожидания Саша умел... оправдывать и превосходить.

* * *

— Из дома без меня не выходишь. — Поцелуй. — Во двор тоже не стоит, у дома защита лучше. — Второй поцелуй. — Я часа через два-три буду, но постараюсь раньше. — Совсем улетный поцелуй и приказное: — Все, Ритусь, я ушел.

И перестав сжимать меня в объятиях, Стужев отступил с порога и самолично закрыл дверь. После еще и запер. Стою в шелковом халатике и смотрю на дверь.

Три проворота ключа, дверь снова распахивается, Князь в безупречном фраке, рубашке с золотыми запонками, галстуке и лакированных туфлях вновь оказывается совсем близко, очередной поцелуй и хриплое:

— Никому не звони, на звонки сама тоже не отвечай, для этого Генри есть.

— Хорошо, — уже несколько раздраженно произношу я опухшими от поцелуев губами.

— На улицу не выходи, — требовательно напоминает Стужев. — Все, я скоро буду.

Еще один поцелуй, он выходит из дома, закрывает дверь, запирает дверь...

— С тебя пятьсот баксов, — шепчет Иван.

— Я на семь раз ставил, — напоминает Генри.

Прив молчит, и мне уже известно, что он на три раза ставил. Собственно, остальные ставки распределялись следующим образом — Иван шесть, Генри, вот как выяснилось, семь.

— Нет, — почему-то тоже шепчу я, — уже не вернется.

Три щелчка, дверь открылась, Стужев в два шага оказался рядом, обнял мое лицо ладонями в белоснежных перчатках и с надеждой спросил:

— Звала?

— Нет, — отвечаю с улыбкой.

— Зараза! — в сердцах выругался злой младший Кощей.

— Сашенька! — Я поднялась на носочках, чтобы стать ближе, и выдохнула: — Я уже полчаса тебя провожаю. И если честно — мне уже страшно представить, сколько времени придется тебя встречать.

Позади нас раздалось торопливое и воодушевленное: «Делаем

ставки?» Голосок был привидения, но его воодушевление мне понятно — с провожанием он круто просчитался, теперь мечтал о реванше.

— Какой смысл делать ставки — нас явно выставляют? — пробурчал Генри.

Стужев бросил на гопкомпанию внимательный взгляд, и троица мгновенно ретировалась на кухню. И даже двери закрыли, но судя по тому, как затихли, явно в замочную скважину опять подглядывают.

— Ритусь, — сильные руки скользнули на мою талию, — я должен уйти.

— Иди, — в очередной раз разрешила.

Он кивнул, но выглядел при этом очень несчастным. И вдруг начал объяснять:

— Понимаешь, если я не вмешаюсь, вырежут половину клана Дормеинтес. А мне поддержка Кристофа нужна, особенно сейчас, когда я планирую устраниить инквизиторов.

— Кого устраниить? — переспросила я.

— Компашку няшек анимешных, — «перевел» Стужев. — Ты слышала, что Руслан сказал?

Пожала плечами. Нет, я слышала, но явно не все поняла, судя по намеку Саши.

— Плохо ты слушаешь. — Он наклонился, нежно поцеловал и пояснил: — Команда Гошика была не единственной, кого заслали на Терру, там есть и второй отряд. Их следует найти и уничтожить, а для этого мне нужна поддержка Кристофа, так что я должен вмешаться, понимаешь?

Не особо, но все равно кивнула.

— Не хочу уходить. — Он порывисто обнял меня, прижал к себе. — Не знаю почему. Не хочу оставлять тебя одну.

— Саш, — я осторожно отстранилась, — я же не одна, со мной Генри, Иван и привидение.

Стужев кивнул, нахмурился. Вновь заиграл телефон, все та же заменяющая похоронный марш «Someone Like You». Даже не делая попытки ответить, Саша наклонился ко мне, снова поцеловал и напомнил:

— Из дома не выходи, поняла?

Я кивнула.

— Люблю тебя. — Еще один быстрый поцелуй, и Стужев ушел.

Дверь закрыл, запер на ключ. Стою, жду. Внезапно понимаю, что очень хочется услышать, как ключи снова проворачиваются в замке, а затем увидеть, как дверь распахивается и входит Саша. Но вместо этого услышала, как взревел мотор «Феррари».

Подойдя к окну, увидела выезжающую со двора машину... ворота закрылись. Мне вдруг стало очень-очень тоскливо и одиноко.

Дверь в кухню отворилась, и я услышала низкий голос Генри:

— Леди Маргарита, может, чаю?

— Рита, — поправила я его.

От окна отходить не хотелось. И вообще как-то разом расхотелось двигаться, разговаривать и даже думать. Поймала себя на мысли, что есть желание стоять тут и ждать, пока не вернется Саша.

— Леди Маргарита, — костлявая рука осторожно опустила жалюзи, закрывая от меня вид на пустой двор, — давайте чаю или, может, пирожное, или...

Грустно смотрю на скелета. Чувствую, как глаза заполняются слезами, и думаю, что надо было не отпускать Стужева... хотя жалко этот клан, как его там... А кстати:

— Генри, что такое «Дормеинтес»?

— Спящие, — пояснил скелет. — Это латынь, леди Маргарита.

— Ясно. — Я совсем сникла.

Потом мелькнула мысль — из окон спальни двор тоже преотлично просматривается!

— Ладно, я наверх, — сообщила я Генри и, обойдя дворецкого, направилась к лестнице.

И вот я поднимаюсь, а сзади слышится:

— Все, это любовь. — Тоненький голосок привидения.

— Лепота. — Бас Ивана.

— Кому лепота? — Баритон Генри.

— Нам, — уверенно сказал Иван-скелет. — Маленьких-то полный дом будет...

Я споткнулась. А вот упасть мне не дали — с одной стороны придержало привидение, с другой — костлявые руки Генри.

— Леди Маргарита, вам плохо? — Скелет встревоженно на меня глядел.

А я представила, как со стороны смотрюсь, в смысле, в обществе скелета и призрака. Невольно улыбнулась и отрицательно покачала головой. Генри отпустил мгновенно, а привидение осторожно предложило:

— А давайте я вас до постели провожу.

Снизу прозвучало:

— Делаем ставки, кто первый родится?

Меня мгновенно оставили одну. И уже из кабинета послышались разговоры про ставки, риски, проценты и остальное. Букмекеры загробные!

В спальню я почти прибежала, торопливо отодвинула шторы, подняла жалюзи — двор и кусочек улицы были видны превосходно. Я переоделась в очередную майку Стужева и свои джинсовые шорты, постелила на широком подоконнике покрывало, притащила подушки и устроилась с ягушенской книжкой в руках, собираясь с пользой провести время.

Бросив взгляд на ворота, открыла первую страницу учебника. Оттуда на меня смотрела самая что ни на есть настоящая классическая баба Яга. Старая, сгорбленная, с огромным носом, на котором красовалась бородавка. У бабки в одной руке была метла, во второй прутик, перехваченный так, словно она кого-то бить собралась. И такое ощущение, что меня. И была Ёжка вся грязная, в старой порванной одежде и жуткая такая. Стояла она на болотной кочке, тощие лодыжки словно болтались в широких, не по размеру, лаптях.

— М-да, — сказала я и перевернула страницу.

А там было болото. Самое настоящее — жуткое, причем картинка казалась живой, то есть болото пузырилось, булькало, и над ним витал зеленоватый дымок. И какую страницу ни переверни — все то же жуткое болото. Я закрыла книгу. Посмотрела во двор, на ворота, на дорогу и вновь открыла учебник. Такое ощущение, что баба Яга теперь смотрела на меня с издевательским прищуром, а бородавка на ее носу стала больше.

— Бррр. — Меня передернуло.

Бабка действительно была противная. Совсем. Еще раз осмотрела ее с ног до головы и тут увидела то, чего не заметила сразу — под ее левым лаптем распласталась лягушка. То есть вредная бабка еще и лягушку придавила, и у той такая мордочка была несчастная!

— Млин, бедная лягушка, — не сдержалась я.

Земноводное действительно до слез жалко стало. Я шмыгнула носом, вытерла левый глаз, а за правым не поспела, и одинокая слезинка, прокатившись по щеке, шмякнулась на книгу! Прямо на бабку!

Я кинулась вытирать мокре пятно, но не успела коснуться пожелтевшей бумаги, как с книгой начало происходить невероятное — баба Яга подняла ногу, и несчастная лягушка прыгнула с кочки в воду! Брызги во все стороны! И в тот же миг картинка начала преображаться, как и сама Ёжка, и вот передо мной лесная польянка, избушка на курьих ножках, Кот Ученый, Колобок на ступеньках и Яга, такая, какой их знаю я — красивая, стройная, с копной огненно-рыжих волос, зеленющими глазами и доброй улыбкой. И тут я вижу надпись:

«Страницу-то переверни».

Это что за учебник вообще?!

Но страничку послушно перевернула и увидела, что болота тут больше нет, есть «многа букафф». Реально много. И что самое удивительное — маскировалась-то книга под средненькую величину, страниц в триста, а теперь я держала в руках пухлый фолиант страниц тысячи в три как минимум. Подумала, перевернула опять на первую страницу, посмотрела на бабу Ягу и недовольно пробурчала:

— Жулики.

А нарисованная Ёжка демонстративно развела руками и поинтересовалась:

— А как ты хотела Ягой быть?

Чуть не выронила книгу, да и вопль едва сдержала. Ёжка же погрозила мне пальцем и глубокомысленно заметила:

— Почитай, лет за пять управишься.

— За сколько? — возмутилась я.

— Да, — бабка окинула меня внимательным взглядом. — Умок-то короток... Тады лет за десять.

— Что?! — Я сорвалась на визг.

Нарисованная Ёжка поморщилась, а едва я умолкла, с прищуром поинтересовалась:

— Откель такая крикливая?

Я промолчала, как-то вдруг даже совестно стало.

— А звать как? — продолжила Яга.

— Рита, — представилась смущенно.

— А я Ядвига. — Ёжка оказалась вежливая. — Ну теперича хватит размусоливать, набирайся ума-разума, Рита, да не отвлекайся.

Я кивнула, снова перевернула страницу, но вместо того чтобы читать, с тоской посмотрела в окно, на пустой двор, ворота, улицу...

И вдруг книга как заорет:

— ЧИТАЙ, КОМУ СКАЗАЛА!

Я с перепугу в ответ:

— Не кричи на меня!

Фолиант промолчал, ну а я, да, читать начала. Первая строчка гласила:

«Лиши познав себя, мы способны познать мир».

Неожиданно. Кстати, написано было на русском, причем современном русском. Странно, очень. Осторожно глянула в окно и тут же вновь начала читать:

«Упражнение первое — слезь с подоконника...»

Недоуменно посмотрела на книгу, та выдала пояснение:

«Слезь с подоконника, расстели покрывало на полу, сядь, закрой глаза и сосредоточься на себе, Рита. И хватит в окно выглядывать».

— Вебинар в действии, — пробормотала, нахмурившись.

С одной стороны, надо было слезать, иначе с этой станется опять ворить на весь дом, с другой — почему-то не хотелось пропустить момент возвращения Саши. Я вновь с тоской посмотрела в окно — на дороге показались два черных автомобиля. Дорогих явно, блестящих и новеньких. Не то чтобы я машинами увлекалась, но на эти внимание обратила.

— Рита! — прошипела книга.

— Угу, — ответила я.

И уже хотела слезть, как увидела, что обе машины останавливаются возле нас!

Сердце испуганно сжалось.

— Генри! — позвала я, вскакивая с подоконника.

Первым возле меня оказалось привидение, через несколько секунд прибежали оба скелета. И мы все четвером стояли и смотрели, как ворота во двор медленно открываются! Рваными дерганными движениями, словно отчаянно сопротивляются незваным гостям.

— Не откроются, — уверенно сказал Иван, — зачарованные же.

Мне очень хотелось бы в это верить, но Генри тихо произнес:

— Там маг. Сильный. Я ощущаю взлом защиты по всем векторам.

— Что? — внезапно осипшим голосом переспросила я.

— Еллдыги захухренные! — с чувством выругался Иван. — Поднимаем наших?

Генри отрицательно качнул головой и спокойно произнес:

— Ты же помнишь — только в экстренном случае. Нужно понять, чего они хотят.

Я закрыла книгу и, обняв фолиант, тихо спросила:

— А что они могут хотеть?

Ворота окончательно открылись, только створки дергались, как в агонии, и оба автомобиля мягко въехали во двор.

— Мало ли, — прошептал Генри, — если челы — денег, если хвостатые — выпить, если клыкастые — на разборки, если ведьмы —

права качать, если инквизиторы — тоже права качать, но в более истеричном стиле. У хозяина круг общения большой.

Ну, вот после его слов и мне стало интересно, кто ж это приехал и чего хотят, и теперь мы все заинтересованно глядели на оба автомобилия. Открылась дверца, показалась нога в джинсах и черном ботинке...

— Не кровососы точно. Или оборотни, или челы, — произнес Иван.

Вслед за ногой из машины вышел широкоплечий мужчина. Он стоял спиной к нам, в том же положении протянул руку — и ворота закрылись.

— И не ведьмы, — призрак подался ближе к стеклу. — Предлагаю став...

Он не успел договорить — из машины показались остальные.

Первые пару секунд мы находились в ступоре, а потом начался Армагеддон.

— Поднимай кладбище! — орал Генри.

— Активирай защиту! — верещало привидение.

— А-а-а-а! — вопила я.

— Темные! Мать вашу, темные! — хрюпал Иван.

— Где темные? — вопросила книга.

Молча подняла ее, демонстрируя стоящих на траве стужевского газона девятерых темных! Реально темных! В нормальном человеческом виде был только Игнат, и вот он сейчас шел к ступеням с такой очень уверенной ухмылочкой!

— Мля-а-а-а! — завопил фолиант. — Спасайте меня, я ценный учебный материал!

И у нас у всех как-то разом паника прекратилась, и все разом очень осуждающе посмотрели на книгу.

— А что? — удивилась она. — Между прочим, я древний и очень дорогой артефакт, а вы всего лишь два захудальных умертвия и одно куцехвостое посмертие.

Два скелета и привидение сильно обиделись.

— Леди Маргарита, дайте-ка мне ваше уникальное пособие на парочку минуточек, — попросил наш домоправитель.

— А зачем? — поинтересовалась книга.

— Буду им от врагов отбиваться! — прошипел Генри.

И попытался книгу забрать.

Фолиант перепугался и как взwoет:

— Помогите-а-а-а! Спасите-а-а-а!

И голосок у нее оказался — стекла задрожали! А главное — темные вопль услышали!

В следующее мгновение окна в спальне осыпались мириадом сверкающих осколочков! И все девять чудищ вскинули головы и увидели меня с книгой, а также Генри и Ивана, эту книгу пытающихся забрать. И миндалевидные глаза остроухих темных странным образом округлились. У всех, кроме Игната, который в человеческом обличье был, и вот как раз он задумчиво произнес:

— Спасатели прибыли, — и хмыкнул издевательски.

Покрасневшая я дернула фолиант, вынуждая обоих скелетов отпустить книгу, нервно прижала к груди, перепуганно посмотрела на темного. Демон широко улыбнулся и произнес:

— Добрый день, Рита.

Появилось непреодолимое желание запустить в него книгой или сковородкой, или...

— Поднимай кладбище, — прошипел Генри.

— Не могу, — едва слышно ответил Иван. — Он блокирует зов.

— Прив? — Генри хоть и был скелетом, но такое ощущение, что побелел.

— Блок. — Призрак дрожал всем своим белесым сгустком тумана. — Дом выдержит?

— Нет, — скелетон глухо простонал. — Защита практически сломана.

Мы стояли и переглядывались, в ужасе от ситуации, причем страшно было всем.

— Ы-ы-ы, — заныла книга. — Я не хочу умирать, я еще слишком молода, я...

— Выкину в окно, — пригрозила я.

Книга умолкла.

А там, во дворе, темные начали что-то обсуждать, но мы, как ни прислушивались, не могли понять ни слова. Впрочем, я долго не слушала — метнулась к телефону... и появилось желание выругаться. Ни единой «антенны», в инет телефон не выходил, СМС не отправлялись! Демон и связь заблокировал!

Вдруг раздался треск!

Жуткий такой, словно дом раскалывался на части. Генри обхватил голову руками и взвыл. Иван ошело опустился на пол, привидение дрожало как студень, и только глаза становились все больше.

— Так, отходим на Терру, — решила я. — Генри, мне нужен огонь, любой, свечка там или зажигалка.

Скелет мгновенно пришел в себя, подскочил, вынимая из кармана зажигалку «Зиппо», щелкнул кремнем... ничего не произошло. Шипение

газа и охватывающий меня ледяной ужас. Все! Мы в ловушке!

— Мли-и-ин! — только и сказала я.

Во дворе раздалось громкое:

— Рита, на всякий случай, — огонь тебя не спасет! — сказано было настолько самодовольно-снисходительно, что лично мне стало тошно.

Причем так тошно, что за дальнейшие свои действия я напрочь отказываюсь нести ответственность. В общем, это не я, это все нервы. Книжка полетела на кровать, я же, подхватив один из букетов с тарой, в которой он располагался, рванула к окну и, высунувшись, самым милым голоском позвала:

— Дайрем!

Игнат, стоящий на колене и касающийся пальцами ступенек, ведущих к входной двери, запрокинул голову и улыбнулся мне.

— Привет, — выдала я.

— Привет. — Сволович даже решила мне подмигнуть.

А дом стонал и скрипел, но держался.

— Рада тебя видеть, — вру самым наглым образом.

У Игната одна бровь взлетела вверх.

— Цветы подготовила даже, — продолжила я. — Лови.

И в темного обманщика полетел букет лилий. Прицелилась я хорошо, цветы полетели точно в цель, вынудив Демона оторваться от своего занятия и поймать флору упакованную. И вот только он ухватил букет — следом полетел вазон с водой!

— Дайр... — заорал один из темных.

Но это не помогло — встреча ингатовского лба и дна массивной вазы произошла жарким весенним днем, ознаменовавшись отборным матом Демона и ликующим «Йес!» от меня.

Но это было только началом! Генри и Иван метнулись к окнам, увидели последствия случившегося — в смысле шишку Демона, остатки героически погибшей вазы и букетик лилий, которые темный продолжал держать в руке, переглянувшись.

— Блок не только на нас, — шепотом, едва слышно произнес Генри.

— Они тоже лишены боевой магии. — Генри даже осип.

— Бей гадов! — завопило привидение.

Я помчалась за следующей вазой!

И была остановлена меланхоличным заявлением книги:

— А что, никто, кроме умненькой меня, не заметил, что дом перестали взламывать?

От такого вопроса я застыла, Генри тоже, Иван почесал лысый череп,

призрак развел руками.

— Так я и думала, — печально резюмировала книга. — О вселенская справедливость, с кем приходится работать... Скелетики и убогое подобие иного, услышьте истину, о недалекие, сей темный ломает охранные заклятия. Для взлома заклинаний охранного уровня концентрация великая требуется. Осознаете ли вы мой намек, умом скучные?

Вот лично я на книгу обиделась, а Иван с Генри почему-то — нет. Переглянулись, кивнули, и Генри произнес:

— Нельзя позволить темному сосредоточиться!

Мы на секунду замерли, а после бросились в разные стороны — я в ванную, привидение — за цветами, куда Генри и Иван умчались, я не в курсе.

В нашей уютной ванной я начала сметать в подол майки все мыла, шампуни, пузыречки, мочалку даже, и когда выбежала обратно в спальню, совсем недоброе привидение НеКаспер вело прицельный огонь по темным, швыряя вазы вместе с цветами.

Что примечательно, темные швырялись в ответ, но остатки фарфора, как об стену, разбивались о пустой оконный проем. Видимо, защита дома еще держала оборону.

— Банзай, мля! — орал призрак со зверским выражением на морде, запуская очередную вазу с букетом вместе.

Оценив расстановку приоритетов, в смысле заготовленных флоросодержащих снарядов, я поняла, что в этом окне мне делать нечего, и направилась ко второму. А выглянув, на секунду оторопела — у призрака с меткостью оказалось все на уровне, и бил он прицельно по Игнату, у которого обнаружилось уже две шишкы! Но несмотря на боевые ранения, темный вновь попытался взломать нашу хату посредством руконаложения на ступени. А остальные занимались тем, что защищали его от кровожадного привидения, повытаскивав откуда-то черные пылающие серым пламенем мечи и перерубая снаряды на подлете.

И вот что примечательно — защищали темные Демона от окна слева, а угрозу с правого окна, в котором засел второй снайпер, в смысле я, не просекли. Хватаю первое мыло, прицеливаюсь, бросок.

В этот самый миг Игнат, держа ладони на ступеньке, запрокинув голову, что-то шептал... Здоровское мыло ручной работы, совершив дугу, радостно зашло на посадку, избрав в качестве аэродрома и так пострадавший лоб...

И во дворе стало тихо. Очень. Молча смотрю на осталбеневшего Игната, а все темные как-то странно на меня, потом на него, на кусок мыла,

который почему-то вдруг начал плавиться, снова на меня, и вдруг все так одновременно как сделают шаг назад...

В следующее мгновение Демон вспыхнул огнем!

Странным, черно-зеленым пламенем, которое начало сжигать его кожу, одежду, волосы! Треск пламени, шипение расплавившегося мыла — и передо мной истинный темный! Метра два с половиной роста, в черном плаще, сапогах с зауженным носком, рубашке странного покроя и брюках черно-зеленых. Но ладно прикид — у Демона оказалось жуткая рожа! Огромные миндалевидные глаза, хищный орлиный нос, четко очерченные злые губы, высокие скулы и мускулистая шея. Жутко так. Меня передернуло.

А этот темный перс по имени Дайрем, рыча, спросил:

— Страшно, Марго?!

— Ганнибал Лектор отдыхает, — испуганным шепотом созналась я и... запустила в него следующим мылом.

Кусочек мыльно-рыльного ассортимента пролетел мимо даже не пошевелившегося монстра, после чего лично мне стало страшнее. И тут позади раздалось натужное:

— Поберегись!

Побереглась — отскочила в сторону и увидела Ивана и Генри, запускающего снаряд «Холодильник-1» в цель. Запуск прошел успешно, но едва мы все втроем выглянули, чтобы насладиться результатом, узрели жуткое — темный удерживал машину одной рукой, даже без напряга.

И тут с постели донеслось:

— Нет, оно понятно, что у скелетов в голове мозгов нет, — проворчала книга. — Но это надо было додуматься кинуть ему предмет, на который защита не среагирует, вполне обоснованно считая своим.

Я в диком ужасе посмотрела на Дайрема, а тот, этой одной граблей, зло усмехнувшись, запустил холодильник в дверь!

Дверь была снесена напрочь!

— Мля, — просто нало приведение, у которого как раз и вазы с букетами закончились.

Одновременно с рухнувшей дверью в доме что-то громыхнуло, а после раздался тихий печальный звон. Генри, схватившись за голову, упал на колени, Ивана начало трясти, как в конвульсиях, привидение тихо заматерилось, а я...

Я в диком ужасе смотрела на стоящего перед домом темного, который просто улыбался. Причем очень доброй улыбкой Игната!

В следующую секунду случилось то, чего никто не ждал — ни я, ни

темные, ни скелеты с привидениями!

Открылись ворота! Плавно очень, привычно, без этих дерганий, и во двор въехал красный «Феррари».

Въехал и резко остановился! Стужев так дал по тормозам, что машину тряхнуло, словно она врезалась в стену. Затем распахнулась дверь, и взбешенный Князь вышел из автомобиля.

— Что-то я не припомню, чтобы гостей приглашал! — в нарочито-небрежном тоне Стужева отчетливо прозвучал гнев.

Настоящий такой гнев, от которого жутко стало даже мне. Мне, но не чудовищу, некогда бывшему милым Лысым Чертом, которое демонстративно медленно повернулось к Александру все с той же неестественной улыбкой на губах.

И вот этот монстр насмешливо произнес:

— Все еще смертный.

Мне вдруг как-то очень страшно стало за Стужева, но не ему. Князь спокойно поинтересовался:

— Намекаешь на мою уязвимость?

Темный не стал отвечать, он сделал жест рукой, означавший, вероятно: «Взять его», и, повинуясь этому движению когтистой конечности, остальные темные, став полусмерчами, с оружием наперевес двинулись к Саше. Я едва не закричала от ужаса, остановил меня насмешливый вопрос Стужева:

— А-а, — он улыбнулся темному, — намекаешь, что тут блок и моя магия мне ничуть не поможет?

— Догадливый, — с усмешкой ответил Дайрем.

И мне вдруг показалось, что это темный старше, гора-а-аздо старше внука Кощяя. Старше и куда опаснее. И, наверное, так не только мне показалось, потому что Саша тоже перестал улыбаться и теперь смотрел на темного пристально, очень оценивающим взглядом. И именно Князь спокойно произнес:

— Ритусь, от окна отойди.

— Полагаешь, ее это спасет? — Темный поинтересовался совершенно безразлично. И так же без эмоций добавил: — Ни приверженность стае, ни защита клана Дормеинтес, ни те слабые зачатки магии, которыми ты обладаешь на Земле, тебе не помогут, Кощей.

У моего мужа удивленно приподнялась бровь.

— Ты мальчишка, — продолжил темный Дайрем, — зарвавшийся щенок, пытающийся предпринять жалкие попытки присвоить мой ключ к Терре.

Стужев бросил на меня мрачный взгляд и вновь вернулся к созерцанию Дайрема Херарда, я даже не дышала, в ужасе думая, что делать, а темные, коих не заботила беседа вовсе, осторожно подбирались к Саше, не ожидая повторного приказа.

Сверкнула черная сталь!

Красный «Феррари», в том месте, где только что стоял Стужев, был разрезан до основания. Как в замедленном фильме ужасов, я смотрела на две аккуратные половинки автомобиля, падающие на траву. Но прежде чем железо смяло зелень, Александр Стужев исчез.

Вообще!

На газоне распускал кольца змей! Огромный, метров пятнадцать, наверное. Ледяной! С капюшоном, как у кобры! И синими-синими, как бесконечное ясное небо, глазами. Полупрозрачный, искрящийся на солнце, — змей!

Вдруг кто-то заверещал не своим голосом!

А этот гад ледяной недовольно так:

— Маргош, тебе же деда прямым текстом сказал, что у нас клептомания наследственная.

Я перестала орать. Заставшие на миг темные перестали тормозить! И бросились на ледяную кобру! Змей перестал раскачиваться и ринулся в атаку!

А Дайрем ринулся в дом!

И начался бой!

Восемь черных сверкающих сталью вихрей и один ледяной змей! Первая ступень, преодоленная темным.

Пять черных смерчей, один змей, а Демон уже на пороге.

Один искрящийся на солнце ледяной змей и один застывший в дверях Игнат.

И все случилось за несколько сотых долей секунды...

И теперь огромная змея, раскрыв полупрозрачный ледяной капюшон, покачиваясь, смотрела на темного, а темный не отрывал взгляда от змеи! А у меня кружилась голова и от увиденного, и от недостатка кислорода.

— А-а, клептомания, — протянул Игнат и медленно спустился по ступеням обратно во двор. — Так значит, все же наследие драконов. Неожиданно.

Змей молчал. Я начала хватать ртом воздух и вцепилась в подоконник так, что пальцы отзывались болью. А Дайрем, медленно двигаясь к покачивающемуся ледяному чудищу, продолжал говорить:

— Хорошо, ты сильнее, признаю. Я не тронул твоих... мм, людей, ты

не убил ни одного из моих, никто ничего не потерял. Дай нам просто уйти.

И в процессе произнесения речи темный все ближе, ближе и ближе подбирался к змею.

— Мы уйдем, — Дайрем вскинул чудовищные руки. — Просто уйдем, мы...

— Левеессс, — неожиданно прошипел змей.

— Не понял? — темный сделал еще один шаг вперед.

— Левеессс, или ссссдохнешссс, — вполне миролюбиво пояснил сверкающий в лучах солнца монстр.

Темный на секунду остановился, подняв руки в жесте защиты, но змей вскинулся, словно для удара, и Дайрем мгновенно шагнул в указанном направлении, ближе к лежащим навзничь темным.

— Тотссс умираетссс, — сообщил ему Стужев.

Темный на долю секунды отвернулся, глянув в указанную сторону, и змей атаковал. Рывок, сверкающая молния ударяет темного... Дайрем летит ласточкой, треск, изморозь прямо по воздуху, как по стеклу...

Падения Игната я не увидела — он и остальные растворились в воздухе, и напоминанием о боях осталась изморозь на измятой траве да две аккуратные половинки «Феррари»...

Можно было бы еще посчитать змея, но его там уже не было — той же сверкающей молнией он метнулся в дом...

Я повернулась к двери в спальню, ожидая чудища... но по ступеням прогрохотали вполне человеческие шаги, а через секунду распахнулась дверь, являя вполне себе обычного Стужева, разве что полуголого, в порезах и исцарапанного... и в крови!

И тут кто-то как завопит:

— Сашенька! Сашунечка! Родненький! Ты меня спас! От супостатов темных, от иродов вандальных! Кощеюшка, разлюбезный ты мой!

Мы с Князем одновременно на книжку уставились. Фолиант, ничуть не устыдившись, продолжал вопить:

— Герой! Добрый молодец! Как ты их, а!

Стужев молча подошел к постели, взял подушку и «сделал звук тише». Затем обошел кровать, приблизился ко мне, замер на расстоянии полу шага. А я смотрела на многочисленные порезы, которые продолжали кровоточить, и вспоминала, как от одного удара меча темных развалился автомобиль...

— Саш, — подняла голову, взгляделась в его льдисто-синие глаза, — поехали в больницу, а?

Он вдруг скривился и устало так:

— Маргош, ну змей и змей, это мелочи, серьезно. В конце концов, я же не настолько страшный, чтобы ты от меня по психиатрам бегала.

— Какой психиатр? — в ужасе смотрю на него. — Саш, я подозреваю, что тут без хирурга никак!

— А? — Недоуменный взгляд на меня.

Молча указала пальцем на его грудь, где имелись три царапины и один аккуратный, как от лезвия, глубокий порез... в котором виднелась белая кость... Стужев перевел взгляд на себя и выдал:

— Мля, а как они через броню достали?! — потом глянул на побелевшую меня и мгновенно исправился: — Да ерунда, малыш, до свадьбы заживет...

В следующую секунду кто-то отчаянно завизжал на весь дом, потому что другой кто-то, теряя сознание, повалился на пол, умудряясь при этом шептать:

— Все хорошо, Ритусь, я счас... только не переживай... Рит...

И он просто упал.

Уже без сознания!

И из всех порезов вдруг хлынула кровь! Ее так много было! Ужасающе много! Я рухнула на колени рядом, пытаясь зажать пальцами самый глубокий порез на груди и истерично зовя почему-то маму и Генри. Причем по очереди. И даже не соображая, что ору, срывая связки! Мне никогда в жизни не было так страшно, а он... он истекал кровью у моих ног, и я не знала что делать! Совсем не знала. Что-то вопила про «Скорую помощь», про...

Хлесткая звонкая пощечина отрезвила мгновенно!

Словно вынырнув из омута безумия, я посмотрела на Ягу, ту самую книжную, которая глядела на меня темно-зелеными злыми глазами.

— Прекрати, — тихо и оттого очень грозно сказала она. — Больница здесь не поможет, и даже Кощей не справится. На Терру нужно, зажигай свечу, в избушку свою переносись, а уж там Яги подсобят. И быстрее, он умирает.

Свечу принес Генри. Принес, протянул и осел рядом на колени, весь сотрясаясь, словно от едва сдерживаемых рыданий. Я и сама плакала не переставая.

— Будь сильной, — приказала Ядвига.

Я кивнула, обняла Стужева за шею, схватила Генри за костлявую ладонь и с мыслью «Печка, в избушку, пожалуйста» прикоснулась к огню губами.

Вспышка!

Пламя ревущее, грозное!

Теплый домашний полумрак, запах дерева, сдобы, сказки. Я открыла глаза и поняла, что лежу на печи, на расстеленной перине, обнимая Сашу.

Оглянулась, увидела стоящего посреди сказочной избушки потрясенного происходящим Генри, а глянув в окно, заметила, как бежит ко мне вся моя сказочная живность. А больше и посмотреть не успела!

Вспышка!

Вспышка!

Вспышка!

Вспышка!

Вспышка!

И в избушке стоят пять Ёжек!

И самая старшая на меня, на Стужева, на меня...

— Пожалуйста... — Поняла, что у меня снова начинается истерика.

Но Яги казались несколько шокированными и злыми. И лица были такие, что я сразу поняла — не помогут. Кощей им — первый враг, мне так вообще запретили к нему приближаться, а тут...

— Чего стоим, кого ждем?! — вдруг возопил фолиант.

Оказалось, что книжка в руках старшей бабы Яги находится.

— Мой спаситель кровью истекает, а они замерли, аки столбы ледяные!

Ёжки переглянулись, а старшая вдруг с такой злостью:

— Сама ж против племени Кощеева была!

— Это я когда была? — возмутилась книга. — Это я раньше была, когда они из меня страницы повыдирать хотели, ругательные которые! А теперь я «за», он меня от супостатов вандальных спас, живота не жалеючи! Да кто б еще — один-одинешенек против девяти супостатов темных на бой бы вышел?!

— Дурак! — в сердцах брякнула старшая Яга.

— Дурак, кто ж спорит, — согласилась книга. — Но наш дурак, родной, геройский и любимый! Чего встали? Дурака вылечить да в чувства привести, живо!

И старшая Яга хмуро скомандовала мне:

— Отойди.

Я быстренько с печи слезла, а пока слезала, две другие успели стол наш обеденный в длину растянуть, причем основательно, и даже простыней белоснежной застелить. Яга бросила мне обучательный фолиант и освобожденные руки направила в сторону Стужева. И Сашу словно

подхватило да и перенесло по воздуху прямо на стол. И простины мгновенно начала пропитываться кровью...

Кто-то завыл...

— Да не убивайся ты так, сейчас подлатают нашего Кошеньку, как новенький будет, — утешила меня книга.

А старшая Яга бросила взгляд укоризненный на меня, не на книгу. И тогда я не выдержала и тихо призналась:

— Мы... поженились.

У одной из Ёжек выпала метла, две тихо ойкнули, старшая развернулась ко мне и как рявкнет:

— Где?!

— Ты что орешь? — возмутилась книга. — Не, Рит, ну ты видела, у нее пациент кровью истекает, а она орет! На Земле они поженились, на Риточкиной, по законам по ихним. Орать потом будешь, Сашеньку лечи, Ритка без него все равно жить не захочет и не получишь ты ни Яги новой, ни хранительницы верной. Лечи, кому говорят.

Яга бросила взгляд на меня, на Стужева, повернулась и простерла руки над его телом. Легкая сизая дымка и зеленое сияние, вырвавшееся из ее ладоней... И я с замиранием сердца смотрела, как останавливается кровь, как раны затягиваются, как исчезают тонкие розовые линии заживших порезов, оставляя лишь паутинку белесых шрамов.

Остальные Яги также стояли, окружив его и простирая руки.

— А избу очистить от посторонних и запереть забыли, — занудно произнесла книга.

Я метнулась сама и, выставив все еще находящегося в ступоре Генри, остальным крикнула: «Нельзя, идет операция», да и двери на засов заперла. Заперла и, привалившись спиной, вновь не отрываясь, уставилась на Сашу и на Ёжек вокруг стола.

— И что ты смотришь? — ехидно поинтересовалась книга. — Для ревности поводов нету, он в несознанке.

— Помолчи! — грубо приказала старшая Яга.

— Чай не справляетесь? — полюбопытствовал фолиант.

— Убивали они его, — тихо ответила Ёжка.

Кто-то завыл и сполз по двери на пол. Только на полу обнаружила, что это я...

— Не вой! Сказано было к Кощею-младшему ни на шаг! — отрезала старшая Яга. — Книга тебе дадена была, указания ценные, а ты? Теперь воешь? Думать надо было, Рита. Головой думать. И не вой — коли сама не пожелала бы, ввек тебя Кощею не найти, а раз нашел, значит, к нему

перенеслась. Сама.

Я всхлипывать перестала. И тут книжка как вставит:

— А кто-то взял и отпустил. «Сама».

Старшая Ёжка на книгу недобро зыркнула и прошипела:

— А что мне ее тут держать нужно было? У нее сердце от горя рвалось!

— А сейчас, значит, ей, по-твоему, хорошо и радостно очень, да? — с нескрываемым ехидством спросил фолиант.

Ёжка глянула в глаза мои зареванные, тяжело вздохнула и спокойно уже:

— Да выживет он, не плачь. Сильно они его потрепали, так то темные, супротив одного и десять богатырей не устоят. Мечи у них особые, и сталь булатную аки масло кромсают, да быстры, что ветер. С ними одна тактика боя — бежать да хорониться в местах укромных, а твой-то им вызов бросил, дурак.

Я всхлипнула и едва слышно ответила:

— Не дурак... он меня защищал.

— И меня, — вставила книга.

Бабы Ёжки переглянулись, да и сосредоточились на лечении.

Долго лечили. А потом одна Яга вдруг пошатнулась, да и осела на пол, вторая, третья, четвертая, и только старшая держалась, все так же поливая Сашу зеленым светом. Я же встала, переложила книгу на лавку и начала помогать Ёжкам встать да пересесть на лавки. Потом чай всем делала, потом...

— Все, — сказала старшая Яга, — сейчас в себя придет.

Я замерла, держа в руках чашку и заварник, как раз одной из Яг чай доливала. Да и все замерли, не отрывая взгляда от лежащего на столе Стужева.

И тут рев на всю избушку:

— Рита!!!

Я выронила и чашку, и заварник, но фарфор еще разбиться не успел, как Саша рывком спрыгнул со стола и уставился на старшую Ягу. Звон разбившейся посуды. Князь мгновенно развернулся на звук и вдруг оказался рядом, скав в почти болезненных объятьях. И я уtkнулась носом в грудь, плевать на оставшиеся кровавые потеки, и как заревела.

И вот не знаю, сколько бы я ревела, не выдай Стужев «утешительное»:

— Да ладно, ты что, серьезно расстроилась?

Всхлипнув, молча и решительно вырвалась из его объятий. Не то чтобы отпустил, но захват определенно ослабил и весело так продолжил:

— Было бы чего переживать, Ритусь. Я ж тебе и дом, и скелетов, и счет в банке оставил, и даже от темных избавился.

У меня слезы высохли, а челюсть отвисла.

— Ротик прикрой, — ласково посоветовали мне и улыбнулись, лучезарно так.

На это у меня сил не было, ни моральных, ни физических вообще. Убивательные зато появились!

Так и сказала:

— Я убью тебя, Стужев! — и главное, вполне серьезное решение.

— Уже не плачешь? — поинтересовался гад кощеистый. — Вот и умничка, а теперь давай-ка быстренько на выход, а то у меня вдруг возникло странное, но очень неприятное чувство, что количество моих тещ выросло в геометрической прогрессии.

Молча и зло ткнула в него пальцем. А потом поднялась на носочках, обвила его шею руками и обняла крепко-крепко, и снова слезы по щекам, потому что слов не было, а вот эмоции зашкаливали.

— Ритусь... — Стужев осторожно по спине погладил.

— Сволочь! — в сердцах выругалась я.

— Маргош...

— Елдыга с замашками самоубийцы! — меня понесло.

— Риточка, — он уже гладил вовсю, пытаясь успокоить.

— Гад, — простонала я, — буслай хохрикий!

— Маргошик, знаешь, ты бы не общалась с мавыми, они на тебя плохо влияют, — посоветовал Саша.

— Твоя смерть на меня плохо влияет!

Я всхлипнула и... и перестала плакать.

— Извини. — Он осторожно поцеловал в макушку и совсем тихо продолжил: — Я думал, что у меня хватит сил свалить к деду.

Запрокинув голову, посмотрела на него и хмуро спросила:

— То есть ты вообще не собирался мне сообщать, что тебя круто порезали, да?!

Пожав плечами, мне честно ответили:

— Я как-то не ожидал, что они до человеческой формы достали.

Мне вспомнился располовиненный «Феррари»... Потом та секундная битва ледяного змея и восьми черных вихрей... Потом в голове вдруг потемнело... и я в обморок свалилась, запоздалый.

* * *

В себя приходила под откровенную брань и нежные поцелуи. Судя по ощущениям, я полулежала на руках прижимающего к себе Стужева, ну а в том, что целовал он, даже не сомневалась. Правда, не поняла, к чему тут бранные слова?!

— Еще раз, — прозвучал злой голос Князя, — я вам очень благодарен за все, но Рита моя.

— Рита — двенадцатая хранительница Терры!

— Рад за вас, — вполне искренне произнес Саша. — Но вообще советую поискать кого-нибудь другого на это в высшей степени почетное место.

— Знаете, Александр Мечеславович, это смешно.

— Знаете, Руслана Всеволодовна, я ее вообще первый увидел. Следовательно, Рита моя.

Пауза.

Открыла глаза, улыбнулась встревоженному взгляду Стужева, напомнила ему общезвестное:

— Сволочь.

— Я тоже тебя люблю, — с улыбкой ответил он.

Вгляделась в его темные в свече сумрака в избушке глаза и тихо спросила:

— Зачем ты это сделал, Саш?

Криво усмехнулся, наклонился и прошептал:

— Ответ уже прозвучал.

Интересно, как ему объяснить, что вид его кости в разрезе от меча темного я уже никогда не забуду? И то жуткое ощущение, когда он, истекая кровью, падает, а я ничего не могу сделать?! И...

— Как темные могли пробраться на Землю? — задала я главный на данный момент вопрос.

И Стужев как-то вдруг в лице изменился. Мгновенно. Задумался, злой вдруг стал, напряженный. А затем приподнял меня аккуратно, пересадил на лавку, поднялся во весь свой рост и выдал:

— Слушайте, Яга Руслана, я тут вдруг подумал — а вы правы.

Я испуганно посмотрела на Ёжку, которая, как и все остальные, стояла с метлой на изготовку. Ёжки удивленно взирали на Стужева, а тот:

— Рит, я тут подумал и решил — я тебя бросаю.

Больше я ни на кого постороннего не смотрела, в ужасе глядя на Алекса Стужева. На знаменитого Князя, причем знаменитого как раз количеством разбитых сердец брошенных им девушек. Стоявшего передо мной с растрепанной прической, голым, покрытым кровоподтеками торсом

и спокойным взглядом уверенных ледяных глаз.

— Серьезно, Маргош, — он вдруг даже улыбнулся, — в конце концов, я от тебя что хотел, получил, брак наш законен только в твоей реальности, а я тут подумал и решил не возвращаться, останусь в семье, пройду обряд, стану бессмертным.

— Саш... — Мой голос прозвучал совсем жалко.

— Да ладно, ты же девочка взрослая, сама все понимаешь. — Его голос казался смертельно уставшим. — Все, Рита, будь счастлива, ну или чего там положено желать в подобных случаях, когда жену бросают? Пока, детка. Не провожай, я дорогу знаю.

И он развернулся, прошел мимо расступившихся Ёжек и вышел!

Через мгновение грохотнуло, ударила ярко-зеленая вспышка магической молнии, осветив неестественным светом вытянутые лица женщин.

А я... я...

— Стужев! — Я вскочила и бросилась на улицу.

Меня не пытались удержать, мне никто не помешал выскочить и замереть, оглядывая опустевшее болото! Со всей моей сказочной живностью, с Гадом Змеевичем, обнаружившимся на подлете к избушке, и даже с Курочкой Рябой, которая подошла и погладила меня крылом по ноге. Оно вообще было пустым! Потому что там не было Стужева! Его не было... вообще. Он... он...

Небо разразилось громом. Начался дождь... Струи воды устремились к земле... А я не могла даже плакать.

— В избушку иди, — тихо сказала старшая Яга.

Я не послушалась, она взяла меня за плечи и увела.

Я опомнилась, только когда шаль на плечи легла, да в мои ладони кто-то втиснул кружку с чаем.

Остальные сели кто куда и все на меня смотрели.

— Вот если решишь, что он тебя бросил, — стукну, — внезапно заявила книжка.

Я молчала.

— С темными разбираться пошел, — задумчиво вставила старшая Яга. Больше молчать не могла, посмотрела на нее и прямо спросила:

— А меня почему здесь оставил?!

Руслана Всеволодовна глаза отвела, видимо, отвечать не хотела. Но это ничего, у нас тут ехидный фолиант имеется, он и просветил:

— А тебе теперь нет с Терры ходу, покудова первый экзамен не сдашь!

— Что? — переспросила я.

— Выход с Терры я тебе заблокировала! — старшая Яга решительно поднялась. — Коли приключений жаждешь, так на их поиски с мужем ходи. Уж как ни плох внук Кощеев, а коли ради тебя жизни не пожалел, так и в дальнейшем уберечь сумеет. А до той поры, покудова себя защитить не в силах, сиди в избе!

Ух и злющей вдруг Руслана стала. Глазищи огнем горят, волосы словно светятся, лицо суровое. В общем, спорить я не решилась, только выдала едва слышно:

— Спасибо...

Но старшая Яга на мировую идти отказывалась:

— Не ради него, ради тебя старались. И вот только одно меня, Рита, радует, — она вдруг тяжело вздохнула, да и добавила: — Любит он тебя. Больше жизни любит, а значит, и приглядит, и от темных убережет. Все, сестры, на выход.

Вспышка!

Вспышка!

Вспышка!

Вспышка!

Вспышка!

И осталась я единственная Яга в избушке, если не считать книги. Скрипнув зубами, хмуро спросила, ни к кому не обращаясь:

— Одного понять не могу — зачем этот спектакль с разводом?

Ответила книга:

— Ой, а ты б его иначе отпустила? А так шок, ступор, тормоз. — Фолиант хихикнул.

Молча сделала глоток чая. В голове только один вопрос: «Он меня действительно считает настолько блондинкой?!»

— Не печалься, милая, — утешила меня зловредная книга. — Он как вернется прощения просить, тут и отольются кошке мышкины слезы.

И я с заметным уважением покосилась на фолиант. Да, действительно прекрасное учебное пособие, просто незаменимое. И обида вся исчезла, и непонимание, только злость на поганый характер Стужева осталась.

— А в том, что вернется, не сомневайся даже, — продолжало мое говорящее пособие по повышенной вредности. — Уж коли ради тебя...

Открылась дверь, заглянул Генри и тихо сообщил:

— Леди Маргарита, хозяин просил передать, что с Ольгой Викторовной связался, ужин отменил. К родителям вашим двух боевых фей приставил, на всякий случай. К Ромочке призрака в дополнение к фее. Все-все, страдайте, не мешаю.

И вышел.

Я лично дара речи лишилась на мгновение. Это я, а вот на улице под навесом были все мои звери.

— Ты сейчас что сказал? — недобро так поинтересовался монструозный коняка.

— Ой, что-то я давно косточек не грыз, — не менее «добро» протянул Серый Волк.

— Страдать ей, значица, — промурлыкал Кот Ученый.

— А давайте я его клону! — заявила боевая Курочка Ряба.

— Зачем? — недоумевал монструозный конь. — Копыто промеж глаз — вот лучший в мире способ доказать, что кто-то сильно не прав.

— Очень сильно не прав, — добавил обычно добрый Колобок.

В двери вежливо постучали, затем, не дожидаясь разрешения, Генри торопливо вошел, плотно прикрыл дверь и вежливо поинтересовался:

— Чаю, дамы?

— Спасибо, не пьем-с, — ехидно ответила книга.

Скелет бросил на нее взгляд, полный вандального обещания по отрыву страниц, и с тоской посмотрел на меня.

— Генри, а вы мне что, в качестве собственности после раздела имущества достались, а?

Если б скелет мог, он бы побледнел, а так просто кости сероватый оттенок приняли.

— Леди Маргарита, — заискивающе начал он, — я могу в шалашике поселиться, мне дождь — не помеха и...

— Я буду чай, — с улыбкой сообщила я.

— И я, — добавила книга.

Скелет мгновенно бросился выполнять пожелания, и через несколько минут в заварничке заваривался настоящий английский чай.

Вот только чаю мне не хотелось совершенно, и я осторожно соскользнула на пол, беззвучно вышла из избушки под навес, к своим затихшим животным. Постояла пару минут и медленно сползла по стеночке на пол.

— Да кому он нужен-то, — захлопотала Лиса Патрикеевна, схватив меня за руку, потянув на себя и таким образом пытаясь поднять.

— Мне, — тихо ответила я, и Лисичка отпустила.

— Нужен, так нужен. — Встрепанный Гусь подошел, к ноге прижался. — Что я, Кощеев не воровал, что ли!

— Не воровал, — заметил Кот Ученый.

— Так сворую, делов-то! — заявил Гусь.

Я улыбнулась, погладила своего боевого Гуся по головке. Кот Ученый сел рядом, Курочка забралась на колени, Колобок под боком пристроился, конь поделился попоной, и мне ее Серый Волк заботливо подстелил, чтобы на холодном не сидела. Почувствовала вдруг себя очень нужной и заботой окруженной. И приятно так было, а хорошо не было... мне бы одного гада со змеино-вампирско-кощеистыми ипостасями, а лучше — без них, и вообще все чудесно было бы.

И тут кто-то сказал:

— А у меня крыша протекает...

— Совсем эти богатыри безрукие пошли, — посетовал Кот Ученый.

— И не говори. — Избушка тяжело вздохнула.

Серый Волк повел носом и сообщил:

— Дождь скоро закончится.

— Но крышу ремонтировать все равно нужно, — решила я.

— Аха, — поддакнула избушка.

Мы помолчали, глядя на струи дождя, пригибающие болотный кустарник, нарушающий спокойствие болотных озер...

— Кстати, а белки где? — вдруг вспомнила я.

— Думу думают, — почему-то шепотом сообщил Гусь.

— Это какую? — не поняла я.

— Ох, великую. — Кот Ученый тяжело вздохнул. — Уж сколько поколений боятся над ней, а все додумать не могут.

— Это что ж за команда такая? — не поняла я.

Дверь открылась, показался Генри с фолиантом в руках и несколько смущенно произнес:

— Тут это... она к вам просится.

— Сама просится? — не поверила я, но протянутую книгу взяла.

— Угу, — буркнул Генри. — Хотя, на мой взгляд, в печку она напрашивается!

— Но-но, попрошу без намеков! — возмутилась книженция.

Скелет хмыкнул да дверь закрыл.

— Ну, что делать будем?

— Вот. — Кот тяжело вздохнул. — И белки тоже второй день сидят да все думу думают, в смысле, чего дальше делать, не знают.

— Чернышевский «Что делать?» — пробормотала я. А потом, повысив голос, позвала: — Генри!

Скелетон мгновенно приоткрыл двери.

— Генри, миленький, ты тут один? — прямо спросила.

— Мм... — скелет как-то напрягся. — Леди Маргарита, я...

— Откель один-то? — ехидно сказала книга. — Туточки, может, и один, а те десять привидений, что по кустам сидят, для коллекции.

— Следит, значит, — догадалась я, вглядываясь в горизонт. — Гусь!

— Слушаю, — мгновенно отозвался пернатый.

— А ну-ка, созови мне всю мою армию, — приказала я. — И живо!

Он сорвался в полет в ту же секунду, и глядя, как торопливо улетает мой посланец, я обратилась к Генри:

— Охранять приказал?

— Какая охрана? — Голосок у книги ехидный-преехидный. — Беречь велел пуще посмертия.

В общем, я уже поняла, что не у Генри следовало спрашивать, оттого и вопрос следующий книге задала:

— Ядвига, а что этот гад жену-бросательный вообще делать собрался?

И я, и живность моя, и даже Генри заинтересованно на фолиант поглядели, а книга задумчиво так:

— Э-э... а кто ж его знает-то, Риточка. Это он с тобой дурак героически геройский, а коли ты не в опасности, так змей змеем, аки полоз подколодный.

Вспомнился наш обед, его прощание по седьмому разу... Сердце сжалось.

— Ладно, пусть так, — согласилась я. — А с темными что?

— А что? — переспросила книженция.

Я насупилась. Нет, кое-что стало понятно — тот самый маг со шрамом и без глаза сказал, что команд няшек на Терре две, и тогда Саша напрягся сильно, услышав об этом, а теперь вопрос: как темные могли бы использовать вход тех, других няшек? И могли ли?

Внезапно перекрывая гром небесный, раздался дружный вопль «Мля-а-а-а!». Утерев злые слезы, взглянула в горизонт и увидела волкодавов и драконов. Нет, Боевые Ужи и Воинственные Белки там тоже были, просто они стали заметны только тогда, когда подошли ближе.

— Начинается, — тяжело вздохнул Колобок.

— Ага. — Я была почему-то очень злая на всех. — Пора заканчивать.

Генри вгляделся в приближающееся войско, на меня взглянул да и спросил словно невзначай:

— А войско-то зачем?

— Мстить буду, — честно ответила я.

— Кому? — напрягся скелет.

— Для начала темным. — Я встала. — Потом и до остальных доберемся. Но темные первые.

— Ой, гляди, что деется, — захихикала книга ягушинская, — Ритка на тропе войны...

— Мля-а-а! — подтвердили белки.

Генри развернулся ко мне и недобро так:

— Леди Маргарита!

— Они первые начали. — Я решительно поднялась, вместе с Курочкой Рябой на руках.

— Леди Маргарита! — Генри разозлился. — Леди Маргарита, темные опасны.

Тут уж я как сорвусь:

— Это я опасная! — И от моего вопля даже армия остановилась. Меня же понесло: — А темным следовало бы хорошо подумать, прежде чем злить рыжую меня и нападать на моего Стужева!

Конь монструозный плюхнулся на пол, Генри смотрел на меня бездонными проемами глаз, а Серый Волк подошел, хлопнул по плечу и довольно сказал:

— Молодец, наша ведьма!

— Правильно говоришь, — подтвердила книга. — А то засели на болотах аки лягухи пупырчатые, тьху, смотреть противно! В бой пора!

Хорошо, что остальных Ёжек здесь не было.

— Да какой бой?! — возмутился Генри. — Леди Маргарита необученная, себя защитить не в состоянии, не то что с темными тянуться!

Я бы их и дальше послушала, все же скелет с книгой ругается — зрешище редкое, но...

— Ни с кем тянуться я не буду, — сказала тихо и спокойно. — У меня ни знаний, ни информации, так что тянуться нечем.

— Правильно, — похвалил скелетистый дворецкий.

Зверье мое заметно приуныло, а я:

— Вот с информации мы и начнем, — и мрачно добавила: — Мне темный нужен.

— Темный? — переспросил Генри.

— Верно говоришь, Ритусь, — похвалила книга. — Без «языка» нам не обойтись.

— Угу, — поглаживая Курочку Рябу я о своем думала, глядя на подошедшую и выстроившуюся армию в зеленых банданах и с черными полосками на мордах. — Теперь о важном. Так, Генри!

Скелет вопросительно на меня уставился.

— Остальные где? — спросила я.

Десять призраков замерзали в трех шагах от нас. Какая-то белочка

швырнула в них шишкой, последняя пролетела сквозь субстанцию и была поймана Серым Волком.

— Генри, задание — составить план перекрытия крыши нашей избушки, нам ее починить надобно, привидения тебе в помощь. Гусь!

— Я! — отозвался мой вихрастый друг.

— Берешь лебединую стаю, организуешь наблюдение за Кощеем-младшим.

— Есть! — Гусь козырнул крылом.

— Остальные со мной на захват урага Херарда. — Я все так же смотрела на линию горизонта. Лер Огненнокрылый!

— Да, главнокомандующая ведьма! — рявкнул во все драконье горло мой адмирал космического флота.

— Вы обеспечиваете переброску войск и безопасность с воздуха. Колобок, Курочка Ряба, на вас приготовление ужина к нашему возвращению. Все, все на вылет.

И тут раздался жалобный голосок Ядвиги:

— А можно мне... с вами?

Подумала, тяжело вздохнула и взяла фолиант. Книженция стремительно уменьшилась в моих руках. Со вздохом облегчения засунула ее в карман шортов — это поудобней, чем таскать такую тяжесть с собой.

* * *

Сидеть на драконе было тепло, а так вообще я замерзла. Потому что майка и шорты — не одежда для полетов, но это я поняла, только когда мы выше облаков взлетели. Нет, дракон был теплым, и обнимая его за шею, я ощущала, как ходит огонь в мощных легких, и вроде как несильно мерзла, но открытые участки кожи заледенели. Кот Ученый вскорости обнял сзади, согревая шерстью как мог, но все равно я сильно жалела о том, что на мне нег как минимум джинсов.

И вдруг Лер спросил:

— Госпожа главнокомандующая Рыжая Зарраза, а...

— Рита, — поправила я.

Огромная драконья морда, посредством жуткого изгиба шеи, оказалась справа от моего лица и дракон тихо произнес:

— А мы, драконы, кто?

Почему-то меня отчаянно пихнул вбок Кот, но я как-то несильно обратила на это внимание, сосредоточившись на необходимости ответить.

А что ответить-то? И я решила рассказать все, что знаю.

— Ну, — начала глубокомысленно, — драконы — самые древние, прекрасные, мудрые существа на Земле... в смысле Терре.

— Уай, — выдохнул Лер.

— Мля, — почему-то ругнулся Кот и уткнулся лбом в мое плечо.

— Высоты боишься? — спросила я. — Держись за меня крепче, все хорошо будет.

Дракон же нетерпеливо потребовал:

— А дальше?

— Дальше? — Во имя фэнтези, что сказать-то? — Ну... драконы живут в замках, на вершинах гор, — продолжила я, а Лер жадно внимал каждому моему слову. — У вас целые кланы, вы очень дружные и очень о детях заботитесь. Да, маленьких дракончиков оберегают всем кланом, их окружают любовью и вниманием, никогда не ругают и не наказывают, мудрые же, все объясняют и поэтому дракончики — самые послушные из детей.

Я призадумалась, объединяя весь имеющийся опыт, почерпнутый из книг. Конечно, помнила и про то, что драконы там принцесс похищают и рыцарей жрут почем зря, но о таком Леру Огненнокрылому говорить не хотелось, особенно если учесть, с каким восторгом он ловил каждое слово.

— Драконами правят старейшины, — продолжила я. — Это самые мудрые, сильные и отважные из всех драконов, те, что прославились великодушием и победами в сражениях и ставят благо клана превыше собственного тщеславия. Вот... еще у вас браки один и на всю жизнь и любовь такая, что воспевается в легендах... И это, богатства несметные, вы же в скалах, у вас там золота много. И огонь ваш драконий, он особый и разный, вы им управлять способны. И огонь дракона может камень расплавить, может теплом согреть, а может от болезни излечить.

— Уай! — снова выдохнул дракон.

И обдал меня пламенем. Теплым, добрым, таким, что я согрелась вмиг. Но внутри что-то шевельнулось, странное, настораживающее, и оно хотело на что-то внимание обратить, но мне так вдруг хорошо стало и я вдохновенно продолжила:

— И вы хранители равновесия, вмешиваетесь тогда, когда несправедливость творится. А еще вы оборотни, в смысле драконы, но можете и людьми обрачиваться...

— Уй-юй-юй-юй! — взвизгнул Кот.

— Правда? — удивился дракон.

— Ну да, — заверила я. — И иногда драконы влюбляются даже в

принцесс, если те искренне добрые, милые и чистые душой.

— Только в принцесс? — не поверил Лер.

— Не, ну вы же красивые очень в человеческом обличье, и дай вам волю, так всю местную демографию испортите. Так что только в принцесс, и вообще это редкость большая, обычно вы только в драконесс влюбляетесь. Ну и... ладно, в девушек тоже, но ооочень редко. А еще умные вы, всех практически умнее, ну и мудрые, да, это я уже говорила.

— Ум — это хорошо, — произнес Лер, причем безо всяких «уау». Да и тон был другой, какой-то сдержанно-задумчивый. — А еще что есть у нас, Маргарита?

И мне бы подумать над этим его «Маргарита», так нет же, продолжила:

— А еще магия у вас есть великая, и вы непобедимые практически и неуязвимые в драконьем облике из-за брони, вот.

Сверкнула молния. Причем зеленая.

Совсем рядом с нами сверкнула. Я взвизгнула, Кот почему-то просто ругнулся, а дракон спокойно и уверенно произнес:

— Темные усилили защиту территорий, придется снижаться.

И мы полетели вниз, через черные облака, навстречу сверкающему огнями ночному городу темных. И вот летим на огромной скорости, ветер в ушах свистит, а Кот Ученый мне над ухом шипит:

— Ягуся, ты что жетворишь?

— А что? — не поняла я, изо всех сил вцепившись в дракона, ибо лететь вниз головой — удовольствие не из приятных.

— Ты ж Яга, — Кот едва не взвыл. — Яга ты, Рита, да ты Слово сказала драконам, и все, что по слову, все ж сбудется!

— Э-э, — вроде мы не пили ничего, что с Котом?

— Драконы, они... да, как ездовые лошади у темных-то. А с семьей у них ну типа как у кошек — папашка дракон дело-то сотворил и улетел в небеса свободные, а потомство — матери забота!

— Быть не может, — не поверила я.

— Не может, — Кот тяжело вздохнул. — Уже не может, да, ты ж им Слово сказала.

И тут совсем неожиданное прозвучало:

— Слово то верное, Кот Ученый. — Лер головы не поворачивал, вниз несся. — Слово, что зажгло в нас искру сознания, да только вопрос — кто погасил ее во времена давние?

У меня как мозаика сложилась! И Яга старшая говорила, что дело я сделала великое, и возродится народ драконов, и вот теперь Кот сказал, что

драконы у темных вместо лошадок были... И вот он мой вопрос: а не замешаны ли в истории с несознанкой драконьей, собственно, темные?!

— Говоришь, у темных ездовыми были? — спросила я у Кота.

— Были, — ответил Лер, — были...

И вот от второго «были» как-то чем-то революционным повеяло...

— Мля, — простонала я.

— Да здравствует великая ведьма Мля! — заорали Боевые Белочки.

Приземлились мы неподалеку от черной высокой стены, в редкой сосновой рощице, да и собирались на военный совет. Я, Боевые Белки, Воинственные Ежи, Смелые Волки (волкодавы это сами выбрали, я ни при чем, а то, что каждый Смелый Волчара обычного волка раза в три больше, это так, незначительные мелочи), вся моя сказочная живность и сорок голых мужиков!

— Ой, мама! — воскликнула я, стремительно отворачиваясь и закрывая лицо руками.

Хотя мужики были очень даже ничего — с длинными зелеными, серебряными, золотыми, бронзовыми волосами, и фигурки улетные.

— Ой, — говорю громко, — так у вас, драконов, самое удивительное в том, что ваша драконья магия позволяет сотворить себе одежду!

Тишина, а потом такое удивленное:

— А зачем? Мы холода не боимся.

— Мля! — Это я.

— Мля-а-а-а! — Это моя банданистая армия.

— Господи, во имя света, оденьтесь, пожалуйста! — взмолилась несчастная я.

Снова тишина, потом хмурое от Лера:

— Все.

Осторожно поворачиваюсь, раздвигаю пальцы, чтобы в щелочку подглядеть, и стремительно смыкаю пальцы обратно! Потому что вся их одежда — рубашки! Да! Не особо длинные!

— Слушайте, — взвыла я, — а брюки там, сапоги, ну и все тому подобное, а?

И главное, опять тихо, и только Серый Волк ржет, да еще и книжка в моем кармане со смеху угорает. И если б только угорала, нет, ей мало было, она еще и вставить решила:

— Риточка, а давай ты на фоне этих сботкаешься, пусть некоторые поймут, что в их отсутствие...

— Хватит! — прошипела я.

Книжка умолкла, и Серый Волк тоже, он же драконам и пояснил:

— Риточка наша девушка скромная, а вы тут в непотребном виде гуляете. Вам-то не холодно, нам-то все равно, а Ри точке стыдно.

— Угу, — подтвердила я.

Через пару минут в тишине прозвучало:

— Все.

Я уже повернувшись собиралась, как мне на колени легли брюки, рубашка и камзол длинный такой, а еще над головой прозвучало:

— Между прочим, нам тоже стыдно.

Подняв голову, посмотрела на Лера, тот хмуро смотрел на мои голые коленки. Книге, кажется, грозит смерть от смеха, ибо сквозь ржак там уже всхлипывания.

— Ну, знаете ли, в моем мире шорты — вполне даже приемлемая одежда! — возмутилась я.

— Да, но нам тоже не холодно было, — хмуро ответил дракон.

Молча натянула и штаны, и рубашку и даже камзол. Не по размеру, правда, зато никому не стыдно. И даже не холодно. Поднялась, чувствуя себя чучелом. Фолиант продолжает угорать со смеху, Серый Волк убежал ржать в кусты, Кот Ученый тихо хихикает, прикрываясь хвостом, Белки и Ежи невозмутимы — армия дело суровое. Драконы в итоге признали, что болотно-ржавый цвет мне не идет... Кажется, я знаю, о чем думали солдаты, надевая форму от Юдашкина... Велик и могуч русский матерный. В кармане уже не ржут, там стонут и подзывают. Млин!

— Так, — сурово начала я, подкатывая брюки так, чтобы хоть ходить нормально можно было. — Наша задача — добыть «языка». В идеале — урага Херарда.

Чувствую себя дитем лет пяти, которое папины спортивки натянуло — тут тоже до половины подкатывать надо. И главное, рубашка мне до середины голени достает — издеватели!

— Для того чтобы попасть на территории темных, нужно пересечь стену, — взялась подворачивать рукава, дабы не выглядеть продолжателем дела незабвенного Пьера из «Приключений Буратино». — У кого какие предложения?

Один боевой белк пропищал:

— Кощей-младший слова заветные знает.

— А у нас нету Кощея! — напомнила я взбешенным тоном.

— Мля-а-а, — простонали белочки.

— Предлагаем подкоп! — внесли предложение Воинственные Ежи.

— А копать кто будет? — полюбопытствовала я.

— Добудем кротов! — сообщили Смелые Волки.

— А я им, значит, Слово скажу, — догадалась я. — Нет, не выйдет. Не хватало мне еще кротов в армии.

— Точно, — опечалились Боевые Белки. — Банданы-то кончились. Улетная логика.

— Еще предложения? — потребовала я. — Давайте-давайте, не стесняйтесь, у нас вон есть стена, ее надо преодолеть, причем по воздуху не получится, иначе они нас молниями поджарят и мало нам не покажется. Так что давайте думать.

И даже книжка примолкла, а вот она как раз и могла бы сказать.

А в следующее мгновение Лер вдруг положил мне тяжелую ладонь на плечо и, едва я обернулась, указал на что-то...

Мое сердце замерло!

Замерло, а потом забилось с утроенной скоростью! Потому что там, с неба, спускался высокий светловолосый парень, одной рукой обнимающий прильнувшую к нему девицу! И вот этого конкретного парня я знала преотлично!

Из кармана прозвучало:

— Простейшее заклинание направленного луча звука, в смысле чтобы подслушивать, звучит так: «Акъер атанно», затем закрываешь глаза и несешься к нужному объекту ветром.

Я ничего не ответила, я пристально смотрела на Стужева и чувствовала, как в душе поднимается буря! Ураган Катрина, млин! И когда парочка была в метрах пята над землей, как-то само собой сквозь стиснутые зубы прошипелось:

— Акъер атанно.

И завыл ветер! Загудел, пригибая сосны, набирая силу, обрушиваясь на спускающуюся с небес парочку! Но совсем неожиданным было то, что на полянке прозвучали вдруг слова Стужева:

«Странная защита, но мощная. Мила, держись, сейчас будем прыгать».

«Прыгать?» — взвизгнул девичий голос.

Не отвечая ей, Князь ринулся вниз. Соприкоснувшись с землей, он устоял, девчонка в платье от уже знакомой мне корпорации «Клей энд скотч» упала, и Стужев торопливо ее поднял, поставил на ноги, небрежно отряхнул. Потом мы услышали:

«Прекращай трястись, ты же ведьма».

«Ведьма, но... — Голос девчонки дрогнул, и вдруг она томно выдала:

— Но, Алекс, ты же знаешь, Игнат меня никогда не интересовал, не то что... ты».

И эта заррраза вдруг обняла Стужева и полезла к нему целоваться!

— Гrrrrr! — раздалось на полянке.

— Не рычи, — посоветовала мне добрая книжечка. — Ты над ним потом всласть поизмываешься... ой, жду не дождусь.

Ну я тоже уже просто жду не дождусь, а к тому же увидела, что Саша ее от себя осторожно, но непреклонно отодвинул, а после еще и добавил:

«Мил, без обид, но я женат».

Ой, мне сразу стало легче дышать. А наглая девица отступать не собиралась.

«Алекс, — томно и с приыханием протянула она, — с каких пор ты заделался благоверным семьянином, а? Расслабься. Мне нужно снять стресс, тебе, кстати, тоже, руки же дрожат, я вижу, и...»

«Детка, — вдруг не менее томно и волнующе произнес Стужев, — еще раз для особо тупых — или мы работаем, или я тебя, крошка, прикопаю потихому и живьем. Вопросы?»

Она отпрянула от него как ошпаренная. Да что там она, и мне нехорошо стало. Да всем как-то не по себе сделалось. А одна из белочек неуверенно предложила:

— А может, ну его, темных, домой махнем, наши медовуху приволокли...

Инициативу никто не поддержал, но мысль даже мне показалась здравой. А после Стужев молча указал ведьме на стену, и эта самая Мила торопливо к ней направилась. И вот не знаю, какие слова были произнесены, но едва девушка к ней ладонь приложила, тут же кирпичи осыпаться начали, а я...

— Драконы, волкодавы, Волк и белки со мной, Кот и ежики на стреме!

И закрыв глаза, представила себе, как девица на Стужева вешается, да как он ее в ответ целует! И тут не то что буря — ураган начался!

— О-ох, мля! — выдало мое воинство.

Я глаза открыла и узрела, что ветром снесло парочку метров на сто! Впрочем, на то и расчет был.

— Все, к стене, живо!

— А говорила «Нет у нас Кощея», — обиженно заметил бельчонок.

Так правду же сказала — нет у нас Кощея. Но это мелочи, потому что мы уже срывались на бег.

Стометровку преодолели секунд за пять — потому что меня Серый Волк на себя усадил, да как припустит. Так на территорию темных и ворвались, а там уж подумали о собственной глупости — наш отряд забеганцев встретил отряд оторопевших темных! Мы так и замерли — и я,

и белки, и мужики уже одетые. И только Волк подо мной простонал привычное «Мля».

— Ташш каҳэ? — удивленно спросил один из темных.

— Кипец, — прошептала я.

Имея в виду, что пришел к нам песец, зверь пушной, и сейчас нас всех на шубы пустят. Но армия моя не дремала, и после моего несчастного заявления Боевые Белки и Смелые Волки ка-ак рявкнут громогласное:

— Есть, темным кипец, главнокомандующая ведьма Мля!

Наверное, я никогда не забуду оглушенные лица темных, когда на них ринулись военизированные отряды белок в зеленых банданах! И главное, полный оглушенности у них продолжался ровно до того момента, пока темные не осознали страшную истину — белки любят грызть орешки!

— Нет, ну у тебя очень наглая армия, — сказал Серый Волк, ссаживая меня на землю.

Темные так уже не думали, темные осознали степень попадоса! Причем осознали очень быстро, и возможно бы, белкам даже пришлось туго, не подоспей драконы! Когда все мои «не мерзлячие, но очень скромные» мужики шагнули вперед, темные еще пытались отбиться от белок, но когда вместо сорока симпатяшных длинноволосиков узрели вмиг обратившихся драконов, темных повторно охватил ступор! Чем бесцеремонно воспользовались белочки, ускорив подгрызательную деятельность. Это смотрелось мило — застывшие темные и радостно грызущие белочки...

В следующее мгновение ударили драконы! И почти сразу волкодавы ринулись в бой!

— Помните, — понеслось им вслед, — мне нужен ураган Херард!

Из толпы подгрызаемых раздалось грозное:

— Где Херард, мля?!

Не сразу поняла, что это у Боевых Белок допрос начался. Зато темные мгновенно осознали степень ухудшения ситуации, и в отряде раздалось:

— Ка эткар атаввешнр!

В моем кармане откашлялись и торжественно сообщили:

— Это приказ защищать караулку, вона вишь, слева.

Слева была не то чтобы караулка, так, замок небольшой, весьма укрепленный. Но что такое камень против драконьего напора? Вот и я думаю, что кипец некоторым.

— Он там, — сообщила я драконам и указала направление.

Через пять минут Херард был схвачен и вся наша доблестная армия

под прикрытием драконов принялась улепетывать за стену. Причем Лер мчался первым, держа в зубах извивающегося темного. Потом я с Серым Волком, следом белочки верхом на волкодавах, ну и да, драконы в арьергарде.

Но едва мы достигли стены, как Лер перекинул темного одному из драконов, повернулся ко мне и произнес:

— Маргарита, вы мне поможете?

«Да, конечно, как только свалим отсюда», — хотела сказать я. Но стоило выдохнуть:

— Да, ко...

Как дракон совершил подлость:

— Вот и замечательно, мы остальных на болоте догоним. — Это мне шепотом, а своим: — Мы вас догоним!

В следующее мгновение меня схватили за шкирку, зашвырнули наверх, а приземлилась я на могучую шею дракона. И уже сверху видела, как наши выбрались за стену и бегут изо всех сил в лесочек, а местами сильно пожеванные и подпаленные темные несутся следом!

— Не переживайте, Маргарита, сейчас они на взлет, схема уже отработанная, армию не в первый раз перебрасываем.

Я ничего не ответила — я отчетливо видела, как в другом месте на территорию темных входят Стужев и его эта Мля, в смысле Мила! И он ее так бережно под локоток поддерживает и ведет в обход прорыва и, собственно, сражения, причем на них никто даже не оглядывается! Чары?! А вот потом Саша стремительно развернулся ко мне!

Больше разглядеть ничего не успела — Лер набирал высоту.

Некоторое время я молчала, злясь на некоторых, а потом все же осознала, что думать сейчас нужно не о Стужеве, и спросила:

— А куда мы летим?

— В питомник, — тихо ответил дракон.

— Какой питомник? — не поняла я.

— Драконий. — Этот ответ прозвучал еще тише.

А я вдруг поняла, что все перевоплотившиеся там, в лесочке, были мужики... Ой-ей!

— Лер, — я легла, обнимая его шею, — а ты... ты...

— Не нужно, леди Маргарита, — его голос дрогнул, — не спрашивайте.

Я и не спрашивала. Книга тоже молчала, а вообще знание о том, что Ядвига Фолиантовна со мной, как-то утешало.

И вот летим мы, летим, под нами уже ни городов, ни больших поселков — где-нибудь лишь деревеньки встречаются, точнее, нам сверху редкие скопления огоньков только и видны. А потом мы увидели зарево! Пламя полыхало так, что в ночи стало светло, как на рассвете.

И Лер, который и так летел стремительно, начал резче двигать крыльями — мощно, рывками, все ускоряясь. У меня в ушах ревел ветер, но холодно не было — чем быстрее мчался дракон, тем сильнее нагревалась его кожа.

И пламя росло, росло, росло... вскоре стало заметно, что горят огромные амбары... жутко огромные, протяженностью с километр, не менее. И широкие такие... были. А теперь пылали огнем различных оттенков! А когда мы пошли на снижение, я разглядела драконов... много, много, много драконов разных размеров... И их загоняли черные смерчи с плетями!

Рев Лера Огненнокрылого едва не заставил меня разжать руки. Не знаю, каким чудом удержалась. А дракон уже пикировал вниз, выпуская направленные струи пламени.

Мы приземлились на мощенном черным камнем дворе этого питомника, который мне почему-то конный завод напомнил. Приземление вышло жестким, я сорвалась со спины дракона, и от падения меня уберегла только быстрая реакция Лера — поймал на хвост и закинул обратно на спину. И только после позволил сползти по его боку на землю, аккуратно придерживая крылом.

И все это на глазах потрясенных темных!

Причем это были очень странные темные — почти черная чешуйчатая кожа, зеленые провалы глаз, ну и высокие хвосты длинных прямых черных волос, острые уши, заостренный подбородок, выдающиеся скулы, орлиные носы, жестокость и высокомерие в каждом жесте. Очень жуткие темные! Реально страшные. А еще у них были плети в руках, и вот с этих плеточек метра так три в длину канала, стекала, сочилась кровь... Алая кровь, и я подозреваю, что драконов!

— Скажи Слово, — вдруг потребовал Лер.

— Уроды! — выдала я, глядя на темных.

— Не это слово, — прошипела книжка, — и не этим... всадникам.

До меня дошло. Быстро, и придерживая сползающие штаны, обошла своего адмирала космического флота, который сейчас стоял заслоном между мной и темными, и встала лицом к драконам. Их было так много — большие и маленькие, серебристые, золотые, серебряные, цвета меди,

зеленые, перламутровые... С ошейниками, цепями, обрезанными или скованными крыльями и каким-то жутким звериным взглядом... Как стадо... даже не стая, стадо удивительно прекрасных сказочных существ. И мрак отчаяния в глазах...

В голове почему-то пронеслась фраза из Библии: «В начале было слово. И слово было у Бога. И слово было — Бог». Жутковато стало. Но мелочи. И я сказала свое Слово:

— Привет!

Драконы замерли. А затем в каком-то едином слаженном порыве шагнули ко мне, жадно глядываясь в меня же. Все! Я от них, до упора в бок Лера. А книжка мне ехидно:

— И все?

— А что еще сказать? — прошептала я ей. — Бей темных уродов, которые погасили искру сознания в вашем гордом народе? Мсти за все? Или может — а полетели отсюда, вам пора свои города строить, и да — темных бить.

Огромная голова спустилась сверху, и Лер выдохнул:

— Кстати, у драконов идеальный слух.

В следующее мгновение лавина сказочно прекрасных существ осознанно, осмысленно и озлобленно ринулась на оторопевших темных.

— Мля, — только и сказала книжка.

Это была жуткая битва — драконы уничтожали темных всадников, сжигали, давили, растаптывали. Я стояла посреди всего этого кошмара, прижимая руки к груди и боясь даже кричать! А драконы неслись мимо меня, огибая так, чтобы не задеть, и под предводительством Лера Огненнокрылого мчались в бой. Страшный, кровавый, жуткий бой...

— Им есть за что мстить, Рита, — попыталась успокоить меня книжка.

Откуда-то из подземелья вырвался огромный черный дракон с обрезанными крыльями, взревел, выпуская не то чтобы струю — вулкан пламени, и тоже ринулся в бой. Изуродованный, искалеченный, весь покрытый шрамами. Споткнулся о сваленные на камнях цепи, едва удержался на израненных ногах...

— А еще у драконов идеальная регенерация, — почему-то сказала я.

Черное чудище замерло, жадно глядя на меня.

— Да, — я почти шептала, но почему-то была уверена — он слышит. — И вы можете излечить себя собственным огнем...

Черный дракон заметно удивился, но повернул голову и дыхнул на свое криво обрезанное левое крыло... пламя заструилось вихрем, замерло, ревя и пылая, и вдруг сформировало черное крыло. И едва искры опали, у

дракона было новенькое, сверкающее крыло... и потрясенный вид. И не менее потрясенный у меня... а вокруг драконы сбрасывали оковы, восстанавливали крылья, заживляли раны... И снова бросались в бой!

— А еще драконы великодушны, — тихо сказала я.

И бойня прекратилась.

— Это ты зря, — вставила книга.

— Слабые — жестоки, сильные — великодушны, — прошептала ей.

Услышали все. Драконы в смысле. Вихрь серебристых искр, и со всех сторон ко мне направились... драконы! Огромные, сказочно прекрасные, все абсолютно здоровые драконы. И вот они ко мне, единым слаженным организмом, а я от них, мне вдруг жутко стало. А Лер, гад огненнокрылый, догнал, схватил, перекинул меня к себе на шею и скомандовал:

— На взлет!

Шелест крыльев в ночи, ревущее пламя, охватившее весь драконник, сверкающие вихри приближающегося отряда темных... Штук сто, не меньше... И свист ветра в ушах, едва Лер начал набирать скорость.

— И куда мы? — испуганно спросила я.

— А ты догадайся, — ехидно посоветовала книга.

— Домой? — неуверенно предположила я.

— Это вряд ли. — Фолиант нервно хихикнул. — Тут знаешь, сколько драконников?

— Сколько? — с ужасом спросила я.

— Да, почитай, за двадцать наберется.

Меня точно Стужев научил плохому, потому что единственной реакцией на услышанное было мое шокированное:

— Мля-а-а...

И главное, стоило это сказать, как мой предводитель драконьего племени возьми да и завопи во все горло:

— За ведьму Мля!!!

Ну и драконы за ним следом, во всю мощь своих глоток тоже завопили. Офигевшие от повального боевого клича темные смерчи даже притормозили. Мне было вообще невесело.

— А тама допрос. И печка, — с тяжелым вздохом выдало мое учебное пособие.

«И где-то Стужев бродит...» — подумала я.

* * *

Вообще, книга Ягушенская ошиблась — драконников было не двадцать, а всего-то... тридцать четыре. Но повторные операции по освобождению проходили уже куда легче. Начиналось все так — мы подлетали к очередному месту боевых действий, Лер отдавал команду, и пятьдесят темных драконов, предводительствовал над которыми тот самый черный, которому я про регенерацию поведала, мчались вперед, уничтожая любые кордоны темных. Так получилось, что я как-то обмолвилась, что есть такой узконаправленный луч, лазером обзываются... Теперь у драконов появилось умение плеваться узконаправленным огнем. Причем прицельно и точно. Аккурат в макушки. Каким образом они преобразовывали свою тепловую энергию в узконаправленный поток излучения — не знаю, а драконы мне объяснять не стали. Мудрейшие же, млин. В результате у темных ни шанса, драконы побеждали еще на подлете, потом освобождали своих, потом Лер торжественно опускался, а я устало говорила всем великое Слово — «Привет». Как ни странно — действовало. Остальные слова драконы говорили уже сами, на своем драконьем. Я мирно посапывала на Лере, который был теплый, как печка.

Правда, на тридцать втором драконнике вышла небольшая заминка — темные каким-то образом прознали, что пришел целенаправленный кипец их угнетательной индустрии, и организовали нам засаду, зачаровав каменные плиты в загонах. Зря. У драконов были крылья, у темных — нет. А еще драконам магия темных совершенно не вредила. Темные удивились, драконы сгруппировались и смылись с воплями: «За ведьму Мля-а-а!». То есть великолупно посвятили темных в великое знание — кто тут козел отпущения! Козлом, собственно, была я.

Больше эксцессов не было, в последнем драконнике темных вообще не обнаружилось по причинам, не поддающимся объяснению.

— Струсили, — сделал вывод Лер.

— Ой, не скажи, — протянула сонная я, припомнив Игната.

Да и урага Херарда я тоже припомнила, и вот было у этих темных кое-что общее — коварные слишком!

— А дальше мы куда? — спросила, едва взлетели с территории последнего разоренного драконника.

Мой огненнокрылый похититель торжественно воскликнул:

— Не... — И грустно добавил: — Знаю.

— Крутец, — спать хотелось так, что никаких сил не было. И информации у меня тоже не было, а нужна и очень. — Ягусь, — позвала я фолиант, — а есть карта?

— Была, — отозвался фолиант, — да только прежняя, стародавняя. А

темные, они как Ойкумену захватили, так наворотили делов. Реки-то вспять повертали, горы разрушили, моря иссушили, леса повырубили.

— Ой! — воскликнула я.

— Шо ойкаешь? — поинтересовалась книга.

— Карту давай, — попросила я.

— Чай тока древняя.

— Дареной Яге в зубы не смотрят, — пробурчала я. — Давай что есть.

— Туточки?! — возмутилась книга.

Я бы и на крупе дракона карту посмотрела, но темно же.

— Лер, — позвала дракона, — давай снижаться, нужно решить, куда лететь будем.

Мой адмирал космического флота молча повернул голову и выразительно взглянул на меня, а затем не менее выразительно в беспрозрачный мрак под нами. Мда.

— А еще у драконов идеальное зрение, лучше, чем орлиное, и они в темноте видят преотлично, — безбожно соврала я.

Внезапно стало тихо. Потому что абсолютно все драконы вдруг перестали махать крыльями. А потом замахали усиленно, и от впереди летящих донеслось:

— Главнокомандующая ведьма, впереди остров!

Вот так и выяснилось, что мы над морем летели.

— Снижаемся, — устало приказала я.

И тут с фланга еще одно донесение:

— Главнокомандующая ведьма, слева приближается отряд темных супостатов!

Я готова была взвыть, но вместо этого только спросила:

— Много их?

— Численность превышает количество личного состава вчетверо!

Перемещение на силовых волнах!

Не поняла второе, но и первое не радовало. И спать хотелось очень сильно, а битвы вообще не хотелось.

— А еще, — отчаянно зевая, начала я, — у драконов есть дар к магии иллюзий, и вам ничего не стоит замаскировать наше стойбище на острове, да и стою в полете тоже.

Лер недолго думая вдруг выдохнул сероватый дымок... субстанция начала окутывать его, ближайших драконов... те тоже подышали, для усиления маскировки. Наверное, теперь мы смотрелись эдаким мобильным облачком тумана.

Пока снижались, я все думала о темных. Вот ведь гады, в последнем

драконнике их не было, видать, потому, что нападение готовили. Няшки коварные! И тут вдруг книжечка осторожненько так:

— Риточка, деточка, ты ведь помнишь, что каждое твое слово...
— Помню, — грустно отозвалась я.
— Вот и ладушки, — пропела Ядвига. — А то я уж подумала...
— А что ты подумала? — насторожилась я.
— С другой стороны, кому как не драконам с темными совладать-то?

Да и грех не совладать с такими-то силами.

— С какими? — Это уже не настороженность, это паника.

И тут Ядвига выдала осведомленность по поводу моего современного мира:

— Да ты ж эту расу прокачала, как орка в Варкрафте!
Несколько минут силилась вспомнить, как там прокачивали орка, потому как в бытность свою подростком я играла за гномов.

— Кстати, а гномы тут существуют? — поинтересовалась у Яги.
— Чувствую, что и до чупакабры дойдем, — сокрушенно вздохнула книга.

— А оно есть? — Не то чтобы я намека не поняла, но интересно же.
— Будет, — угрюмо решил фолиант.

Я больше ничего не успела сказать, так как мы приземлились. Но дело не в этом — меня подбросили вверх, а едва я упала, оказалось, что я лежу, причем на руках у удерживающего меня высокого мужчины с золотыми, чуть светящимися волосами.

— Лер, — я поморщилась, — вот можно так больше не делать?
— Конечно, Маргарита, — с улыбкой ответил потрясающее прекрасный, мудрый и очень притягательный дракон.

— А еще меня желательно поставить на ноги, — попросила я, почему-то припоминая вид этого самого притягательного, в чем мать родила.

— Невозможно, Маргарита, — ответил Лер, странно и загадочно улыбаясь. — Мы, драконы, огненные существа, и когда нас много, это становится несколько опасно, не зря же темные распределяли нас на значительных площадях. И сейчас поверхность острова раскалена, так что вам надо немножко подождать.

Не, ну все, конечно, правильно, да... вот только улыбка у этого дракона...

— Рит, а дай ты им способность землю остужать, пока этот орел общипанный не начал способности по охмурению в ход пускать.

И тут до меня доходит, что мне в улыбке Лера Огненнокрылого очень не понравилось!

— Не-не-не! — начала я. — Даже не думай, у вас теперь главная задача — драконью численность повышать, так что...

— У нас женщин мало, — тонко намекая на толстые обстоятельства, произнес Лер.

— А у нас темный непытанный пропадает! — взвизгнула книга.

— Драконы — высшие существа, мы важнее, — безразлично, но веско сказал собственно предводитель драконов.

— А мы замужем! — сорвалась на визг книга.

— А кольца нет, — заметил Лер. — К тому же брак, если и был, заключался не на Терре.

— Зато мы любим! — заорала Ядвиги.

— Драконы — прекрасные и мудрые создания, нас невозможно не полюбить.

— А... я... а...

У моего обучательного фолианта слов больше не было, а вот у меня зато имелась парочка.

— Милый, — невинно похлопала глазками, — говоришь, у вас женщин маловато... Так я могу вам способности, допустим, земляных червей придать, там пол периодически меняется...

Меня мгновенно опустили на землю. Едва теплую, кстати. Я довольно потянулась, разминая затекшее за время полетов тело, и тут Яга добила:

— Вот за что уважаю нашего Кощеюгу злодеистого, он бы не отпустил.

Я невольно улыбнулась. Дракон опасно придвигнулся. Яга задумчиво добавила:

— Червем бы стал, но не отпустил.

Дракон мгновенно отодвинулся. А я подумала, что мне нравится эта вредная книжка.

— Ну-с, где карта? — деловито поинтересовалась у Ядвиги, извлекая ее из кармана, для чего полезла под ремень брюк.

Выглядело, наверное, странно, потому как не только человекообразный Лер скромно потупился, но и остальные драконы смущенно отвернулись. Я тоже немного смутилась, но книгу достать все равно нужно было.

Достала, уселась прямо на валун, заметный в свете сияния Леровых волос, и открыла.

Карты не было. Была картинка, где Яга и лягушка угорали в обнимку, но при этом обе на меня пальцами указывали.

— Что? — возмутилась я.

Ядвига не ответила, но показала картинку. И вот на ней схематически изображенный Гаврош с рыжей шевелюрой, то есть я с самым задумчивым выражением на лице, шарит у себя в штанах, а вокруг драконы с увеличившимися втрое глазами. И да, некоторые угорать продолжают.

— Карту! — прошипела я книге.

Фолиант стремительно увеличился, страница перевернулась, и я увидела карту. Не гугл мэп, но вполне даже понятная. На этой карте были моря, и надпись «Царство русалочье», еще леса, с какой-то неразборчивой надписью, а самое главное, карта была цветная и тут были фигурки собственно жителей. Драконы обнаружились нарисованными на горном хребте, руной Альгиз пересекающем территорию сразу и эльфов, и каких-то странных змеек, и даже крошечные земли вампиров. Если человечки с клыками и стаканом красной жидкости были вампирами, а то мало ли. А еще хвост хребта упирался в девочек с открытыми пастьюами...

— Банши, — подсказала книга. — Мы на них обиделись.

— Кто «мы»? — не поняла я.

— Мы! — краткость — сестра таланта, а Ядвиги ну такая талантливая. — Ты тоже.

— Я тоже «что»?

— Тоже обиделась. Сильно и смертельно.

— За что?

— Не шокай, — вновь вошла в роль древнего фолианта Ядвиги. — Давай думу великую думай, как от драконов избавляться будем, и домой! Там ураг Херард непытанный сидит, а мы туточки прохлаждаемся!

Пыхнуло огнем — стало тепло.

— Спасибо, Лер, вы очень галантны, — не поднимая головы, поблагодарила и принялась рассматривать хребет.

Собственно, я, если бы была драконами, поселилась на перекрестье трех кончиков этой «руны». Следовательно...

— Это территории темных, — прозвучал голос Лера. — Они оккупированы.

— Где, говоришь, территории? — осторожно спросила я.

Дракон наклонился, причем его волосы скользнули по моей щеке, и обвел рукой усе! Вот все, что было. А так не пойдет, мне драконов нужно вывести с вражьих территорий, потому что мои чешуйчатые друзья, может, и мудрейшие, зато и темные отнюдь не дураки... к сожалению.

— Чай ждать там могут, — подтвердила мои опасения Ядвиги.

— Могут, — согласилась я. — Давай думать, где ждать не будут.

— На болотах? — предложил Лер.

— Драконы на болотах не живут, — брякнула я.

Книга едва слышно простонала, драконы же согласно мотнули головами. Мне как-то не по себе стало от такой слаженной головосклоняльности. Внезапно над моей собственной головой что-то просвистело. Посмотрели — шесть темных, стоя на зеленоватых световых линиях, пролетели низко над островом, взглядываясь во тьму. Ничего не увидели, хотя на них снизу столько глаз смотрело, включая мои собственные. Улетели. Мы продолжили думать.

— А что, если в привычные места обитания только замаскироваться? — предложила я.

— И вы оставетесь! — восторженно произнес Лер.

— Лучше на болота, — пробурчала я.

Снова свист. Теперь штук восемь темных, с подрагивающими на ветру хвостами высоко собранных волос, пронеслись над нами. Молча продемонстрировала им некрасивый жест. Зря. В следующее мгновение все дракончики и драконята делали то же самое.

— Драконы такие жесты не показывают, — устыдилась я, руку в карман засунула.

— И на болота не получится, — вставила книга. — Мы на территориях Темного двора, территория закрытая, войти помог Стужев...

— Ведьма Мила, — поправила я ее.

— Да хоть бы и она, выйти нам как?

Все недобро посмотрели на летающий патруль, над нашими головами. Темные полетали и улетели. Мы молча сопроводили их хмурыми взглядами и вернулись к проблеме. Точнее, я вернулась, потому что, по большому счету, мне с ней разбираться и ответственность на мне, а я это дело так не люблю! И вот сижу, смотрю на карту и вспоминаю про вампиров, ради которых Стужев у жар-птицы яйца воровал. Вследствие чего возник вопрос:

— А вампиры живые?

— Живые-живые, как не быть живыми, верные союзники темных, первыми переметнулись на сторону иродов, тьме поклоняющихся.

— В общем, они у вас что-то типа фашистов, — догадалась я.

— Угу, только эти умнее оказались, на Русьвойной сразу не пошли, туточки окопались.

И вот все больше и больше поражает меня это ягушенское учебное пособие. Уникальная книга.

— Мое имя могло бы звучать иначе, — пропела я, постукивая пальцем по правой ветви подобной руне гряды гор, которая упиралась в земли

вампиров. Вроде неплохо придумано, у вампирюгов там скалы, леса, болота какие-то, с другой стороны — а чем мои драконы будут питаться? Обвела взглядом могучих и явно очень прожорливых существ. Нет, они, конечно, мудрейшие и уже мной сверх меры прокаченные, но вряд ли эти мифические создания питаются травкой, следовательно — сожрут все зверье в округе и вампиров тоже с удовольствием схрямкают в итоге. Не пойдет. Веду пальцем по гряде, размышляя об особенностях драконьего рациона. Ну, зверье оно понятно, а как на счет рыбы? Вот в начале самом горный хребет, который к вампирам ответвлялся, аккурат в море упирается, так что рыбы там предостаточно.

— Лер, — окликнула дракона, — а вы рыбой питаетесь?

В ответ недоуменный взгляд и ответный вопрос:

— А теперь не будем?

Ага, все ясно.

— Летим сюда. — Я указала на место.

— Там жить станем? — спросил какой-то маленький дракончик.

Что примечательно, все драконы после его фразы посмотрели на него с любовью и заботой и все им гордились... Нравится мне этот добрый и мудрый народ.

Когда мы взлетали, видели темных — те зажгли костер на острове, сидели и, пригорюнившись, о чем-то думали. Наверное, о нас. И так приятно на душе стало, вообще приятно, когда о тебе кто-то так старательно думает. А вот Стужев обо мне вообще не думает!

— Рит, — позвала вдруг книга, — ты бы глянула информацию про драконов, а?

И раскрывшись на середине, засияла тусклым светом, чтобы мне читать было удобно в темноте. Я и прочла!

«Дракон — существо злобное, мстительное, плотоядное. Драконихи с детенышами живут стаями, населяя пещеры Драконьего хребта. Драконы-самцы одиночки. Разумны. Письменности нет. Жестоки и мстительны, долгая продолжительность жизни и невероятная злопамятность превращают драконов в опасных и нежелательных противников. Любят золото».

— Это какая-то неправильная сказка, — растерянно прошептала я.

— Какая есть, — хихикнула Яга. — Ты читай, читай.

— Не очень хочется, если честно, — призналась я.

Страница мигнула и появился другой текст:

«Темным могли противостоять только драконы, но единства меж ними не было, так поодиночке самцов и переловили, а после... лишили искры

разума. Уж как темные сумели погасить искорку Бога в этих созданиях, не ведаю, да только стали драконы словно быки упряженые — ни ума, ни сознания. Самки защищались дольше, да и им шансов не оставили. Темные броню чешуей драконов пойманных укрепляли и становились неуязвимыми почти. Так и не стало гордых драконов».

— Грустно...

«Отчего грустить, вот они, и даже лучше прежнего, уж прокаченные-то перекаченные».

— Маргарита, — внезапно подал голос дракон, — позвольте поинтересоваться, для чего был задан вопрос о рыбе?

— Да так, просто из любопытства, — несколько смущенно ответила я.

— Исключительно из любопытства, Маргарита, а что вы предпочитаете?

— Мужа! — рявкнула книга.

Я промолчала, пытаясь не улыбаться, а дракон осторожно поинтересовался:

— В гастрономическом смысле?

— Видишь ли, — задумчиво начал фолиант, — все бабы Яги съедают своих мужей после свадьбы, не зря же мы одиноки.

— Что?! — Мой вопль перепугал и дракона.

— Че орешь? — поинтересовалась книга. — Чай не читала сказочку, где богатырь садится на черпак да Ягою в печь укладывается?

Я похватала ртом воздух да тихо спросила:

— Изdevаешься?

— Ага, — с энтузиазмом подтвердило мое учебное пособие.

— Вот выброшу в море ко всем чертям! — прошипела злая я.

— Меня? — обиделась книга. — Да я ж единственный экземпляр ягушенской науки! Да мне цены нет! Да я...

— Так что там с мужьями? — полюбопытствовал Лер.

— А тебе зачем? — не скрывая подозрительности, мгновенно переспросил фолиант.

— Чтобы знать, когда леди Маргарита станет свободна, — честно ответил дракон.

Все, у меня больше слов не было, но Ядвигу только во вкус вошла:

— Ишь ты какой, Лерушка, настойчивый, значица... Уважаю. Весьма. Помнится, однако, драконы у нас долгожители, да?

— Да, — со спокойной гордостью ответил Лер Огненнокрылый.

Ядвига ехидно хихикнула и протянула:

— Долго ж тебе ждать придется, Лерушка, Кощейка-то у нас

бессмертный.

Еще пока нет... А вот где сейчас Стужева черти носят, я бы очень знать хотела. А еще хотела бы, чтобы обнял и вообще сказал что-нибудь, и...

— Снижаемся, — сообщил Лер.

И сложил крылья.

Спуск был головокружительный. К концу мы с Ядвигой обнимались, причем буквально, потому как у книги руки выросли, и визжали на два голоса, а книженция еще и умудрялась поливать дракона отборной бранью на тему: «Ирод проклятый, червяк чешуйчатый, я тебе покажу где мавки зимуют!» В общем, да — дракон мстил.

— А Сашенька нас уважает и никогда не мучает, Сашенька лучше, — посетовала книга.

Полет мгновенно стал нормальным.

— Выбираться будем через огонь, — решила Ядвига. — К печечке, к родненькой, и без всяких Огненнокрылых.

— Угу, — согласилась я.

— Сам донесу, — вставил Лер.

— Иди ты! — Добрая у меня книга. — Орел плешишай!

Полет вновь стал стремительнее.

— Влюбился, што ли, — задумчиво сказала Ядвига. — Чай было бы в кого, хотя... Рит, у тебя такие коленки.

— Выброшу, — ласково напомнила я.

— Давно пора, — вставил дракон.

— Все! — заорала я. — Надоели! Лер, драконы не влюблются в за...

а-а-а-а...

— В замужних, она сказала!

Заорала книга, вцепившись в меня изо всех сил, потому как мы... падали.

Падали, падали, падали... Где-то там, наверху, рычали и поливали все пламенем драконы, похоже, на них напали, а Ядвига, осознав, что нас никто не ловит, сорвалась на визг...

Паника захлестнула и обморок настиг меня, когда земля была близко...

* * *

— Рит, — кто-то всхлипывал над ухом, — Риточка... Рита-а-а-а...

Где-то на краю сознания понимаю, что это ревет моя ягушенская книга, но все равно спать очень хочется.

— Рита, вот ты дрыхнешь, а нас похитили! — не унималась Ядвига.

Я попыталась что-то ответить, повернулась, обняла подушку и поняла, что снова в сон проваливаюсь.

— Вампиры, ироды поганые, прямо у драконов умыкнули, бесстыжия-а-а-а...

— А можно мне просто поспать? — простонала я.

Но фолиант не унимался.

— Спать она собралась! — возмутилась Яга. — Вот надо оно тебе было, про замужних говорить, а? Рита, я с кем разговариваю?

И тут до меня дошло. Резко сев на постели, я открыла глаза!

Свечи! Тут кругом были горящие свечи в красивых позолоченных фигурных подсвечниках, по пять в каждом. Смотрелось волшебно, но мрачно, готичненько так. Наверное, из-за стен, задрапированных черным, расшитым золотыми рунами атласом. А еще я лежала на кровати под большим багровым балдахином. Причем лежала на черных шелковых простынях под золотым покрывалом! И на мне... ничего, кроме белья, не было. А нет, был еще засос! На левой груди!

— Мля! — У книженции началась истерика. — У тебя на шее не засос, а засошище! И губы пунцовыя! Это что ж с тобой ироды делали?!

Шею я не видела, впрочем, не до нее было, хватало похищения и странной комнаты. Соскользнув по шелковой простыни на пол, который чуть ли не в метре от поверхности постели оказался, огляделась. Надеть было положительно нечего! Ни моего комплекта майка-шорты, ни безразмерного костюма от драконов. Драконы... и вот где они сейчас? Может, и разумные, но мало ли что с ними могло случиться?! Где теперь их искать?

— Ууу... Ыыыы... — выл мой расклеивающийся фолиант.

Я грустно посмотрела на книгу, хотела уже утешить, но тут раздался стук в дверь. В то же мгновение с обучающим материалом случилось невероятное — книга ужалась до размера почтовой марки, отрастила себе ножки и побежала ко мне. Естественно, я протянула ладонь, позволяя сей неведомой букашке забраться по моей руке, но вот когда она нырнула мне в бюстгальтер...

— Я тебя и так полночи по замку искала, ироды-то разлучили. И схватить пытались, изверги, тикать пришло!

В двери повторно постучали. Уже настойчиво.

— Да чего тут бояться? — прошептала я. — Свечи есть, мгновение —

и мы в избушке.

— На-кося, выкоси! — впервые слышу, чтобы кто-то орал шепотом. — Мертвый это огонь, Ритка! Как есть мертвый! Ты коснись его — обожжет холодом!

— Млин! — только и успела сказать я.

В следующее мгновение дверь распахнулась, я же едва успела схваченным с кровати покрывалом прикрыться. И не зря.

Их было трое — блондинка, шатенка и брюнетка. Все трое удивительно красивые женщины с белоснежной кожей, румянцем истинной молодости, сияющими глазами, алыми губками, длинными, уложенными каскадом волосами и платьями в стиле минимализм — в смысле ткани по минимуму. Но едва прикрытая грудь и разрезы по бедрам смотрелись очень даже...

— Добрый вечер, — произнесла брюнетка.

И улыбнулась, сверкнув хищным клыкастым оскалом! Вмиг разрушившим все очарование ее кукольной красоты!

— Мы поможем вам подготовиться к приватному ужину с нашим великим князем, — выдала шатенка и с самым плотоядным выражением облизнула сочные яркие губы.

До меня вдруг дошло, что будет есть их князь! Меня!!!

— Платье вас не разочарует. — У блонди тоже был пугающий оскал. — Все снимается одним простым движением, уверена, князь оценит.

После такого я честно призналась окружающим:

— Все, у меня истерика!

Из области моей левой груди послышалось едва слышное «Мля», а все три вампирши широко улыбнулись, широко и очень ехидно.

— Не стоит... — Первая вдруг стала тенью и в мгновение оказалась позади меня.

— Вам, — произнесла вторая и нарисовалась передо мной.

— Нервничать. — Блондя осторожно взяла мою ладонь, правда, брезгливо и двумя пальцами. — Не поможет.

В следующее мгновение у меня расстегнулся лифчик. Не сам, естественно, но брюнетка на этом не остановилась. Однако это мелочи — перепуганная, маскирующаяся под марку книга не знала куда приклеиться. Торопливо схватила ее, зажала в кулаке и вот с этим кулаком хмуро посмотрела на брюнетистую вампирюгу. Та клыкасто оскалилась и поведала:

— Платье не подразумевает наличия бюстье.

И тут принесли платье. Дар речи меня покинул напрочь. В кулачке

простонали уже поднадоевшее и следствием стужевского влияния являющееся.

* * *

Дар речи ко мне так и не вернулся. Книга тоже молчала, и только вампирши хихикали. А я чувствовала себя анимешной Блум! Ну, потому что Винкс тоже ведьма, ибо на таких каблуках надо быть или ведьмой, или с вампиршами в качестве подпорок, а еще Блум тоже рыжая, и да, кажется, именно на ней я видела подобное платьишко. Или не платьишко... Лямка через шею, на груди все держится на золотом сердечке, декольте просто не существует, ибо помимо этого сердечка ничего больше и не скрывает моего тела до самого низа живота, и вот там начинается юбка, которая мало что скрывает, потому что полупрозрачная, а легкая ткань второй юбки тоже просвечивает. Это не платье — это наряд оборзевшей стриптизерши!

Но всем нравится. И вампиршам, и другим вампиршам, и... даже тем вампиршам, которые на страже стоят, в таких строгих военных костюмах.

— Не поняла, — да, здравствуй родная речь, — у вас матриархат?

Нет, мне было жутко, а еще это платье, но любопытство вещь неубиваемая.

— Матриархат? — переспросила брюнетка. — Это что?

Меня как раз вели по каменному коридору, где на высоте метров трех над землей горели факелы, а потолок терялся во тьме, и мои каблуки нещадно стучали по полу, а вот вампирши двигались бесшумно.

— Матриархат, ну... — задумчиво начала я, — это когда правят женщины, во главе военных организаций тоже женщины, и все решения принимают женщины, ну а мужики — чисто мышечная исполнительная сила. Им сказали — они идут делают и не отсвечивают.

— Что? — переспросила шатенка.

— Не возмущаются, — пояснила я.

И мы все остановились. Точнее, остановились вампирши, а мне без них гулять одной смертельно опасно, поэтому я тоже остановилась.

— То есть правят женщины, а мужчины беспрекословно подчиняются? — уточнила оказавшаяся очень умненькой блондинка.

— Ага, — с готовностью подтвердила я. — Ну и женщины в почете, их уважают, обожают, слушаются, деньги все у женщин, в доме они главные, ну и тому подобное.

— Та-а-ак, — протянула брюнетка, — и где взять это в высшей

степени необходимое нам заклинание «Матриархат»?

О-па-ся.

— Так у вас все иначе? — уже начиная догадываться, что «да», переспросила я. — Ну просто пока мы идем, я ни одного вампира не видела.

— Приказ князя, — задумчиво отозвалась брюнетка. — Он пообещал, что лично оторвет голову любому мужчине, посмевшему взглянуть на вас в этом наряде. Ревнивый. Так что с заклинанием?

И все трое уставились на меня красными требовательными глазами. Жуть. С моей левой едва прикрытой груди, куда вернулась марка ягушенская, донеслось:

— Для заклинания сего требуется применить магию сковороды и скалки, без них никак. А еще надобно великое учение «О непогрешимой женской логике».

Нет, когда мужики в декольте пляются жадно — это одно, но когда вампирши туда уставились голодными взорами — это уже как-то жутко. Однако моя Ядвига вошла во вкус:

— Ох, девоньки, чай впервые о сем великом трактате услыхали? — голоском старушечки-сказочницы спросила книга.

— Сковорода? — опровергли сказанное вампирши. — Скалка? А что это?

— Э-э, — протянул мой фолиант, — а кухонька у вас где?

Все трое молча указали направление вдаль по коридору. Книженция мгновенно отклеилась, пробежалась к моей ладони, уже на ней увеличилась до приличных размеров и возвестила:

— Несите меня на кухню, милые! Вперед, к революции и равноправию! Ух, мы этим клыкастым и зададим!

Брюнетка схватила книгу и сорвалась на бег. Блондинка и шатенка — за ней. Нестабильная и шатающаяся конструкция — то есть я на ходулях, в смысле каблуках, — осталась стоять, в ужасе ожидая от мира еще и такой подляны, как сквозняк!

Издали до меня донеслось:

— Не дрейфь, Ритка, счас мы быстро организуемся и спасем тебя от разврату вампирского!

Брошенная, одинокая и несчастная, я тихо простонала:

— А может, вы сначала спасете меня, а потом уже угнетенных и порабощенных, а?!

Но мне никто не ответил. Меня вообще бросили!

— Гады-ы-ы! — шепотом проорала вслед.

Шепотом, потому что кричать было страшно. А нагнуться и снять каблуки — еще страшнее, во-первых, есть опасение, что грохнусь носом в каменный пол, во-вторых, нет уверенности, что расстегнуть смогу, тут застежка какая-то... стремная и сложная, вампирши, и те вдвоем застегивали. Но и сделать шаг боюсь, потому что вообще нет уверенности, что смогу, ну и... и куда мне вообще идти?! Они же даже направление не указали, паразитки, революционно настроенные!

— Легко придумать справедливую цель, великую цель, из тех, что любимы толпой, — простонала я и решила, что самый верный способ — попытаться избавиться от каблуков.

Медленно нагнулась, чувствуя, что юбка не оставила места для полета фантазии тому, кто в этом пустом коридоре мог бы оказаться сзади, и пытаясь сохранять равновесие, потянулась к застежке на правой ноге...

— Сколь любопытное начало вечера! — неожиданно прозвучало сзади. — Но мне, определенно, нравится.

Сердце пропустило удар. И пропустило снова, едва я, попытавшись выпрямиться, чуть-чуть не грохнулась... и даже практически бы упала, не окажись на моих бедрах сильных мужских рук с длинными очень когтями.

— Какое... неустойчивое у меня развлечение, — хрипло и чуть свистяще произнесло это вампирское начальство.

— Выпрямиться помогите, — нервно потребовала я.

Одна из когтистых рук переместилась на грудь, проверила последнюю на вместительность в ладони и только после этого меня расправили. Выпрямившись, я осторожно попыталась развернуться... началось падение пизанской башни. Меня удержали. Проверив обе груди на вместительность!

— Повернуться помогите, — едва не рыча, попросила я.

Вампир не рискнул вплотить в действие столь сложное мероприятие и попросту обошел меня, встал на расстоянии вытянутой руки, позволяя себя рассмотреть.

У него были черные волосы, собранные в хвост, перекинутый на правое плечо. В прорезях маски светились красные глаза, а благодаря насмешливо изогнутым губам виднелись белоснежные клыки.

«Не Стужев», — с грустью подумала я, а ведь была надежда... Призрачная такая, но имелась. Просто ну «князь», плюс вампиры, плюс ревнивый... А вышло.

— Вы вообще кто такой? — хмуро поинтересовалась злая ведьма, то есть я.

— Князь. — Монстр клыкасто улыбнулся. — А вы?

— Баба Яга. — И почему-то такое желание расплакаться.

— Очень приятно. — У вампира был низкий, бархатистый и совсем не стужевский голос.

Хотя... что-то такое знакомое все же промелькнуло...

— А маска вам зачем? — с надеждой спросила я.

— К костюму подходит, — загадочно ответил клыкастый.

Маска черная с позолотой, костюм тоже черный, но с серебром. Не подходит, если честно.

— К тому же, когда собираешься соблазнить ведьму, следует принять меры к защите от проклятия, и маска — лучший способ, — добавил вампир.

Я сникла окончательно. Нет, если бы был Стужев, я бы точно увидела иллюзию, точнее, не увидела бы, а так... И волосы черные, и рост... Вроде Саша повыше, с другой стороны, я же на высоченных каблуках сейчас. И вот ладони — на стужевские немного похожи, особенно по наглости прикосновений, но когти эти и кольца... бррр.

— Какого проклятия? — осторожно интересуюсь, одновременно пытаясь сделать шаг назад.

— Ведьминского, — проникновенно ответил вампир, шагая ко мне. — Прошу вас.

И ухватив под локоток, меня поволокли вперед по темному коридору! Надеюсь, на кухню, а там Ядвига, и она просто обязана мне помочь, она...

Вампир свернул к дверям двустворчатым, и едва мы вошли, я поняла — это не кухня.

Нет, стол здесь был, и даже еда имелась, но ни сковородок, ни скалок, ни вампирш и даже ни книги!

— Вы же не откажетесь поужинать со мной? — прошептал вампир, касаясь клыком моего уха.

И прикасался он как-то очень уж знакомо... нет, не клыком, но эту прижавшуюся к моей спине мускулистую грудь я точно узнала! И теперь даже сомнения все исчезли! Хотя так, вот если поразмыслить логически — откуда у вампира на Терре эротический костюмчик Блум из Винке?! У них же тут ни телика, ни Интернета! И я мгновенно осознала, что надо мной просто издеваются! Впрочем, кто сказал, что издевательства — исключительно кощеевская прерогатива? Я, может, тоже поиздеваться люблю?

— Конечно-конечно, — покорно согласилась я, — но при одном условии — вы разденетесь.

Повернув голову, увидела значительно увеличившиеся красные глазищи вампирского князя.

— Приступайте, — ласково потребовала я.

— Что? — изумился кровосос.

И такие знакомые нотки в этом вопросе прозвучали. Знакомые и очень родные.

— Раздевайся, говорю, — пояснила. — Будем парочкой сказочных nudistов. К тому же у меня вообще вечер голых мужиков — начали с драконов, закончим вампиrom.

— Что?! — Рев был знатным, посуда на столе жалобно зазвенела.

А я улыбнулась. Радостно так. Потому что, может, руки, глаза и волосы были не Стужевские, но вот вопль точно его. Как и последующий:

— А совесть есть?! — с неподдельным гневом вдохновенно орал... ну да, Князь.

— Совесть? — Я невинно пожала плечиками. — С этим сложно, видишь ли, драконы — вообще народ не мерзлячий, им и так хорошо было, в смысле и без совести, и без одежды.

В следующее мгновение Стужев молча снял маску, парик, начал нервно сдергивать кольца и когти с руки. Но при этом взгляд был такой... добрый.

— Догадалась, значит, — прошипел мой муж.

Развела руками и честно призналась:

— Сашенька, а откуда тут взяться лакированным ноголомам со стразами и эротическому костюмчику персонажа из аниме?!

— Так тут все сделали, я только объяснил чего хочу, — произнес Стужев, как само собой разумеющееся.

Молча посмотрела на босоножки... мелькнула страшная мысль — это не стразы. Присмотрелась к платью — при ближайшем рассмотрении были заметны стежки, значит, реально ручная работа.

— Мм... — протянула задумчиво, — так быстро сделали?

— Минут за двадцать, — честно ответил Саша.

— Снова мм-м... — глянула на недовольного Кощя и решительно выдала: — Ладно, допустим, здесь сделали, но образ откуда? Здесь Винкс не показывают!

— Хм... — На Сашином лице промелькнуло нечто, и он как-то загадочно согласился со мной. — Не показывают... Не показывают, да. Хотя если подойти к этому с технической стороны и достойно все организовать...

Взгляд на меня, затем с улыбкой:

— Так значит, только по костюму догадалась?

— Не только. — Я тоже улыбнулась. — Во-первых, вампира сказала,

что местный князь пообещал лично оторвать голову любому мужчине, посмевшему взглянуть на меня в этом наряде, а во-вторых, у кого еще хватило бы наглости умыкнуть меня прямо с дракона?!

Глаза мигнули красным от светом и вновь стали синими. Такими синими-пресиними и злющими. Но все равно родными.

— Маргош, — едва не рычит от злости, — знаешь, мне не очень приятно было наблюдать, как ты нежно обнимаешь бедрами эту остолопину чешуйчатую, которая на тебя явно свои права заявить пыталась!

Я оторопела.

— Это чем я его обнимала? — Голос становится сиплым.

— Термин «ножками» не передаст всю гамму моих ощущений от вашего слаженного полета! — прорычал Стужев.

Ну, все! Да здравствует первый семейный скандал. Вот только вести его, находясь в положении боком к Стужеву, было не очень удобно.

— Повернуться помоги, — попросила я. — Где ты вообще эти ноголомы видел?!

— В сексшопе, — честно сознался Князь. — Каблук всего двадцать сантиметров, хит сезона у стриптизерш, и между прочим, тебе идет.

— Между прочим, я сейчас ноги себе поломаю! — заорала взбешенная я.

— Зато моя нежная психика страдать не будет! — рассвирепел Стужев. — И ты наконец будешь сидеть на месте, а не вляпываться в драконов и разборки с темными!

И вдруг орать перестал и улыбнулся. Странной такой, загадочной улыбкой.

— Что? — хмуро интересуюсь.

— Да ничего, — улыбка стала шире. — Сломаешь ногу и будешь лежать... в постели. Постоянно. Ты и в постели... месяца полтора. В постели...

Мне так обидно стало. Вообще очень обидно. Совсем даже.

— Ладно. — Мило улыбнулась. — Сломаю ногу и буду лежать в постели... одна.

Стужев еще не понял, а потому с предвкушающей ухмылочкой поинтересовался:

— Ну почему же одна?

Хор-р-роший вопрос, правильный даже.

— Ты прав, — улыбнулась и посмотрела вдаль, далекую такую. — Какой смысл разведенной женщине одной лежать в постели? Надо будет

обязательно найти себе грелку... Лер, кстати, ничего так.

Я не смотрела на Сашу после этих слов, но искренне наслаждалась воцарившейся тишиной, а спустя всего секунд тридцать и хмурым вопросом:

— Что значит «разведенной»?!

— Ты меня сам бросил, Стужев, — спокойно ответила я.

И подумала, что когда Ядвига засечет, что в момент моей мести не присутствовала, ей станет стыдно за попытку переплюнуть дедушку Ленина в организации революционной деятельности.

— Рита, я тебе Генри оставил! — Рык оскорбленной невинности. — Могла бы и догадаться, что я ушел недалеко и ненадолго!

— Ты мне Генри оставил? — изумленно вскинув бровь, искоса взглянула на злущего Князя. — Ну, я так поняла, что он моя доля после раздела имущества. Кстати, ты жмот, Стужев, я рассчитывала на более солидную долю, недвижимость, например.

И я бросила на него презрительный взгляд и даже отвернулась. Но мееедленно, стараясь удержать равновесие.

— Маргош, — очень недобро прошипел Князь. — Я чего-то не понял, или это тебя книга научила плохому?

«Ой, Санечка, плохому она учит именно сейчас и совсем не меня», — подумала я, но говорить не стала, у меня вообще мстя назревает.

— Так, ладно, бывший мой, ты чего хотел? — меланхолично интересуюсь.

В следующую секунду пришлось вспомнить незабвенное Ядвигино: «Вот за что уважаю нашего Кощеюгу злодеистого, он бы не отпустил. Червем бы стал, но не отпустил».

— Маргош... — Кощей-младший соизволил встать передо мной и, сложив руки на груди, угрожающе поинтересовался: — Это что, попытка отомстить?

— Сашунь, — я руки на груди не складывала, мне равновесие беречь требовалось, — какая месть? О чем ты? Я никому не мщу и мстить не собираюсь.

— Похвально, — настороженно произнес Князь.

Улыбнулась и добавила:

— Это не месть, я тебя просто бросила, Стужев!

Синие глаза заледенели. Но меня понесло, и перефразируя им же сказанное, выдала по полной программе:

— Серьезно, Стужев. — Невинно смотрю на него. — В конце концов, я от тебя что хотела, получила, брак наш законен только на Земле, а я тут

подумала и решила не возвращаться, останусь на Терре, Ягой буду.

И на него смотрю. Нагло.

— Ри-и-ит! — прорычал Алекс.

Знай наших, сволочь бессовестная. И я продолжила:

— Да ладно, ты же девочка... тьфу ты! В смысле — мальчик взрослый, сам все понимаешь. Все, Сань, будь счастлив, ну или чего там положено желать в подобных случаях, когда бывшего мужа бросают? Пока, малыш.

Грациозный поворот не вышел, и если бы не железная хватка Кощея-младшего, лежать бы мне в полу носом, но... Но я ему все высказала. И когда благодаря его поддержке восстановила равновесие и посмотрела на него, поняла — эффект есть. Теперь бума ждать результата.

— Рит, — очень недобро протянул Стужев, — ты же помнишь про тормоза, да?

— Ты имеешь в виду их полное отсутствие? — уточнила я.

Он величественно кивнул, продолжая удерживать под локоток.

— Нет, не помню! — нагло солгала, глядя ему в глаза.

И вот тут на губах Князя заиграла очень недобрая ухмылочка, и он прошептал, надвигаясь:

— Сейчас вспомнишь.

В следующее мгновение я на собственной шкуре узнала, что такое фантастическая вампирская скорость!

Это был взлет. Наверх, и стремительный поцелуй прямо под потолком, на глазах у изумленной паучьей братии, которым такая любвеобильность хозяев замка была явно в диковинку. Некоторым же в диковинку оказалось скопление главных мухопотребителей и, собственно, тканые занавеси ручной работы. Стужев и пауки разошлись недовольные друг другом, он — снимать с меня паутину, они — чинить порванные сети.

Дальше был снова поцелуй.

На столе, под грохот падающей и бьющейся посуды, которую вытеснили для того, чтобы меня уложить. И этот улетный поцелуй, в котором имелась масса страсти, огня и властности, но совсем не оставалось места для возмущения, был прерван хриплым рыком:

— А обнять меня ножками слабо?

Просто как бы поза располагала, я на столе, он на мне фактически.

— Прости, — ответила, тяжело дыша, — ты не дракон.

— Зараза! — выругался Стужев, возвращаясь к поцелоям.

— Ты... — начала я.

Но кто мне давал право слова? Не Князь точно.

В следующее мгновение неожиданно распахнулась дверь!

— Книга, — с облегчением выдохнула я.

— Эрра? — возмущенно вопросил Стужев.

Я, несколько потрясенная тем, что не книга, повернула голову и узрела... вампиршу. Сто-шестьдесят-сто являла собой отапгрейденный вариант мечты модельеров и по совместительству идеал порноиндустрии. Добавить к этому рост под два метра, золотые волосы до бедер и ярко-синие глаза, и станет ясно, почему я себя сразу замухрышкой почувствовала.

Между тем события начали развиваться.

— Александр! — взвизнула женщина-вамп. — Что здесь происходит?! И кто это?! И... как ты можешь с ней, в нашем доме?! Александр, любимый!

В следующую секунду я вдруг перестала ощущать себя замухрышкой, зато чья-то наглая рожица мне показалась прямо-таки требующей моего физического внимания.

— Я сейчас буду кого-то бить! — честно призналась Стужеву.

— Оставь убогую, ей и так по жизни досталось, — отмахнулся он, а этой «убогой» раздраженно: — Эрра, в чем проблема? Я вообще занят, если не заметила, а тобой займусь позже. Испарись.

Она испарилась. У нее банально рот от изумления приоткрылся. У меня тоже.

— Стужев, — прошипела взбешенная рыжая ведьма, — я не ей, я тебе рожу подправлю, сволочь кобелинистая!

Князь перевел возмущенный взгляд с блондинки, одарил меня недоуменным, потом до него дошло. Хмыкнул, наклонился и, нежно поцеловав, заявил:

— Каваечка моя, под Винкс заточенная, еще пара секунд. Наберись терпения. — И не меняя полулежащей на мне позы, уже вампирше: — Эрра, я тебя бросил уже два года как, возвращаться не планирую, так что исчезни вместе со всеми претензиями и не мешай с женой мириться. Мне и так несладко.

— Да неужели? — ехидно спросила я, напрочь позабыв обо всем, кроме прижимающего меня всем телом к столу Стужева.

Не отреагировав на мой вопрос, Князь выразительно взглянул на вампиршу. Шикарная блонка шумно выдохнула и прошипела:

— Я собираюсь предупредить вас о восстании и революции матриархата, но теперь, — она гордо вскинула подбородок, — пойду и присоединюсь!

Когда за вампиршей с грохотом захлопнулась дверь, Саша посмотрел

на меня и подозрительно спросил:

— Ты в курсе, о чем она?

— Нет, — солгала с самой милой улыбочкой.

Он улыбнулся мне, наклонился и, почти целуя, напел:

— Ты, сладкая девочка,
Тебя так любят мальчики,
Но ты недоступная,
Прыгаешь, бегаешь солнечным зайчиком!

Закусив губу, чтобы только не улыбаться, смотрю в его серо-синие такие любимые глаза, на чуть насмешливо изогнутую черную бровь, на смешишки, прячущиеся в уголках рта... Стужев, я реально влюбилась в тебя по уши!

— Мм-м, у тебя такое выражение на лице... загадочное. — Он потерся носом о мой нос. — О чём думаешь?

— О том, какая ты сволочь лживая, — улыбаясь, прошептала я.

Его левая бровь изогнулась сильнее, смешишки замерцали уже в глазах, и Князь самодовольно произнес:

— Злишься, Маргош.

Да уже вообще нет. В избушке больно было... ровно до слов книги. А сейчас... и вовсе нет. Вот только ты, анимешка моя фольклорная, об этом никогда не узнаешь. Что б запомнил, гад, на всю оставшуюся жизнь.

— Стужев, — я чуть-чуть отодвинулась от него, — ты меня бросил. Я не знаю, о чём ты в тот момент думал, но ты меня бросил. При свидетелях. Мне было больно, Стужев. И обидно. До слез. А теперь...

— Прости, — сказал отчетливо, глядя мне в глаза. — Я должен был уйти. Нормально уйти и разобраться с проблемой, а не возвращаться к тебе опять десять раз, потому что просто... уходить не хотелось, Ритусь. Мне хорошо с тобой. Мне вообще хорошо, только когда ты рядом. Светло становится на душе, которой у меня нет, по идеи. У меня такого никогда не было, понимаешь? Даже в детстве. Я только с тобой понял, что такое улыбаться искренне и как это — радоваться каждой минуте, каждому мгновению, каждой секунде. Ты нужна мне, Рита, нужна, как воздух, как дыхание, как свет, как единственная радость в моей наполненной тьмой жизни.

И я поняла, что таю. Таю и все. Окончательно.

— Саш, — простонала, обнимая его за шею, — и вот что, мне теперь

вот так вот сходу тебя и простить, да?

Только что серьезный и искренний, Стужев выдал самоуверенную улыбку Змия в Райском саду, словно он не только Еве и Адаму, но и самому Богу яблочко познания скормил. И взгляд у него при этом такой победительский был!

— Стужев, ты сволочь! — искренне выругалась я.

— Маргош, — коварная усмешка и в высшей степени нахальное, — информацию про поганый характер я и не скрывал, согласись.

— Гад! — выдохнула возмущенно.

— Даже спорить не буду, — покорно согласился Стужев и, погладив меня по ноге, прошептал: — Маргош, давай вернемся к выплатам по эротическим кредитам и вообще вспомним о супружеском долге, потому как я пока тебя спать укладывал, едва сдержался...

— То есть те как минимум два засоса, что украшают мои шею и грудь, ты называешь «едва сдержался»? — гневно спросила я.

Кошечей-младший невозмутимо пожал плечами и задумчиво произнес:

— Хорошо, что у вампиров зеркала не в моде.

— Что?! — в ужасе смотрю на Стужева. — А что я там должна была увидеть?!

— Да ничего, — кое-кто снова вернулся к поглаживаниям, — я просто такой злой был, что покусал тебя немного... за попу.

— Что???

— Чего ты орешь? — Князь смотрел на меня ну очень обиженными глазами. — Между прочим, заметь, я хоть и был зол, но тебя не будил, скандалов семейных не устраивал и не вопил: «Что ты делаешь у темных, женщина?!» А попа, — взгляд его сделался мечтательным, — ну тут уж, Ритусь, я ничего не мог с собой поделать, у тебя такая потрясающая... Мм. Что-то мы свернули с темы выполнения супружеского долга.

Хмуро глядя на няшку бессовестную, решительно произнесла:

— Я хочу видеть свою... ну ты понял, о чем я!

Кое-кто нахмурился и возмутился:

— Рит, ну ты нашла время для самолюбования, а...

— Я хочу увидеть! — заорала я. — Не обсуждается! Найди мне зеркало, ты... извращенец клыкастый!

Извращенец клыкастый сузил глаза от ярости, нахмурился и очень недобро произнес:

— Ладно, как пожелаешь, дорогая.

После чего слез с меня, спустил меня со стола, развернул к себе спиной и скомандовал:

— Нагнись.

— Что? — не поняла я.

— Нагнись, я сфоткаю, у меня телефон с собой, — выдал Стужев.

Молча посмотрела на двери — закрыто. Прислушалась к происходящему в замке — тишина. Вспомнила, что Стужев мне как-никак муж и все там он уже видел, и вот даже покусать умудрился. Решила, что ничего в этом такого нет, я нагнусь, он приподнимет юбку и сфоткает, и все. Вот, все очень просто, и потому уверенно сказала:

— Нет.

Да, женская логика — самая логичная логика в мире, даром что мир фэнтезийный.

— Не понял, — собственно, не понял Саша.

Используя стол в качестве опоры, отошла от Кощея-младшего, доковыляла до стула, стерла с него остатки салата, который был сброшен, видимо, в момент нашего поцелуя, села и принялась расстегивать застежку пыточной стриптизерской обуви, попутно обрадовав некоторых:

— В общем, ты мне теперь еще и за покусанный филей должен!

Улыбнулся, подошел, и то, на чем я собиралась потерять все ногти, расстегнул легко и быстро. Затем стянул паутину из кожи и страха, освободил мою ногу, а после... нежно погладил, ласково-ласково, и приступил ко второй застежке. А я сидела, смотрела на него, на косую челку, сейчас прикрывающую правый глаз, от чего взгляд у Саши становился совсем лукавым...

— Так что там с драконами? — спросил спокойно, все так же стоя передо мной на одном колене, как рыцарь.

Мой злодейский рыцарь.

— Да я им Слово сказала, — честно призналась, — и теперь в них искра самосознания пробудилась. Саш, а ведьма эта, с которой ты был, где?

— Ведьма на задании, — чуть поморщившись, словно вспомнил о неприятном, ответил Стужев. — Мне пришлось ее бросить и мчаться на спасение жены из цепких лап индивидов с пробужденным сознанием.

И взгляд злой и суровый.

— А зачем меня спасать? — искренне удивилась я. — У меня все было под контролем, мы сами спасательную деятельность драконьего народа организовывали.

— Угу, — челюсти сжал, — я шел по следам... вашей деятельности. Масштабно... действуете.

И смотрит на меня. Внимательно.

— Что? — спросила я.

— Ритусь, — лицо злое такое стало, сразу заметно, что нос у него немаленький и глаза глубоко посажены, — я вот одного не понял: что у тебя с этим генералом Космического флота?

— Да ничего, — пожала обнаженными плечами. — Книга уже разобралась с ним.

— Да? — Очень заметное недоверие. — А ты в курсе, что драконы мстительны и долгожителями являются?

— В курсе, — не сдержала улыбку. — Но Ядвигу ему сразу сказала, что ты вообще бессмертный, к тому же я уверена, что ты явно злее.

Улыбнулся. Широко и с таким самодовольным выражением на лице, что я так сразу и поняла — дальше гадость скажет.

Сказал:

— То есть никто никого бросать не собирался, да, ведьма ты моя рыжая, значит, все-таки мстя великая и ягушенская?

Я улыбнулась.

Загадочно.

— Неправильное я тебе платье выбрал, — протянул Стужев. — Надо было тебе наряд партизана, мне — эсэсовца и, это, наручники там, всякое такое.

— Не-ет, мне штаны-галифе не пойдут, — капризно заметила я.

— Их я бы снял, — мечтательно протянул Князь.

И вдруг резко поднялся.

В следующее мгновение распахнулась дверь! Обеими створками, резко и так решительно. И на порог ввалились... вампиры! Со сковородками, скалками и метлами наперевес! Но ладно это — у них у всех на головах имелись красные банданы!

— О, а где разврат? — невинно поинтересовалась моя книга, гордо восседающая на руках брюнетки. А после уже мне: — Ритусь, ты представляешь, у них нигде нет зеленых занавесок, пришлось брать что есть.

Стужев хмыкнул и устало спросил:

— И что это? Очередной отряд великой армии «Мля»?

Ядвига не пожелала ему отвечать и громким шепотом спросила у меня:

— Ритусь, ты его уже простила?

— Еще нет, — честно призналась книге.

— Это хорошо, это правильно, неча ему волю давать, а то ишь, завел моду бросать по поводу и без, да топтать сердце нежное ведьминское, ирод. — И всей толпе фанатично настроенных на матриархат вампирш: — Хватай гада, матриархатом невоспитанного!

Ни я, ни Князь сказать ничего не успели, как толпа обезумевших феминисток рванула на Стужева. Тот увернулся, уйдя под потолок, чем опять возмутил паучью братию. Но почти сразу туда рванули и вампирши, и теперь спасаться пришлось и паукам.

— Стоять! — приказал Князь.

Но его никто не послушался, а книга так вообще заорала тонким голосом:

— Беги, Саша, беги! В этой части замка других мужиков нет, сам виноват, гад ревнивый, так что беги за подмогой. И помни, ты нам нужен живой и здоровый, а главное, к детопроизводству способный, так что как перевоспитаешься, ирод, так сразу ждем в гости!

Стужев выругался, но рванул — в окно, вампирши все за ним.

— А... а... я... — вскочив, метнулась к окошку, но за ним только ночь и тишина.

И никого!

— Чего ты переживаешь? — Книга, опять марка паучкообразная, в момент, когда все бросились на Стужева, спрыгнула на пол, а теперь подбежала и по мне взобралась мне же на плечо. — Никто его бить не будет, во-первых, у него характер поганый и мстительный, во-вторых, я запретила.

Из лишенного стекол окна дул ветер, я зябко поежилась и хмуро спросила у книги:

— И вот зачем ты это сделала?

— А, все очень просто, — беззаботно отозвалась Ядвига. — Сашунечка наш тут самый грозный, с ним никакого матриархата у девчонок не выйдет. А так они отвлекли его, теперь ты сбежишь, он за тобой, естественно, вот и освободится у них территория для установления нового правящего режима. Все продумано, Ритусь. Так что давай, бежим, скоренько, а то вампирши на него только так, для вида, а вообще опасаются жутко. И вообще, если он кого-то схватит, ему тут же весь план и выложат, исключительно живота ради, то есть чтобы спастись. Все, времечко. Бежим уже.

Я продолжала стоять на месте.

— Бежим, кому говорю, на нас все революционное движение надеется! — прикрикнула книга. — Где твоя женская солидарность?!

Ну... если ради женской солидарности, опять же вампирш угнетенных жалко.

— А бежать куда? — осторожно спросила у книги.

— А, туточки, в коридоре для тебя свеча припасена заветная. Двигаем,

Ритусь, двигаем.

Мы двинули. Точнее я, книжка на мне сидела, а мне пришлось босиком по холодному каменному полу, да еще и в платье... не особо приличном.

В коридоре нас действительно ждала свечка, причем она в подсвечнике была единственная. Осторожно взяла ее обеими руками и спросила у Ядвиги:

— Можно сразу в избушку?

— Отсюда — да, а вот обратного ходу нету. Поторопись, Ритуся.

Сжать свечу, коснуться огонька, ласково лизнувшего пальцы, и мысленно позвать:

«Печка, к драконам, пожалуйста».

Огонек дрогнул...

* * *

Здесь было холодно, мрачно и вообще жутко.

А потом из темноты протянулась когтистая покрытая чешуей лапа с длинной рубахой.

— Мне бы что-нибудь потеплее, — стучала зубами, взмоляла я.

Пахнуло огнем. Теплое пламя закружилось, согревая, успокаивая, разгоняя мрак, и я увидела огромную пещеру с уходящими ввысь сводами, с валунами, громадными, размером с девятиэтажный дом, с речкой, бесшумно скользящей по камням, с драконами, которых тут было так много...

Огонь угас и теперь вновь светил лишь тусклый огонек моей свечи.

Нормальная мужская ладонь протянула шубу. Длинную, черную, теплую.

— Подержи, пожалуйста, — попросила, передавая свечу.

И едва Лер ее забрал, торопливо оделась. И хорошо так стало, уютно.

— Где ты была? — прозвучал вопрос моего адмирала Космического флота.

— Ишь, где была, спрашивает, — подала голос книга. — Между прочим, нас похитили! К разврату склоняли! Засосы нам ставили! Мы вообще пострадали из-за некоторых!

Вспыхнуло пламя. Я даже залюбовалась высоким стройным мужчиной с золотыми длинными волосами, который сейчас стоял, вскинув руки вверх и запрокинув голову, а от него под своды пещеры неслось пламя.

— Мать моя женщина, центральное отопление по-драконьи, —

съязвила книга.

Пламя Лера мигнуло и угасло. Опять я осталась со своей свечкой.

— Ядвига, — укоризненно произнесла.

— А я что? А что я? Мы вообще куда, мы в избушку собирались, а ты?

— А я должна была проверить, что у драконов все хорошо, — прошипела книге.

— Живы твои драконы, — шипит фолиант в ответ. — Видишь, вот, живы и здоровы, с отопительными системами экспериментируют. Все, давай в избушку уже.

— Мы вернемся, когда я скажу, — несколько резко осадила книгу.

И стало тихо.

Вообще тихо.

— Лер, — позвала я, — а что это сейчас было с огнем?

Пламя вспыхнуло вновь. Вокруг были драконы, которые превосходно видели в темноте, были могучи, мудры, наполнены силы, ну и я... маленькая в шубе не по размеру и со свечечкой в руках.

— Ну... — Лер несколько смущалась, — я пещеру отапливала, чтобы ты не замерзла.

— Хи-хи, — отозвалась с моего плеча коварная книга, — а я что говорила.

Проигнорировав торжество догадливой книженции, подумала и спросила:

— А дом вы себе уже нашли?

Тишина.

— Ясно, — сграбастала книжку с плеча и сурово скомандовала: — Изобрази Нойшванштайн, причем полностью — схемы, план, архитектурный проект, только увеличь масштаб... — Я глянула на драконов, оценила их габариты и продолжила: — В десять раз.

— Ритусь, я тебе что, Apple iPad? — ехидно полюбопытствовала Ядвига.

— Нет, ты куда как круче, — искренне ответила я. — Лер, держи, рассматривай, изучай, запоминай, вы, драконы, со скалами договариваться умеете, камень вас слушается, магия земли вам подвластна, так что сумеешь отгреховать вам замок. А мы пока пойдем место поищем.

И я вручила фолиант дракону. Сделала шаг и взмолилась:

— А можно мне еще кроссы, а?

Лер протянул сапоги... размера сорок шестого как минимум. Да, это позор.

— Зато без каблука, — не унималась язва ягушенская.

Выйти мне помог учтивый и громадный черный дракон, кажется, тот самый, которому я про регенерацию поведала. Он просто подставил крыло, и едва я на него забралась и удобно устроилась, перенес прочь из пещеры, на самый край скалы. В небе сияла луна, серебристые волны едва плескались в безветрии, слышалось отдаленное пение птиц в лесах под горой.

— Красиво... — прошептала я.

— Мир вообще удивительно прекрасен, — отозвался дракон.

Подумала, что как-то не очень вежливо с моей стороны помочью воспользоваться, но не представиться.

— Рита, — сообщила я дракону.

— Уэльринар, — ответило мне волшебное создание.

Мгновение — и я стою на скале, а рядом громадный мужчина выше двух метров точно, с широкими могучими плечами и гривой смоляных волос до пояса.

— Я древний, — вдруг произнес он, глядя вдаль. — Я тот, кто помнит племя драконов до прихода темных в наши владения. Я тот, кто знает, сколь велики и сильны были драконы. И я единственный выживший из тех, кто повинен в случившемся.

Я молчала, искоса глядя на Уэльринара и с надеждой ожидая продолжения.

— Искра моего самосознания не была погашена, — продолжил он с надрывом в голосе. — Я жил, все эти века терзаемый оковами и собственной совестью. Терзаемый осознанием совершенной ошибки... И видя, как мой гордый народ, что парил с облаками наравне, превращают в скот.

Голос его дрогнул. Но вдруг улыбка и тихое:

— Годами я спрашивал небеса: «За что? Зачем? Почему?» Теперь я знаю ответ. Испытания — единственный путь к тому, чтобы стать сильнее, мудрее, лучше. Не появись темные, мы истребили бы друг друга, ведь между драконами не было единства. Не появись вы, у нас не было бы будущего. Народ драконов навеки обязан вам, Маргарита.

Хотелось ответить: «Да я ничего, просто мы тогда выпили много», но как-то это было бы не в тему. Поэтому я просто сказала:

— Народ драконов обязан быть счастливым, и это то единственное, что я от вас хочу. А вообще, вы меня засмущали.

Уэльринар улыбнулся, величественно и снисходительно, и сразу стало ясно, что он действительно очень стар и мудр.

— Мы будем мстить, — вдруг произнес он. — Нам есть за что мстить.

— Вы только не увлекайтесь, — попросила я. — Вам еще детей растить, народ возрождать, численность увеличивать...

Позади шум послышался, оглянувшись, поняла, что это все из пещеры повалили.

— Рит, — заорала моя книженция, — а, Рит, вы тама местечко подобрали или так, чисто лясы точили?

— Подобрали! — огрызнулась я. — Вот прямо здесь и будет стоять.

— Чай отошли бы пока, а то мы с Лерушкой чертеж модернизировали-то, и енто, у тебя что по математике, а? Масштаб ей в десять раз! Неуч ты, Ритуська, а еще ведьма. Ты ху на тебя, бестолковая!

Я собиралась так ответить некоторым, ну так, ну... чтобы запомнили!

Но тут в небе пролегли зеленые силовые линии, исказив освещение и сделав облик драконов каким-то зверским. Жутко смотрелось.

— Отойди, кому говорят! — рявкнула книга.

Молча вылезла из сапог, гордо вскинув подбородок, ушла на самый край более-менее ровной площадки.

— Еще правее, — нудно потребовала Ядвига.

Вот зараза.

Ушла правее, ругаясь на некоторых молча, но остервенело, села на камень, закутала голые ноги шубой и подготовилась узреть чудо построения замка. Вообще, ни разу не бывала в настоящем замке, ну кроме того, вампирского, так что было интересно, и очень.

Но тут случилось нечто не менее интересное. Тень, мчащаяся по силовой линии, вдруг зависла надо мной, и я услышала удивленное:

— Рита?

Вскинув голову, взгляделась в подсвеченнное зеленою силовой линией лицо темного и с не меньшим удивлением переспросила:

— Морак Таэлон?

Темный развел руками, мол «Тут я весь», и пошел на снижение. Мне бы испугаться, но я почему-то улыбнулась, и едва сапоги темного с зауженными носками коснулись поверхности скалы, встала и протянула руку, чтобы поздороваться, но попала в радушные объятия.

— Как же я рад, что с вами все в порядке, Рита, — выдохнул морак Таэлон, чисто по-дружески похлопав меня по спине. — Как вы здесь оказались?

И он, выпустив меня из объятий, внимательно взгляделся в мое лицо. А до меня начало доходить, с кем я тут обнимаюсь... ну, темный же, а темные они такие, что просто брр.

— Вы рады, что со мной все в порядке? — осторожно переспросила я.

Морак неожиданно улыбнулся, после огляделся, причем застывших метров в пятидесяти от нас драконов он словно и не увидел, после вновь на меня посмотрел и уже серьезно спросил:

— Рита, что вы здесь делаете совершенно одна? — Я ответить не успела, как он добавил: — Вы объявлены собственностью правящего дома Темного двора, вас любой подданный империи схватит и отведет стражам. Чем вы думали, собираясь путешествовать без защиты, Рита?

Я даже не знала, что сказать на это. Молча села на валун, потрясенно глядя на морака Таэлона, но в общем, не могла не спросить:

— А вы меня тоже к Херардам отведите, да?

Темный задумался. Посмотрел на меня, потом в небо на зеленые линии, потом снова на меня.

— Знаете, Рита, вас все же что-то прикрывает, — задумчиво произнес он. — Я вас почувствовал исключительно из-за запаха, потому что запомнил его. А увидел только тогда, когда вы произнесли мое имя. Странная магия, но учитывая, что, кроме меня, вас здесь больше никто не знает, весьма и весьма действенная.

Внезапно над нами зависло еще две тени.

— Арэке шэ? — спросили сверху.

— Таас, акрэме, — произнес морак Таэлон.

Тени умчались дальше по своим зеленым силовым линиям.

— Обычный патруль, — глядя им вслед, произнес темный. — Курсируют здесь каждые сорок минут по вашему времени.

Все еще молча смотрю на него, но уже появились смутные подозрения, если честно.

— Вы здесь одна или нет? — прямо спросил морак Таэлон.

— Нет, — тихо ответила я.

Темный протянул мне руку со словами:

— Вставайте, Рита.

Я поднялась. Темный взял за руку, подвел к краю скалы, встал за моей спиной и указал вдоль по линии моря:

— До восхода побережье патрулируется по системе 10–20–40, то есть через каждый промежуток указанного времени. Учтите, что территория просматривается особым зрением, и стражи заметят вас ранее, чем вы заметите их, посему, прежде чем двигаться, определите, какой сейчас цикл. Менее всего контролируют море — используйте рыбакские лодки для пересечения залива, дальше лучше по берегу. На границах патрули усилены втрое, режим следования каждые пять минут. Будьте крайне осторожны.

Оторопевшую от информации меня развернули на сто восемьдесят

градусов, после чего морак Таэлон взял мою ладонь, поднес к губам, осторожно поцеловал и добавил:

— Я только что выдал вам одноразовый пропуск через стену. Вам и вашему спутнику. Внук Кощея, если я не ошибаюсь?

— Но... но вы... вы... — Да, со словами тugo.

— Вы назвали мне свое имя, Рита. — Морак с улыбкой смотрел на меня. — Свое истинное имя. Для меня, темного старой гвардии, еще не забывшего звучание слова «честь», это много значит. Всего доброго вам, Рита.

Он отступил на шаг, я потрясенно прошептала:

— Всего доброго, морак Таэлон.

Темный взвился ввысь и далее по линии помчалась только тень. Глядя ему вслед, я понимала, что только что изменила свое мнение о темных... они не все темные, в смысле не все плохие. А морак Таэлон... кто бы мог подумать.

— Ри-и-ит! — противным голосом заорала Ядвига. — Вертихвостка ты бесстыжая, только без присмотра оставишь, как она уже глазки строит мужикам залетным!

Придерживая полы шубы, я направилась к Леру, который в данный момент стоял, закрыв глаза и простирая руки над скалой. Дракону я мешать не собиралась, я просто подошла, забрала у юноши, рядом с ним стоящего, книженцию и потрясла ее со всей силы.

— Ой, ой, — ничуть не испугалась моей злости Ядвига, — ой боюсь, бегу и падаю.

Я трясти ее перестала и вполне серьезно задумалась об удовольствии выкидывания некоторых в пропасть, но тут книженция тихо произнесла:

— А ведь он, кажется, не солгал, Ритка. Представляешь, у темных даже есть честь... Удивительно, правда?

И вот как ее убивать после этого?

— Правда, — тяжело вздохнув, я обняла книгу и вместе со всеми узрела явление замка из скалы.

Бесшумное явление, хотя вся гора под нами сотрясалась и словно чуть-чуть гудела. Но так ни обвалов, ни разрушений, ничего подобного. Замок рос из скалы как сталагмит, но без сталактита, причем сразу с дверями, окнами, крышей и вообще всем. Я лично даже деревья увидела... каменные.

— Эм, Ле-э-эр, — осторожно позвала Ядвига.

— Что-то не так? — напряженно спросил дракон, не открывая глаз и продолжая свою строительно-растительную деятельность.

— Нет-нет, ничего, не переживай... Рите, кстати, очень нравится.

Замок стал расти вдвое быстрее, а дракон теперь растил его с улыбкой.

Я возмущенно посмотрела на книгу, та ответила витиеватым: «Тоже тебя люблю, вредина рыжая». Теперь не только Лер улыбался.

— Ты бы обулась, — шепотом напомнила книга. — А то некоторые мне голову оторвут.

— У тебя нет головы, — заметила я.

— Не такая уж я и безголовая, — обиделась Ядвига. — К тому же некоторые ее найдут... и оторвут.

— Саша на тебя и так злой, — напомнила о недавних событиях.

— Да при чем тут наша кощеистая очаровашка, мне старшая Яга все страницы повыдергивает, если ты заболеешь.

Отойдя чуть в сторону, села на плоский камень, книгу рядом положила, поджала ноги и укуталась шубой. Тепло, хорошо.

— А все-таки мы умнички, — тихо сказала Ядвига. — Ты представляешь, целый народ спасли!

— Ага, — прошептала я, тоже любуясь драконами.

— Ну и да, этих чешуйчатых тоже, — сварливо добавила книга.

— Мм-м... а ты вообще про кого поначалу сказала? — переспросила я. — Ну, про народ спасенный.

— Про вампирш, конечно, — невозмутимо пояснила Ядвига. — Ты представляешь, целый народ спасли!

— Тьфу на тебя, — в сердцах выругалась я.

— И ничего ты не понимаешь, — насупилась книга. — А драконы твои... вот обустраются, деток рожают... э... в смысле навылупливают, и вот тогда мы их тоже спасем и матриархат устроим... Хотя...

— Хотя что? — Не то чтобы я была согласна с ее планом, но любопытно же.

— Не, не получится. — Книга сокрушенно вздохнула. — Допустим, скалки заменим бревнами, но где взять сковородки соответствующего размера? Эх, такую революцию загубили, ироды чешуйчатые. Идем Лера стукнем, чтоб не так обидно было, а?

Я уже просто тихо хихикала, но Ядвига не унималась:

— Гады! Вот как они могли так с нами, а? Мы к ним всей душой, я, может, уже занавески у вампиров драконихам на банданы приглядела, а эти... Эх, жестокия!

— Ты чудо, — прошептала я книге.

— А ты не грусти, — так же тихо ответила она.

— Я не грущу, — тяжело вздохнула, — я переживаю.

— Тоже сидишь и думаешь, как он выбираться будет? — прямо спросила книга.

Молча кивнула.

— Вот и я об том же. — Фолиант мой удивительный тоже вздох изобразил. — Давай, забирай свечку у Лера из кармана, поджигаем и валим за нашим героическим героям, куда ж его одного бросать? Мало ли, хоть и сволочь, а своя, родная.

Удивительная у меня обучающая книга — все знает, все понимает, во всем помогает, хоть и вредная. Но мы еще немного посидели, пока Лер завершал выращивание каменного «домика». Наконец он опустил руки, тяжело дыша и разглядывая собственное творение, а толпа драконов, в своем чешуйчатом облике, ринулась в замок... вот теперь скала задрожала.

В общем, я переждала, пока пробка из желающих заселиться в общагу рассосется, и только после этого подошла к Леру. Он единственный облик человеческий сохранил, даже Уэльринар, став драконом, взлетел на самую высокую башню и устроился там, с интересом оглядывая родовое приобретение.

— Классно получилось, — сказала я, подойдя к адмиралу Космического флота великой армии Мля. — Еще штук семь таких — и комфортным жильем будут обеспечены все.

— Двенадцать, — тяжело дыша, ответил Лер. — На запад по всему Драконьему хребту и на территории банши еще два. Я уже подобрал проекты и дизайн.

— Уay. — Больше слов не было.

— У нас сейчас численный перевес мужских особей, — продолжил явно будущий правитель драконов. — Из них сформируем патрули. Мне потребуется не так много времени, чтобы найти союзников, через несколько месяцев начнем войну за освобождение исконных территорий от власти темных.

— Уay. — Да, я очень многословная.

— Учитывая наши возможности и уровень магии, мы сильнее. — Лер направил взгляд вдаль и хмуро добавил: — Но темные хитры и опасны. Что ж, это будет увлекательный поединок, который завершится нашей несомненной победой.

Хотелось сказать, что самоуверенность еще никого до добра не доводила, но... Оно мне надо? Между прочим, справедливость на стороне драконов.

— Ну и правильно, нужно верить в лучшее, — сказала я и на этом решила разговор заканчивать. — Лер, верни свечку, пожалуйста, мне нужно

домой уже.

— В правом кармане, — тихо сказал дракон и закрыл глаза.

Он стоял весь такой суровый и решительный, перед рукотворно сотворенным только что замком, который лично я считаю жемчужиной замкостроения на Земле, и ветер разевал его длинные волосы. Лер был все-таки очень красивым.

— Верхний правый карман, — напомнил он, не открывая глаз.

Ну как-то неудобно было, с другой стороны, устал же явно, бедненький, может, и руки болят и дрожат от перенапряжения. В общем, я, прижимая книгу одной рукой, подошла, привстала на цыпочки, потянулась к карману, осторожно пальчики засунула за отворот...

И вдруг меня обняли, крепко, так крепко, до боли, и не успела я даже вскрикнуть, как дракон прижался губами к моим губам. И главное, руки у него и не устали, и не дрожали даже!

— Мм! — попыталась я закричать.

А потом что-то на нас налетело! Вихрем или ураганом, даже не знаю чем! Но был удар, почему-то по лицу Лера, а в следующее мгновение я испуганно осела на камень, прижимая книгу, а кто-то быстрый, как тень, жестоко избивал дракона!

И это было так жутко! Я видела только, как Лер ласточкой летит в стену, но не успевает даже врезаться, как чей-то кулак впечатывает его, придавая ускорение, затем рывок, и дракон падает на землю... все тот же кулак впечатывает Лера повторно! Кажется, я закричала, но прежде чем поняла это, с башни уже летел на выручку величественный Уэльринар.

Огромный черный дракон, раскинувши крылья, затмевая лунный свет... и тень, замершая Стужевым над телом поверженного Лера.

— Это моя женщина. — Тихий рык Кощея-младшего эхом разнесся по горе. — Еще раз рядом с Ритой увижу — ты труп. Понял?

Все случилось за какие-то доли секунды, словно время ускорилось на время их боя, точнее, мордобоя, замерло, пока Саша говорил, и ускорилось вновь, едва на Стужева напал Уэльринар. Ринулся сверху, выставив мощные когти.

— Нет! — Мой крик оглушил даже меня. — Уэльринар, не смей, не...

Лапы дракона схватили воздух, но в ту же секунду шея сказочного создания была сжата сверкающим ледяным змеем, и дракон рухнул на камни. Белое на черном, смотрелось некрасиво, смотрелось страшно.

— Саша... — простонала я, понимая, что просто не успею добежать до них.

Я ничего не успею сделать!

И не пришлось — змей, сдавив шею Уэльринара так, что я услышала хруст костей, бросил его и ледяной молнией метнулся ко мне. А замер уже злым, встрепанным, покрытым засосами и губной помадой Стужевым. Причем даже в свете этой сказочно-яркой луны было заметно, что помада у него везде — на рубашке, на руках, на волосах, на брюках даже. Но несмотря на обильное наличие помады, никакого наличия чувства вины тут не присутствовало.

— В общем, так, Маргош, — сухово начал Алекс, — я женщин не бью... иногда. — У меня глаза стремительно округлились. — А иногда бью! — рявкнул Стужев. — Когда достают, мля, и революционную деятельность организовывают.

— Ой, — пискнула книга, торопливо уменьшилась и полезла ко мне под шубу, приклеиваться в максимально безопасном месте...

Кто бы мне сказал, почему этим местом оказалась подмышка правая! Там что, бить не будут? Хотя да... там не будут.

Я запахнула шубу посильнее и подняла на Стужева виноватые и перепутанные глаза. А на меня смотрели сухово. Очень.

— Между прочим, сам весь зацелованный, — осторожно заметила я.

Кто-то тихо зарычал. Саша обернулся, посмотрел на поднимающегося огненного дракона, на вскочившего и встряхнувшегося черного, хмыкнул и вновь повернулся ко мне.

— Твоя книженция на меня толпу озабоченных матриархатом феминисток натравила, а те помимо бандан еще и помадами красными извазюкались, так что да, я весь зацелованный, они же умоляли их не убивать. И весь коварный план мне выдали! — Последнее на повышенных тонах.

У меня из подмышки донеслось тихое:

— Ритка, чего стоим, глазами хлопаем, целуй его, гада, пока совсем не озверел, он же нас порвет!

— Нас? — удивилась я.

— Ну не нас, а меня, — поправилась Ядвиги и тут же заныла: — Ну, Ритка, спаси меня, я же редкий экземпляр, я вообще уникальна, я...

— Я тебя у Ленина в мавзолее закопаю! — прошипел мой злой Саша. — Революционерка ягушенская!

Тишина, затем торопливое:

— А я ей говорила, говорила, да, что сваливать пора в избушку, а она к драконам и к драконам, а этот, червяк чешуйчатый, на нее между прочим глаз положил, а я... А вот если бы не я, она...

Стужев молча сделал шаг, я так же молча обняла его за шею, он

подхватил на руки и понес в сторону обрыва, а книжка быстренько заткнулась.

— Больше никаких драконов, — сурохо сказал Саша.

Я оглянулась через его плечо на Лера — огромного, огненнокрылого, сказочно прекрасного. Помахала рукой на прощание и тихо сказала:

— Удачи.

Уэльринар кивнул, Лер продолжал стоять каменным изваянием, Саша прыгнул в пропасть!

Я не визжала, я просто прижалась к нему сильнее и даже глаза не закрывала — впервые же в пропасть падаю. И ветер в ушах, и драйв такой, но тут меланхоличное из-под шубы:

— И зачем бейсджампингом заниматься, если свеча у чешуйчатого осталась?

— За надом, — прошипел Стужев, а потом с нежностью: — Ритусь, как тебе полет?

— Здорово! — честно призналась я.

— Угу, — отозвалась книга, — а тормозить чем будем?

Мне почему-то вспомнилось, что тормозов у некоторых не имеется. А вот необходимость что-то делать явно была — даже самая бездонная пропасть имеет свойство заканчиваться! Но рывок, и мы словно зависли в воздухе, вот только Кощей тихо выругался. Я испуганно посмотрела на Сашу, тот болезненно поморщился и прошипел:

— Не рассчитал вес... книга оказалась слишком толстая.

— Это я-то?! — возмутилась Ядвига.

— Да, — прошипел Стужев, — язык у тебя... длинный и тяжелый. Все, полетели отсюда.

— Да-а-а, леталки знатные, — издевательски протянула книга. — Где взял?

Повернув голову, увидела огромные черные крылья за его спиной. Действительно огромные! И если мы сначала парили, то сейчас крылья сделали первое чуть неуверенное движение, и мы... полетели.

— Са-а-а-аш! — запаниковала я. — Ты... ты... крылья откуда?

— А, это мы с Лурием на свадьбе Адмаила упились до белочек, там все упились, особенно жених, хотя его как раз понять можно, ну и как-то так вышло, что Лурий мне должность темного ангела проспорил... Пить меньше надо, Ритусь, все зло от водки. Но вообще я свои профессиональные обязанности редко выполняю, лень, если честно.

— Млин, Саша! — простонала я.

Под шубой истерично ржала книга.

И вот она же, ехида, продолжая ухахатываться, выдала:

— А я-то думаю, откель у вампирюг к тебе столько сочувствия, — и ржет. Истерично.

Я посмотрела на Стужева, он на меня. Он улыбнулся, я почему-то тоже... Да что они понимают, эти вампирши.

— Саш, а ты на меня за дракона почему не ругаешься? — тихо спросила я.

— Да я чуть раньше прилетел, пока крылья складывал, ты как раз к нему за свечкой шла, — просто ответил Князь. — К тому же ты бы мне изменять не стала.

Удивленно смотрю на него.

— Да брось, Маргош, ты это лучше меня знаешь.

Нет, ну знаю, конечно, но все же...

— А Лер очень даже красивый мужчина, — невинно заметила я.

— Ага, сильный и чешуйчатый, — вставила книга.

Стужев хмыкнул, выдал притворно-тяжелый вздох и грустно сказал:

— Жаль... теперь в империи темных на одного красивого, сильного и чешуйчатого мужчину станет... меньше.

Я язык прикусила, Ядвигу — нет.

— Да где красивый-то, так, червяк червяком, оглобля стоеросовая! Я ему сразу сказала — нету супротив нашего Сашеньки и шансу. А он, ирод огненнокрылый, все на Риточку заглядывался да заглядывался. А она, горлица верная, все об тебе, гаде бесстыжем, девочку на погибель бросившем, печалилась. И свечку не для себя брала, за тобой лететь намеревалася!

Стужев посмотрел на меня и тихо спросил:

— Правда?

— Наглая ложь, — уткнувшись носом в его плечо, ответила я.

— Да, я тоже за тебя не переживал, — решил пооткровенничать Саша. — Ладненько, тебе чтобы в избушку перенестись, огонь нужен?

— Мм-м... — подозрения накатили сразу.

— Ой, Ритусь, кажись собираются послать нас пешим маршрутом по известному направлению и к этой своей ведьме Миле намылиться, — протянула моя умная книженция.

Молча смотрю на Стужева, последний с самым невозмутимым выражением на лице смотрит куда-то в达尔. Но затем он хмуро произнес:

— Ладно, доставлю тебя в избушку, потом... а черт, я сам в империю вернуться не смогу.

В следующее мгновение Князь сложил крылья, и мы, войдя чуть ли не

в крутое пике, начали падать куда-то в берег! В ушах свистел ветер, в лицо попали брызги соленого моря, потом мы приземлились. На удивление мягко — Саша просто словно спрыгнул на землю, а его крылья полностью развеялись. Как дым. Такой черный густой дым. И не выпуская меня, Стужев решительно зашагал к рыбакской избушке, к которой мы, похоже, и прилетели. А все потому, что в окне этой покосившейся избушки горел свет одинокой свечи!

— Знаешь, Сашенька, вот если ты меня и сейчас бросишь, я обижусь, — честно сказала этому... который еще и демон ко всему клыкасто-хвостатому набору.

— Ритусь, прости, но не обсуждается, — спокойно ответил он.

— Это еще почему?! — воинственно спросила Ядвига, которой тоже за меня обидно стало.

Князь опустил меня на песок, сам же быстро прошел к окну, разбил стекло рукой, всего одним ударом, взял свечку, буркнул кому-то «Кавер эр ата» и, прикрывая огонек рукой, вновь направился ко мне.

— Стремная лачужка, — задумчиво выдал Саша. — Свечка перед православной иконкой коптила, представляешь? Откуда тут православные?

А я стояла, смотрела на его морду няшенско-невозмутимую и откровенно злилась.

— Маргош, — он остановился передо мной, — давай откровенно — у меня есть дела, а я все бросил и рванул вытаскивать любимую девушку, для чего всю ночь гонялся за ней по империи этих... не буду при тебе выражаться столь грязным образом, ты от меня и так плохому научилась.

И мне вручили свечку. Очень настойчиво вручили, с таким выражением лица, что страшно было бы не взять. Я и взяла, сжала свечу, но смотреть продолжала исключительно на Сашу.

— Ты такая красивая в свете огня, — тихо произнес он.

— Ой, зубы заговоривает, — вставила книга.

Но мы на ее реплику внимания не обратили.

— Саш, — простонала я, — не бросай меня повторно, пожалуйста. Я же переживать буду, я...

— Домой, я сказал, — жестко произнес Князь, разом напомнив себя прежнего, то есть того самого ледяного Александра Стужева.

— Обойдешься! — крикнула я, разом напомнив ему о том, что и бывшая Маргарита Ильева тоже никуда не делась.

— Маргош, — голос стал откровенно злым, — или ты возвращаешься в избушку, используя ваш ягушенский портал, или я поступлю куда как жестче и переправлю тебя в дом деда. Ты учти, это войти на территории

Темного двора проблематично, а вот портал переноса я выстроить смогу. Хочешь на свидание со свекровью?

Я испуганно сжалась. Не от потенциальной возможности свидеться со Снегуркой, я ее не боялась, а от тона Стужева, от которого кровь в жилах стыла в буквальном смысле.

— Домой, я сказал, — это был уже фактически приказ.

— Ой-ей-ей, — протянула книга, — матриархата на этого гада нету, уж я б ему...

— Ядвиги, не сейчас, — мрачно оборвала я ее.

— Обиделась, — сходу догадался Стужев.

И меня понесло!

— Ты мог взять меня, а не эту Милу, — начала я. — И мог бы не отшвыривать меня, как несмышленого котенка, а взять с собой, и...

— Котя, — довольно жестко перебил меня Князь, — у Милы допуск на территории темных есть, а у тебя его нет. Это первое. И второе — если сдохнет Мила, я даже не расстроюсь, а если ты...

— Расстроишься?! — с вызовом спросила я.

— Сдохну, — тихо, но очень уверенно ответил Саша.

Я заткнулась, Стужев с насмешкой добавил:

— Как бы ты ни обиделась — простишь. В крайнем случае будем мириться в постели, скажу по секрету, это потрясающий примирительный полигон всех времен и народов. А вот с тобой мертвой я смогу разве что платонической любовью баловаться, что меня, знаешь ли, не особо устраивает, тем более ты еще по эротическим кредитам не рассчиталась. Вопросы?

Ну после такого я с чистой совестью сказала:

— Да пошел ты, няшка самоуверенная!

— О, да, ведьма обиделась, — поддел он.

Я действительно обиделась. Смертельно обиделась.

— Сволочь! — не могла сдержаться.

— Мм-м, ты такая сексуальная, когда злишься. — Стужев плотоядно облизнулся. — В избушку, Маргош, мы с тобой позже поговорим.

Мне так искренне хотелось заехать по его самоуверенной харе, на которой сейчас отразился весь его поганый характер! Но тут вмешалась Ядвига:

— Слыши, ирод, матриархатом не добитый, а тебе у темных чего надобно-то, а?

Не думала, что Стужев ответит, но тот снизошел до краткого:

— С хранителем летописи нужно приватно побеседовать.

Пауза, и осторожное от книги:

— Чай не с урагом Херардом ли?

— Имеются другие хранители? — насмешливо поинтересовался Князь.

Мы с книгой явно подумали об одном и том же, потому как разом выдали единодушное:

— Валим.

А я ко всему прочему еще и добавила:

— Знаешь, Сашунечка, ты скоро очень сильно пожалеешь обо всем сказанном, понял?!

Он что-то явно понял, потому что прищурился и теперь смотрел на меня с нескрываемым подозрением. Таким же подозренческим тоном и спросил:

— Рита, а вы на кой вообще в империю заявились?

— Драконов спасать! — рявкнула книга.

— Точно?! — вопросил змий из рая, маскирующийся под Стужева.

Ну уж на это я отвечать не собиралась и, поднеся палец к огню, мстительно прошептала некоторым:

— Счастливо, дорогой.

— Рита! — рявкнула моя мужа кощеистая.

«Печка», — мысленно позвала я.

Огонь охватил, согрел и унес прочь.

* * *

А вот в полете случилось странное — я со всего размаху налетела на что-то! Слава шубе, это оказалось не так больно, как могло бы быть. Но сползая вниз по невидимой стене, поняла, что сейчас буду падать...

Паника!

— Руку на стену, живо! — скомандовала книга.

Подчинилась в то же мгновение.

Снова пламя, и я оказалась стоящей на деревянном полу в своей избушке!

Там, на лавке, связанный, но сытый и жизнью довольный сидел ураг Херард, рядом с ним мои Кот и Волк, а еще белочки были везде и ежики, а теперь я и паника... моя остаточная паника.

— Это что такое было?! — Голос стал сиплым.

— Похоже, темные усилили защиту, — отзвалась Ядвига. — Мля,

если бы не допуск...

— Елдыга захухренная! — высказалась я в отношении всех темных скопом.

— И не говори! — поддержала книга.

В избушке было жарко, меня же в жар бросило при мысли: «А как Саша выберется?» Сняв шубу, я зло швырнула ее на лавку. И тут совсем не к месту заговорил ураг Херард:

— Рита, прекрасно выглядите.

Очень медленно повернулась к темному. Так же медленно марка имени «Ядвиги Фолиантовна» отклеилась со своего спасительного места, упала уже книгой, а в следующее мгновение случилось нечто — над фолиантом образовалось бледное привидение, при виде которого побелел не только темный, но и все. Затем на пол ступила Яга. Высокая, повыше меня ростом, худощавая, в белой рубахе да зеленом сарафане поверх, с косой до пояса и злыми прищуренными глазами.

— Ну, здравствуй, Херард, — очень недобро произнесла она.

Темный, с совершенно посеревшей кожей, старался выглядеть невозмутимым. Но я не на него смотрела в тот момент, а на мою сказочную живность, которая с испугу кто с лавки попадал, а кто едва дышал. Причем испугались все, кроме моей армии Мля. Так-так... То есть обитатели избушки, похоже, эту женщину знали...

— Ягусь, на пару слов, — тихо попросила я.

Женщина медленно повернулась, оглядела меня с ног до головы и холодно спросила:

— Ты кто?!

О-па-ся!

— Ой-ей, — тоненько взвизгнул Колобок и свалился в обморок.

Курочка Ряба и вовсе голову втянула и притворилась мертвой. Кот Ученый отчаянно сохранял спокойствие, а вот Серый Волк начал осторожно пробираться к выходу.

— И что делаешь в моей избушке? — прошипела вдруг Яга.

Ну тут уж я возмутилась и сразу расставила все точки над «и»:

— Это моя избушка.

У Яги глаза округлились, и она как зашипит:

— Шшшшто?!

Звери задрожали, а книга примирительно:

— Миславушка, люба моя ненаглядная, чай не помнишь ли, отчего на Херарда осерчала?

Женщина резко повернулась к темному, отчего коса хлестнула ее по

спине, и вдруг обняла себя руками за плечи. Замерла, вглядываясь в серое лицо, темные круги под глазами, и прошептала едва слышно:

— Ты!

Резко выдохнув, я подошла к столу, взяла Колобка, с ним на руках направилась к лавке в углу.

— Рит, ты куда? — встревожилась книга.

— В обморок падать, — честно созналась я. — Составлю Колобку компанию. Кто еще со мной?

Обернулась в поисках желающих, а наткнулась на взгляд Яги Миславы. Жуткий взгляд. Обезумевший от горя, растерянный, потерянный, полный горечи. Мы смотрели друг на друга несколько секунд, и вдруг она тихо сказала:

— Спасибо.

Колобок, как выяснилось, только притворялся, потому как после ее слов вздрогнул и ко мне прижался.

— За что? — недоуменно спросила я.

Яга улыбнулась странной, полной горечи улыбкой и пояснила:

— Спасибо, что приняла их и заботишься. Редко новая Яга избушку прежней берет, редко о живности сказочной беспокоится, чаще новую заводит. Сердцу-то не прикажешь, а созданное другим полюбить сложно.

Пожав плечами, я посмотрела на Колобка, тот один глаз приоткрыл, на Лисичку глянула, на Кота, на Мышку, что из-за печки выглядела, на Волка, который красться уже перестал и теперь тоже на меня смотрел.

— А как их можно не любить? — просто спросила у Яги. — Они классные.

— И мы писсу ели, — восторженно прошептал мой предводитель лебядиной стаи, который, как оказалось, в дверь заглядывал.

— И няшек грабили, — добавил Серый Волк.

— На метле летали, — вставила Лиса Патрикеевна.

— А уж пиво... — Кот Ученый довольно зажмурился.

— И награбленное поделить бы надобно, — вставил конь монструозный.

— Ты в операции не участвовал! — капитан Острозуб гордо выпятил пушистую грудь и встопорщил хвост. — За ведьму Мля!

В избушке и за ее пределами раздалось раскатистое громоподобное и дружное «Мля-а-а-а». Когда шум стих, я посмотрела на урага Херарда, вконец посеревшего и теперь взирающего на меня с осознанием услышанного, и грустно сказала:

— А свидетели долго не живут.

Темный выдохнул только одно:

— Но как?

— Пить меньше надо, — совершенно искренне призналась я.

И тут опять вмешалась Ядвига:

— Ритусь, в обморок падать передумала? Вот и ладненько, бери Херарда и айда в печку.

— Куда? — не поняла я.

Призрачная Мислава улыбнулась, указала на нашу русскую красавицу, в которой пламя гудело, а после сама за урагом и направилась. Он дернулся, но это была какая-то неправильная Яга — руки удлинились, пальцы когтями стали, кости обозначились, нос вымахал... жутко.

— Злоба, Риточка, она никого не красит, — тихо сказала книга. — Ты давай Колобка обратно поклади, а меня на рученьки, да и пошли темного-то допрашивать.

Я не ответила, на моих глазах разыгрывалась сценка из русской народной сказки — где баба Яга сажает богатыря, в смысле злодея, на черпак, да в печку его засовывает... Засунула. На меня оглянулась, а после ухват бросила, и печь ее в нутро свое, пламенем ревущее, засосала.

— Что-то мне и тут хорошо, — честно созналась я.

— Не боись, печка-то особая, волшебная.

— Да? — Колобка я отпустила, подошла, взяла книгу, к груди прижала да и созналась: — Все терзают меня сомнения, вот в сказке злая баба Яга богатыря в печь засунуть хотела, типа как бы чтобы съесть. Но вот теперь я думаю — а зачем?

Ответил мне Кот Ученый.

— Так-то известная история — Яга Костиника замуж собиралась, а женишок ее, царевич Иван, известный богатырь, на царевне жениться решил, охальник. Тут уж осерчала Костиника, в печи его заперла, да и подержала, пока не одумался.

Ой... Ого.

— Сурово, — пробормотала я. — А как одумался, чего делали?

— А как одумался, поздно было, — вставила Ядвига. — Мы, ведьмы, обид не прощаем. Ритусь, кончай лясы точить, айда к Херарду, самое-пресамое ведь пропустим.

Я на своих посмотрела.

— Ужин готовить? — тихо спросил Колобок.

— Ага, — я даже покивала, — голодная очень. Но после допроса.

— А я сарафан достану, — сказала Лиса Патрикевна, чай стыдобра в таком-то ходить.

— Угу, — снова я. — Капитан Острозуб, а вы к драконам молнией, сообщите им, что мы остальных всех спасли, и они теперь на новом месте обживаются. Мы как допрос закончим, я карту выдам...

— А пропуск? — вставила книга.

Я улыбнулась и тихо сказала:

— Магия драконов позволяет им пресекать границы темных.

— О-па-ся, — выдала Ядвига. — Только границы темных?

— Да, — и улыбнулась.

— Рит, а ты мне нравишься, — протянул мой фолиант. — Все, в печку.

Я сделала шаг, еще шаг... печь распахнула жаркие объятия.

* * *

Вообще, я думала — сгорю, огонь там же, сажа, но нет — я словно стала светом в одном месте, а появилась собой, Ритой, в другом. В комнате с тремя выходящими на печной жар окнами было нежарко, несмотря на бушующее за окнами пламя. Сухое тепло, как даже не знаю где. Здесь были глиняные стены и потолок, из ивняка сплетенный стол, черные деревянные лавки, котелок, подвешенный над огражденным камнями очагом в полу прямо. В дальнем углу виднелись пучки сушеных трав, несколько шкурок змеиных... На коленях перед котелком стоял ураг Херард, все такой же измазанный вареньем, над ним суровая и непреклонная Яга Мислава. И вопрос, видимо, заданный не в первый раз:

— Где копия летописи?

Темный вскинул голову, взглянул на меня и словно сплюнул:

— Третий раз повторяю — у Кощея!

— Ха-ха, — язвительно произнесла Яга, — ты хочешь сказать, что Летопись Истины могли выкрасть?! Это смешно, Херард! Ты хранил ее даже не в хранилище, там-то я была, а теперь пытаешься убедить меня, что твоё главное сокровище могли выкрасть? Кто?

Посеревший ураг хрипло ответил:

— Кошеч-младший.

— Оу, — вид у Миславы стал немного растерянный, — этот да... этот мог.

Под ненавидящим взглядом темного я прошла, села себе у окошка и решила посидеть молча, но тут печка поинтересовалась:

— Риточка, может, пирожков твоих любимых, с малинкой-то? А?

Есть хотелось, но...

— Да неудобно как-то, — смутившись, ответила я. — Тут человека... в смысле темного пытают, а я с пирожком.

— Так он накормленный, — сообщила печка, — чай не изверги, а ты-то у меня бледненькая вся, худенькая.

Книжка ну просто не могла смолчать и ехидненько так:

— А что, вам с Кошенькой не до ужина оказалось, не? Вы сразу с интима начали? Хотя с таким-то нарядом неудивительно.

Теперь я была не бледная, теперь я была румяно-пунцовая.

— Ну, Ядвига! — прошипела зло.

Печке не до наших разборок было, она меня искушать продолжала:

— А молочко теплое, топленое?

Все еще злясь на книженцию, я промолчала.

— Ряженку? — умеет печка уговаривать.

— Молочко топленое, — тихо попросила.

— Кефирчик обезжиренный, — вставила Ядвига.

— И мне бы еще фолиант с поджаренной корочкой! — рявкнула я.

— Ой не могу, ой оголодала бедная, на печатную продукцию уж зарится! — откровенно поиздевалась ведьма.

Вдруг в окне, прямо в огне, возникла кружка. Ну оно и понятно, что для меня, взяла осторожно — но даже негорячая оказалась. А следом тарелка, тоже глиняная, а на ней пирожок... с малинкой, но в виде книжки! Я торопливо фолиант на лавку положила, сама тарелку взяла, печке от чистого сердца «спасибо» сказала. Молоко тоже отставила, пирожок взяла и многозначительно откусила, с самым зверским видом, собственно, на прототип поглядывая.

Что примечательно — Ядвига молчала. И молчала, и молчала, аккурат пока я все не съела, и только потом, когда я начала молоко пить, выдала:

— Слыши, печка, а она на Кощя тоже злая, выдай-ка нам пирожок определенной формы, характеризующей...

Я едва не захлебнулась, а печка, молодец, как ответит:

— Фу, охальница, почитай у девочки любовь первая, нежная, аки первоцвет лесной, а ты... Тьфу на тебя, Ядвига! Три раза тьфу!

— Хватило бы и двух, — обиделась книга.

И тут голос подала Яга Мислава:

— О каком Коше идет речь?

Книга молчит, вредина, я пожала плечами и честно ответила:

— О моем муже, Кощее-младшем. — Взглянув на урага Херарда, заметила, как на мгновение изменился его взгляд и промелькнуло в нем что-то странное. Подумав, добавила: — Мы с ним что-то укралы из спальни

урага, но если говорить откровенно — я не знаю, что именно. Зато точно в курсе, что сейчас Саша... в смысле Кощей-младший, снова ищет этого темного.

Книга вдруг вспыхнула, а через мгновение на ее месте сидела Яга — тоже рыжая, тоже зеленоглазая, с молочно-белой кожей, разве что у этой нос был такой заметно немаленький да взгляд мудрый очень.

— Летопись Истины силу дает великую, — сказала Ядвига. — Сила та между мирами пути открывает.

Я задумалась. Вспомнила случившееся с отрядом няшек анимешных и то спокойствие, с которым Саша, как он сказал, запер их в другом мире. А также момент с темными, которые все исчезли...

— Ураг Херард, а Дайрем вернулся? — осторожно спросила я.

Темный скрипнул зубами, но промолчал. Жаль, потому что пытать его, как в фильмах про партизан и фашистов, я точно не буду, не смогу. Медленно сделав глоток молока, вопросительно посмотрела на Миславу, та почему-то тоже смотрела на меня с вопросом в глазах, но, заметив мое недоумение, тяжело вздохнула и прямо спросила:

— Необученная еще?

— Некогда ей, — хихикнула Ядвига. — То в чувствах разбирается, то замуж выходит, то от мужика своего прячется. Не нагулялась еще.

Я ожидала, что Мислава сейчас что-то язвительное выдаст, но та улыбнулась и сказала:

— Ты, Рита, одна здесь Яга, у тебя и сила мысли его узнать-выведать.

— Пытать не буду! Бить тоже! Я не изверг, — сразу расставила приоритеты.

Темный победно улыбнулся.

— И не придется, — спокойно сообщила Мислава. — Ты здесь хозяйка, тебе вода правду и поведает.

И на полку мне указала, а там... прутик. Я, довольная, молоко быстро допила, подскочила и за лозину, а ураг Херард дернулся и возмущенно:

— Рита, я полагал, что ваше цивилизованное воспитание...

— Мне стыдно в этом признаться, — я тяжело вздохнула, — но «Дом-два» действительно плохо на воспитание влияет.

— Какой дом? — окончательно встревожился Херард.

И тут я поняла, что меня никто не понял, в смысле поняли, но превратно. И вообще, темный переводил не то чтобы испуганный, но определенно встревоженный взгляд с меня на прутик. С прутика на меня... И почему мне в этом странный эротический намек видится?!

— Удовольствие — это дозированная боль, — выдала я темному.

Херард застыл. У Миславы глаза увеличились втрое, она призрак, у нее с этим анатомических проблем не возникает, Ядвига смехом на лавке давится.

— Да ладно, — говорю урагу, — вы же любите игры по-взрослому.

Темная бровь несколько удивленно-выжидательно изогнулась. Ну я так и думала, что он играл — он по-настоящему только призрака Миславы испугался, и то не факт.

— Рита, — голос стал низким, чуть вибрирующим, бархатным, — я гарантирую — вы останетесь живы, и вот тогда мы с вами сыграем... по-взрослому.

Я глянула на Миславу, та холодно напомнила:

— Пытаться сбежать следовало ранее, здесь ваша сила изолирована.

— Бежать ранее было бы глупо. — Ураг рывком поднялся с колен и сразу стал самым высоким в помещении. — Я просто обязан был выяснить, кто же эти четыре таинственные ведьмы — Мля, Твою мать, Зараза и Вредина Любимая. Я выяснил. К тому же поговорим о приятном — дать хоть какой-то отпор здесь была бы способна только Рита. Была бы способна, будь она обучена, а так...

И взгляд на меня. Я с улыбкой смотрю на него, не знаю даже почему, но улыбка с лица не сходит. Затем спокойно подошла к котелку, коснувшись прутиком воды и прошептала:

— Вообще не помню, что говорить надо, но покажи, пожалуйста, чего добиваются темные.

По воде пошли круги. Свет. Яркий, пришлось глаза прикрыть на мгновение, а затем я увидела карту, причем, похоже, карту Терры, и по ней, словно чернила, потекла тьма, захватывая участок за участком, затемняя, зачерняя...

Посмотрела на урага Херарда, тот не отрывал от меня задумчивого взгляда. Связанный, но какой-то очень опасный, и я порадовалась, что между нами находится этот внушительный котелок.

— А покажи теперь, пожалуйста, Летопись Истины и место, где она в данный момент находится.

Темный напрягся, но вот я касаюсь поверхности воды прутиком и вижу золотой, в прямом смысле золотой свиток в резной малахитовой шкатулке! Но нет, это по ходу не летопись, потому что изображение спускается ниже и я понимаю, что ларец, второй, скрыт в столике, на котором располагается вот этот, с золотым свитком. А еще мне оказался знаком этот ларчик — тот самый, что мы добыли из Сонного озера.

— Я так понимаю, этот... казан на привязи считывает информацию с

меня? — зло поинтересовался ураг Херард.

— Понятия не имею, — честно созналась я. И обратилась к воде: — Поведай, где сейчас Дайрем, он же Игнат.

Изображение мигнуло и... и ничего. Вообще.

— То есть Демон не вернулся, — догадалась я. — А где его команда, с которой он на нас напал?

Снова ничего, точнее, марево — белое.

— Сплошное разочарование, — протянула я. — Ну не знаете, так не знаете, перейдем к более насущным вопросам. И начнем с простого — зачем вы вообще могли Стужеву понадобиться?

Ураг Херард вдруг зарычал. Вполне даже натурально, и подобрался весь, словно собирался прыгнуть на меня, пусть и со связанными руками.

— Ой, как все сурово, — укоризненно посмотрела на темного. — Слушайте, вы всегда так ревностно относитесь к собственным тайнам?

Ураг выпрямился, плечи расправил, затем улыбнулся и произнес:

— Рита, должен признать, это платье на вас лишает меня способности мыслить адекватно. И не могу не сказать — вы удивительно прекрасны.

Чувствую, как румянец смущения заливает мои щеки.

— Что касается вашего вопроса — Кощей-младший выкрад не Летопись Истины, а ее копию, самонадеянно снятую мной для изучения, которое, скажем так, не было санкционировано Темным двором.

— Ага, — я стряхнула капельку воды с кончика моего прутика, — то есть сам артефакт это так, просто бренд, а по сути инфа важна?

Темный осторожно попросил:

— Переведите.

Что примечательно, и Мислава, и Ядвигу помалкивали, ну я и перевела:

— В смысле волшебной силы нет никакой, важны только знания, которые получил Стужев.

Отвесив мне полуироничный поклон, ураг Херард произнес:

— Совершенно верно.

Надо же... И тут вдруг я подумала об одной маленькой такой детали:

— То есть ваше правительство было не в курсе, что у вас имелась копия Летописи этой, и когда они выяснили, по головке ведь не погладили, да?

Усмехнувшись, темный пояснил:

— Не то чтобы не погладили, шамера Эллата настаивала на преждевременном расставании моей головы, собственно, с телом, вследствие чего я был вынужден заняться столь грязной работой, как

сотрудничество с Дайремом Херардом, принцем Темного двора, находящимся в опале.

Ничего себе! Няшка в отставке, оказывается!

— Простите, — я мило улыбнулась темному, — а вследствие чего Дайрэм впал в немилость?

Умопомрачительная улыбка, и ураг весело напомнил:

— Ну вы же в силах увидеть мои воспоминания. — И он кивнул на котелок.

Мы с котелком переглянулись, но почему-то не испытали желания мутить воду воспоминаниями некоторых.

— А как насчет «своими словами»? — осторожно спросила я.

Вновь усмехнувшись, ураг вежливо пояснил:

— Дайрэм не справился с заданием и не убил Кощея-младшего. Точнее, убил, но учитывая возрождение выродка семьи Кощеевых, фактически провалил задание. Темный двор не прощает провалов.

— Как-то жестко у вас с принцами обращаются, — была вынуждена признать я.

— Выживает сильнейший, — спокойно ответил ураг Херард. — А также умнейший, хитрейший и подлейший, остальные Темному двору не нужны.

Некоторое время смотрю на урага, потом на котелок, снова на урага и не выдерживаю:

— Мне очень жаль, правда.

— Котелок? — уточнил темный.

— Да нет, чего его жалеть, он тут с нами, а вот вас жалко очень. — Подумала и предложила: — А хотите медовухи? Мне так помогло в прошлый раз. Ураг Херард странно на меня посмотрел, повернулся, пропрыгнул до лавки, сел и хмуро ответил:

— Не откажусь.

В огне мгновенно возникла кружка с пенным напитком, Ядвига сноровисто взяла да и подала темному. Мислава почему-то тоже судьбой врага озабочилась и, вынув нож, разрезала путы на руках. Не знаю, кто был больше удивлен их поведением, я или темный. Наверное, оба. Но Херард взял кружку, залпом все выпил, с поклоном передал Ядвиге.

— И что, — Яга как зачарованная смотрела на него, — прошлые заслуги даже не учитывают?

Похоже, подобного сочувствия темный прежде не испытывал, а потому сейчас откровенно смущался, не зная, как реагировать.

— Не переживай. — Ядвига осторожно положила свою руку поверх

дернувшейся ладони Херарда. — Ты выговорись, легче станет.

Жертва фольклорных психологов растерянно на меня глянула, я, чуть пожав плечами, сказала:

— Не, вот с тем, что легче станет, это да, мне в прошлый раз групповая психотерапия помогла очень, даже не ожидала.

Глаза у темного расширились, взгляд стал перепуганным.

— Не, не до такой степени легче, — поспешила успокоить я.

Ураг резко выдохнул, повернулся к Ядвиге и прямо спросил:

— Вы считаете, что мне нужна помощь? — «Мне» выделил интонацией, намекая, что мы, темные, круче всех крутых.

Я помешала прутиком воду в котелке, посмотрела на темного и не сдержалась:

— Ой, да ладно, давайте не будем. Вы сами дали понять, что вас откровенно унизили после нашего с Сашей ограбления вашей спальни, и это вас, хранителя этой шпаргалки со сведениями о мирах. Это получается, вас демонстративно из князей в грязь, и я представляю, как вам «приятна» вся эта ситуация.

Впервые с момента моего общения с темными я увидела, как у кого-то из них вот так, едва заметно, но очень показательно опускаются плечи.

— Вы ничего не понимаете, — хрипло произнес Херард, глядя себе под ноги. — Вы... У нас нет права на ошибку, нет жалости, нет прощения, и этим мы сильны! — вскинул голову, посмотрел мне в глаза и добавил: — Темный двор стремительно наращивает территории империи. Мы непобедимы. Мы сильны! Мы...

— Мы сильны, но нас периодически хотят убить свои же, и счастья не было и нет, на стороне с человеческими девушками ищем, видимо, потому что тепла и понимания в семье не хватает, — перебила я урага.

Темный ничего не ответил. Сидел и молча смотрел на меня с такой ненавистью.

— На правду не обижаются, — мило улыбнулась я.

— За правду убивают, — вполне серьезно ответил Херард.

Я даже поежилась. Но следующие слова темного прозвучали еще более пугающие:

— Это мой мир, Рита. Он сложный, жестокий, лишенный даже призрака справедливости, но это мой мир, за который я буду убивать и готов умереть.

Было бы пафосно, если бы не оказалось так жутко и вообще сказано на полном серьезе.

— Короче, все плохо, но вы не в курсе, что сделать, чтобы стало

лучше, — поняла я смысл слов урага.

Поняла совершенно верно, потому как плечи опустились еще на пару миллиметров, несмотря на общекрутятский вид и гордый профиль надменно отвернувшегося от меня темного. И мне бы смолчать, но Ядвигу на меня посмотрела выразительно и одними губами прошептала: «Продолжай». Я на Миславу глянула, но и та выразительно кивнула, мол: «Действуй, сестра». Почувствовала себя психологическим негром. В смысле, я тут пашу, а они сидят и... глядят выразительно. Ну меня и понесло.

— Чего вы переживаете? — искренне спросила у темного. — Устройте революцию и да здравствует демократия... Только не та, американская, в которой кто не с нами, тот против нас.

Херард искоса взглянул на меня, улыбнулся, укоризненно головой покачал, вынуждая почувствовать себя ребенком наивным.

— Нет, серьезно. — Я даже жестикулировать начала, в смысле прутиком указала на Ядвигу. — Берите эту последовательницу дяди Ленина, она у вампиров матриархат насадила, что ей стоит Зимний... в смысле цитадель вашу взять! Возьмет и не дрогнет даже, и совесть у некоторых фолиантов не проснется.

Весело рассмеявшись, ураг напомнил:

— Цитадель разрушена, Рита, или вы уже подзабыли о собственных подвигах?

Кто-то смущенно покраснел.

— Кстати, — темный вновь вернул себе самообладание, — как вам удалось приручить драконов? Между прочим, это злопамятные и мстительные животные, у нас лишь аристократы способны быть наездниками.

Мне как-то не хотелось отвечать, впрочем, и не пришлось.

— А нету у вас больше драконов, — невинно заметила Ядвига. — И питомников нету... И численность наездников мы у вас проредили... мм-м... совершенно случайно так. И да, теперь у вас есть враги, злые и мстительные, а главное, умные, гады чешуйчатые и неуязвимые.

Как-то уж совсем издевательски умудрялась моя книга искажать слова великого и могучего, но факт в том, что значительно сильнее исказилось лицо урага Херарда. Темный посерел, выдал какой-то хрип и прорычал, причем обращаясь ко мне:

— Ты пробудила искру сознания в драконах?!

Мне как-то не по себе стало от его рыка. Но в следующее мгновение я поняла, что это мелочи, потому что где-то там, за уютным треском огня

раздался натуральный рык:

— Рррита!

И голос был стужевский.

— В избе лютует, — пофигистически-меланхолично изрекла книга. — Видать, узнал про нашу похитительную деятельность. Ох и осерчает...

— Маргош-ш-ша, ты где?!

Я поежилась и подумала, что мне и здесь хорошо.

Мислава же вскочила и прошипела яростно:

— Кощей! В моей избе!

— Вот и иди к нему! — разом рявкнули мы с Ядвигой.

Переглянулись, книжка грустно носом шмыгнула и прошептала:

— Лично я не пойду, он на меня злой и он меня порвет.

— Я тоже не пойду, — заявила решительно. — Я на него злая и я его... ему... я с ним не разговариваю.

Кто-то хмыкнул, с трудом сдерживая смех. Естественно, не мы с книгой и даже не Мислава.

И главное, на него никто не посмотрел даже, все прислушивались к происходящему в избе, даже печка горетьтише стала. А там что-то явно набирало обороты, потому как через мгновение прозвучало:

— Стужева, вылезай из печи по-хорошему!

Я дышать перестала, фолиант цыкнул и расстроенно так:

— Генри сдал. Говорила я Волку разобрать этот суповой набор на составляющие, так нет же, пожалел...

— Генри пожалел? — шепотом переспросила я.

— Да не, свой желудок. — Ядвига сокрушенно вздохнула, потом вздохнула тяжело и выдала: — Чего стоим, кого ждем? Иди уже, а то разберет ведь печь-то, с него станется.

Я подумала, кивнула и сделала шаг... куда-то, потому как идти тут некуда, дверей не наблюдается. Но печка сработала сама. Пылающий огнем миг — и я стою посреди избы. По углам жмется нечисть сказочная, в двух шагах от меня злющий Кощей-младший в парадном одеянии и даже с жезлом. И вот это разгневанное нечто медленно осматривает меня с ног до головы, как будто не он сам наряд выбирал и мрачно изрекает:

— То есть ты там, с ним наедине, в этом!

Сказочная нечисть, подумав, начала торопливо ретироваться с места предстоящего семейного скандала, Лиса Патрикеевна попутно рубашку и сарафан на стол положила. Я же подождала, пока двери за всеми, и даже за белочками, закроются и воинственно спросила:

— Чего пришел?

Стужев и на вопрос, и на мой воинственный вид отреагировал привычно, привык уже, и задал свой не менее воинственный вопрос:

— За каким лешим ты урага спионерила?

— Что значит «спионерила»? — возмутилась я.

— Хорошо, — прошипел Саша, — поменяем формулировку, раз ты уже вышла из пионерского возраста. Скомсомолила урага зачем?

— Скомсомолила?! — Нет, никогда не привыкну к его издевательствам над языком русским.

— Сматриархатила! — взревел Князь.

Из печи донеслось обиженное:

— А вот не надо над революциями стебаться, между прочим, мы-то его просто украли, а некоторые спатриархатить намеревались.

Нет, Саша не психанул после этого. Внук великого Кощяя тряхнул ладонью, развеивая скипетр, после чего сложил руки на груди и очень недобро глядя на меня с высоты своего роста, выдал:

— Значит, ты там, с этим наедине, а книженция вам советами помогает!

И взгляд такой... Ну типа возвращается муж из командировки...

— Между прочим, с нами еще Мислава, — возмутилась я.

— Ага, советчиц, значит, двое... а ты с этим наедине! Да еще и с советами! И в таком вот виде!

Молча и с некоторым недоумением смотрю на Стужева, он на меня, я на Стужева, он на меня, я на...

— Короче, отдай мне урага, и я пошел дальше решать свои проблемы, — выдохнул Саша.

— Да? — Принимаю гневную позу, тоже сложив руки на груди. — А кто меня отправил в неопределенный пеший поход?

— В смысле? — Стужев удивленно бровь вскинул.

— Кто меня послал лесом? — разозлилась я.

— Маргош, я тебя домой отправил от греха подальше. — Он даже не оправдывался, он себя считал совершенно правым. — А ты взяла и спионерила моего главного информатора!

Из печки донеслось возмущенное:

— Ураг наш! — Пауза и кокетливое: — Он весь такой несчастный и отрицательный, а наша женская душа страсть как любит кого-нить поперевоспитывать.

— В смысле?! — взревел Стужев.

— В смысле Рите его жалко, следовательно, ураг наш, — резюмировала Ядвига.

Ей хорошо, она в печке, она не стоит, съеживаясь под наливающимся кровью взглядом ревнивого злодеюки кощеистого, и на ней нет развратного платьица и...

— Пирожок хочешь? — пролепетала я.

— Нет! — Рык, от которого вообще страшно стало.

— Молочка? — У печки я научилась, что ли.

— Нет!!!

— Медовушки? — Дожила, родного мужика спаиваю.

— Урага отдай, — потребовал Саша.

— Не отдадим, самим надобен, — вякнула Ядвига.

Блин, а помолчать не судьба?! Я возмущенно глянула на печку и откровенно побоялась посмотреть на Стужева.

— Маргошка?! — прошипела моя няшка фольклорная.

Шмыгнув носом, вжав голову в плечи, зажмурив глаза и вообще приготовившись к самому худшему, я честно призналась:

— Не отдам.

И тишина. Тихо так, только огонь в печи потрескивает да звери за окном не дышать стараются, потому как если дышать — окошечко запотевает и им не видать ничего.

— Так, — прозвучал уставший голос Стужева, — давай-ка ты сейчас переоденешься, потому как при тебе вот такой у меня начинаются проблемы с мыслительным процессом, а потом ты мне внятно объяснишь, на кой тебе ураг, между прочим, приложивший лапу к убийству Яги Миславы.

Ну вот после этого я осторожно глаза открыла, глянула на Князя, метнулась к столу, взяла одежду и ушла за печку переодеваться. И вот я одеваюсь там, а Саша задумчиво так спрашивает:

— Ритусь, ты не в курсе, почему я границу темных прошел без проблем, а Милу не пропустило, а?

— В курсе, — ответила я, натягивая рубашку. — И что, ведьма уже не на задании?

— Ведьма в истерике, — последовал тихий ответ.

Мы, Яги, народ жутко жалостливый — ведьму тоже жалко стало. Застегивая сарафан, я вышла из-за печи, подошла к Стужеву и не сдержала улыбки, когда он взял и сам все застегнул. С такой заботой и нежностью.

— Саш, — обвила его шею руками, — зачем она тебе вообще понадобилась?

Его ладони скользнули на мою талию, прижимая сильнее к телу сказочного злодея, и, склонившись к самым губам, Князь прошептал:

— Темные практически неуязвимы, но у ведьм есть парочка заговоров, способных обездвижить их на время.

Смотрю в сине-серые глаза моего Кощя и чувствую, как плывет мир вокруг, теряя реальность, краски, важность. И хочется быть и быть в кольце его рук, и чувствовать тепло его дыхания, и видеть, как на его губах играет счастливая улыбка.

— Ритусь, — он с искренним наслаждением произнес мое имя, но дальше устало и достаточно жестко, — мне нужен Херард. Пойми, проблематично наслаждаться семейной жизнью, постоянно ожидая удара в спину.

В этом Саша был прав, а потому я шепотом спросила:

— А что конкретно нужно?

На Князевом лице отразилось поочередно — недоумение, удивление, осознание и откровенная гордость за меня, после чего он тоже шепотом ответил:

— Оригинал Летописи Истины.

Вспомнив картинку, выданную котелком волшебным, я приподнялась на носочках и прошептала в подставленное ухо:

— В хранилище, там столик с золотым ларцом, а Летопись в самом столике, не в ларце.

И опустилась, заглядывая в обалдевшее лицо Стужева. Выглядел он потрясенным. Я подумала и решила потрясти его еще раз, для чего, вновь приподнявшись, прошептала:

— Бери драконов, во-первых, они границу пересекают беспрепятственно, во-вторых, хранилище тебе взломают. — Подумала и добавила: — Котика и Волчика тоже возьми.

— Зачем? — переспросил окончательно потрясенный Сашенька.

— Думаешь, я одна домик няшек грабила? — ответила вопросом на вопрос.

Стужев ничего не думал, Стужев вдруг сжал в объятиях и стремительно поцеловал. А потом, не давая опомниться, еще раз поцеловал, и уже не прерывался на всякие мелочи, типа там Летописи, темные, избушки, зверюшки... Только он, его дыхание, сильные жаркие объятия и поцелуй — требовательный, властный, плавно переходящий в нежный, опьяняющий, настойчивый... в котором я растворилась, целиком и полностью отдаваясь любимому.

Я очнулась под грохот своего сердца и взбешенный рык Стужева:

— Через шредер пропущу, лично!

Выплывая из тумана нахлынувших эмоций, осознаю, что мы все так

же стоим посреди избушки и целуемся, причем его руки все так же на моей талии, мои обвивают его шею, и непонятно с чего возмущается Ядвига.

— А дальше чего? Целуются и целуются, полчаса уже только целуются и ничего. А зрители, между прочим, продолжения требуют. И что, вы там уже нацеловались?!

Мы переглянулись. Потемневшие от страсти, чуть рассредоточенные синие глаза Саши окончательно лишили любых посторонних мыслей меня. Князя мои зеленые, кажется, тоже, потому как он тихо прошептал:

— Еще нет.

И снова склонился к моим губам. Нежно прикоснулся, властно захватил в плен, искушая, завоевывая, провоцируя на столь же страстный ответ. Мой змей искуситель, мой сказочный злодей, мой самый невероятный Стужев.

— Эй, да хватит вам! — не унималась Ядвига. — Кому-то там куда-то спешить как бы надобно.

Прорычав ей в ответ что-то ругательное, Саша, не отрываясь от поцелуя ни на миг, подхватил меня на руки и вынес из избушки. Там, стоя на пороге под навесом и удерживая меня, продолжил дело с поцелуями, правда, теперь целовал нос, щеки, скулы, подбородок, волосы, глаза...

— Счас съест, — меланхолично заметил Серый Волк.

Я рассмеялась, Стужев остановил свою поцеловательную деятельность и сообщил:

— Уничтожаю Летопись, запечатываю переходы и валим в медовый месяц... на год.

— Э-э... — протянула я, — а как же учеба, дом, ужин у моих родителей, моя ягушенская карьера?

— Я сказал — медовый месяц... тыфу ты — год!

— Сашенька, год — это как-то много, — не могла не заметить я.

— Ритусик, — он снова прикоснулся к моим губам и выдохнул, — я не то чтобы не нацеловался, я еще и не насмотрелся на тебя. Год. А будешь вредничать — два.

И только хотела ответить, как Князь решительно подытожил:

— А лучше даже три на необитаемом острове, и чтобы ни одна, — злой взгляд на избушку, — книга рядом не отсвечивала.

Улыбнувшись, я укоризненно головой покачала, но все-таки не смолчала:

— Стужев, насмотреться и в университете мог, времени хватало.

А он вдруг стал совершенно серьезным и тихо ответил:

— Не мог.

— Что? — не поняла я.

Саша мягко отпустил меня, помог встать на ноги, придержал, когда в длинном подоле сарафана запуталась и распутаться потребовалось, а потом вдруг крепко-крепко обнял, сжал так, что дышать стало сложно, и прошептал едва слышно:

— Ничего ты не понимаешь, Маргош. Не мог я на тебя смотреть. Никогда не мог. Всегда сердце замирало, дыхание перехватывало, а в голове всего одна страшная мысль: «Эта девушка не для меня».

И отпустив оторопевшую от подобного признания начинающую Ягу, обошел, сбежал по ступеням вниз и скомандовал:

— Ты, медный, и ты, с зелеными крыльями, ко мне, мы на задание. Кот, Волк, вы со мной, остальным охранять избушку.

Причем никто даже не возражал! На медного дракона Саша взобрался сам, на зеленом Кот Ученый и Серый Волк уместились, и они все взлетели и умчались в ночное небо, оставив потрясенную меня босиком стоять на пороге.

Издали вдруг донеслось:

— Рита, в дом, живо, простишь!

Медленно повернувшись, я вошла в избушку, задумчиво прошла к печке — огненный вихрь засосал внутрь. Там сидел ураг Херард с четвертой, если учесть наличествующие пустые, кружкой медовухи. И рядом с ним Мислава, а чуть поодаль Ядвига, а я... Я стояла растерянная и все поверить не могла в его слова.

— Опять гадость сказал? — Книга всплеснула призрачными руками. — Вот гад гадский, любит же, больше жизни любит, а за языком последить не додумался! Няшка вреднючая!

Мотнув головой, пробормотала:

— Не гадость...

И с тоской вспомнила, как часто, глядя на него, я думала, примерно то же, что и он: «Этот парень не для меня». И при таком подходе ведь даже не влюбишься... а хотелось.

— Рита, — позвала меня Ядвига, — что-то случилось?

— Да, — отозвалась рассеянно, — я влюбилась... окончательно.

Тишина в помещении и осторожный вопрос Миславы:

— Только сейчас?

— Да погодь ты, она всего второй день замужем. — Книга мечтательно вздохнула. — А свадьба-то такая оригинальная была...

Я с подозрением на Фолиантовну взглянула, потому как о том, какая была свадьба, могут знать только двое — я и Стужев, в остальном... Взгляд

мой упал на котелок, на книгу, на котелок, на... И ведь кое-кто все словечки слэнговые знает, и историю моего мира...

— Ягусь, — подозрительно смотрю на нее, — а ты точно не айфон, не?

Яга руками развела, да и улыбнулась загадочно. А после обратилась книгой, из книги призрачная рука появилась и пальцем поманила. Осторожно подойдя, взяла фолиант, книга открылась, несколько страниц перелистнулось, и появилась надпись: «Я круче, я впитываю нрав, воспоминания, мировоззрения каждой Яги. А как иначе прикажешь обучать вас, это же под каждую подстраиваться надо».

Стою в шоке. В книге появилось еще несколько строк:

«Урага дожимай, мне идея революции в империи нравится, пущай между собой отношения выясняют, а на чужой огород не зарятся. Ибо их сила токмо в единстве, а наша в банальном: „Давайте жить дружно“. Опять же, опосля морока Таэлона появились сомнения в цельности Темного двора, так что... Чего стоишь? Работай. Как говорится, называлася Ягусей — залазь в ступу и не вякай».

— Какая ты... вредная, — не сдержалась я.

— Вся в тебя, — гордо ответила книга.

— Да не, я смотрю, тут такой самобытный характерец нарисовался. — Просто не люблю, когда мной командуют.

— Да, я тебя тоже люблю, — выдала Ядвигу, а далее исключительно словами по бумаге: «Обработай урага, он токмо тебя слушает... знаешь, есть такие дураки, которые правду говорят, и умные их обычно слушают».

— Это ты на себя намекаешь? — разозлилась я.

— О чем вы там беседуете? — поинтересовался Херард.

— Она надо мной издевается, — честно призналась я.

Затем прошла, села рядом с урагом, тот даже кружки к себе пододвинул, чтобы у меня место было, и грустно сказала:

— Демона тоже жалко.

Ядвига громко фыркнула. Хмуро глянув на нее, продолжила:

— Все равно жалко. И отряд няшенский.

За окнами притихло потрескивающее пламя, у нас здесь было тепло, хорошо, сухо, уютно даже, вдруг темный произнес:

— Они живы, но мы не можем их достать.

Вот теперь мы все втроем повернулись и посмотрели на урага, даже Ядвигу призрачную голову из книги вытащила.

— Котелок ваш. — Херард указал на очаг.

Но мы все продолжали смотреть на темного, он встал, взял казан,

принес, поставил на пол передо мной, потом сходил за прутиком, мне в ладонь вложил и сказал:

— Смотрите, я покажу то, что известно мне.

Я, естественно, тут же прутик в воду, поверхность мигнула, и мы увидели надпись белым на тьме, состоящую всю сплошь из непонятных закорючек, рун и иероглифов.

— Да, мы все поняли, — ехидно вставила Мислава.

— А-а... мм-м... наша письменность, простите. — Ураг вдруг протянул руку и накрыл мою ладонь.

Его рука была теплой, сухой, странной... дрожь пробежала по коже, искрой сверкнула меж пальцами, промчалась по веточке, коснулась воды... В тот же миг непонятные символы и закорючки превратились в привычные русские буквы, и я с удивлением прочла:

«Седьмые сутки в снежном безмолвии. Три дня назад, едва утихла буря, поисковые заклинания обнаружили поселение. К сожалению, выяснилось, что это группа Мастера Георгия. В полном составе. Помимо этого в ней оказались Куратор Руслан, посвященный Мастер Олег и маг-учитель Алкер. Им известно обо мне, но учитывая наше превосходство в силе, удалось настоять на мне. В данный момент обустраиваем временное жилье. Здесь странно течет время, по словам отряда Мастера, они находились в Зиме уже два дня, но по моим подсчетам не более четырех часов».

И все растаяло.

— Откель сообщеньице? — поинтересовалась Ядвига.

— Было передано Черным Навьим богом вечером, еще до вашего, Рита, эпического вторжения. Драконы схватили меня в момент, когда проводилось военное совещание.

Опа-ся. Просто опасюшечки.

То есть, оживший Стужев помчался к деду, сообщил о произошедшем, да еще и до Демона добрались.

— А с какой целью Янчик вам это передал? — торопливо спросила я.

— «Янчик»? — переспросил ураг Херард.

— Касьян, — поправилась я.

Темный хмыкнул, видимо, по поводу моего обращения к Черному богу, и спокойно, даже чуть насмешливо, ответил:

— Семейство Кощеево никогда не гнушалось шантажом.

— Излюбленный метод, — вставила молчуния Мислава.

Я просто пожала плечами, что есть, то есть, такие уж они.

— Вас это ничуть не опечалило? — проникновенно поинтересовался

ураг Херард.

— Да ладно, ваш Дайрем вообще Кощея моего убил, — достаточно жестко напомнила я.

Тишина, затем книга меланхолично-подозрительно:

— Змеюка яйная.

— Что? — не понял сути оскорбления ураг Херард.

Я с самой милой улыбочкой пояснила:

— Ядвига, как и я, возмущена вашей попыткой повлиять на мое отношение к семейству Кощеевых.

Вскинув бровь, темный поинтересовался:

— То есть вы абсолютно и полностью оправдываете действия данных субъектов?

Нет, ну каков гад!

— Ураг Херард, — все так же улыбаюсь, — так только, на будущее, я никого не оправдываю, и уж тем более это сказочно-злодеистое семейство, но в любой ситуации, абсолютно всегда я встану на сторону Кощея-младшего. Прав он или нет, правильно поступает или не очень, я на его стороне.

Хмыкнув, темный коварно поинтересовался:

— Это называется стокгольмский синдром? Или правильнее будет сказать — рабская покорность?

— Это называется — семья, — мрачно отрезала я.

Темный заткнулся. Почему-то глянул на книгу, и Ядвига не преминула вставить веселое:

— Угу, поумней некоторых будем.

Я же ничего не сказала, я думала. Мне вообще очень идея книги понравилась, чтобы там они между собой разбирались, на темной стороне, и нас не трогали. И тогда Терра опять будет с Ёжками, избушки не на болотах тусоваться начнут, а я... с Сашей. Хотелось увидеть сказочную живность свободной и вообще...

— Мислава, — я на призрака взглянула, — помнится, Иродушка-богатырь говоривал, что всех Ёжек произвести князь приказал, так ли?

Не успела Яга ответить, как я увидела улыбку, мелькнувшую на губах урага Херарда. Вспомнились мне слова Илюры-воеводы: «Когда старшая дочь у князя Святополка Володимировича пятнами черными пошла — все черную магию заподозрили, да на второй день и старший сын-наследник Святомир слег с болотной лихорадкой, а все знают, болезнь эту только Яги и насылают в качестве наказания. Взбеленился князь, приказал всех Яг произвести-изничтожить, да меня отрядил, лучшего богатыря своего».

Заметив мой пристальный взгляд, ураг Херард развел руками и вполне искренне признался:

— Эту операцию разрабатывали лично Дайрем и Ортэйн, сыновья и наследники княжны тьмы. И если внедрение началось два года назад, то подготовка велась давно. Поймите, у нас нет права на ошибку, если что-то свершается, сбоев практически не происходит, к тому же всегда есть несколько вариантов исполнения плана. Яги будут уничтожены, система уже запущена, сам Ортэйн — более пятнадцати лет главный волхв при князе.

Мы с Ягой переглянулись, Мислава и вовсе добавила:

— Не тянуться нам с темными, силы много, коварства еще более будет.

— А счастья нет, — задумчиво сказала я.

И Стужева у них тоже нет. И вдруг я это отчетливо поняла — у них нету Кощея-младшего! А у нас есть! А еще сдается мне, что Сашенька им не в первый раз все планы ломает.

— Кстати, — начинаю осторожно, — а чего хотело от вас семейство Кощеев?

Видимо, ураг не счел мой вопрос опасным, а потому ответил вроде как честно:

— Свободный проход через границы.

Опачки!

Книга моя аж подпрыгнула, я же, невинно похлопав ресницами, совсем осторожно спросила:

— Ураг Херард, мне так показалось, я чего-то не понимаю, или на данный момент все сбои в ваших планах были фактически только из-за Кощея-младшего?

Мне не ответили. Темный теперь смотрел злыми, чуть сузившимися глазами и едва не скрипел зубами.

— Мой герой, — восторженно протянула Ядвига. — Все, Ритусик, я ему все простила, и я его люблю, и не смей мне больше обижать Сашунечку!

Сдержанно улыбнувшись, я прислушалась к раздавшимся снаружи звукам, а затем уже и прислушиваться не потребовалось — в избе послышалось громкое:

— Маргошик, ты где?

Печь даже просить не пришлось: дыхнувшее огнем мгновение — и стою я посреди избы. Стояла меньше секунды — налетел Стужев, сжал в объятиях, приподнял, закружил, потом стремительно поцеловал и, глядя в мои распахнутые от удивления глаза своими сияющими от счастья,

прошептал:

— Ты чудо, Ритусь!

Я несколько растерялась, чем моська злодейско-геройская воспользовалась в целовательных целях. И не знаю, насколько дело бы затянулось, не услышь я злого:

— Ильева!

Вздрогнув, оторвалась от Саши, глянула на дверь... Нина Паташури, грузинка из параллельного класса, стояла, уперев руки в бока, и на лице ее ужасала окружающих жуткая гримаса. Сама Нинок выглядела странно — длиннющие волосы до колен практически, длинные черные ногти — когти, мертвенно-белая кожа, ярко-алые губы, черные глаза сверкают, внушительное декольте не сверкает, но внимание привлекает не меньше.

— Мила, испарись, — беззаботно скомандовал Стужев, спускаясь поцелуями с моего виска к щеке.

Оттуда к губам, но тут уж я отстранилась от него, мрачно посмотрела и спросила:

— Это кто?!

Няшка Алекс еще не понял, как вlip, и спокойно ответил:

— Ведьма. Разве не видно, Маргош? — и улыбнулся шире.

Сволочь кощеистая!

— Какая ведьма, Стужев?! — прошипела я.

И вот тогда кое-кто сильно сгупил, выдав невинное:

— Моя.

Я на мгновение дара речи лишилась, а вот зверье мое — нет, Кот Ученый спокойненько так:

— Кочергу, хозяюшка?

— Топорок? — внес свое предложение и одновременно какой-то здоровенный мешок Серый Волк.

— Метелочку? — Лиса Патриеевна тоже в стороне не осталась.

Я же, оценив габариты супруга, очень недобро попросила:

— Кочергу, пожалуйста.

Нужный предмет был мгновенно передан Гусем, который, видимо, не забыл Стужеву разборок с придушением, и, перехватив орудие возмездия, я угрожающе переспросила:

— Чья ведьма, говоришь?!

На лице гада кощеистого отразилось некоторое понимание, после чего Саша взял контроль над ситуацией, забрал у меня кочергу, нежно очень и деликатно, а затем весьма грубо скомандовал Нино «Выходи!». Эта, которая, оказывается, не Мила, развернулась и вышла. Но дверью хлопнула так...

Глина с потолка посыпалась, и щепки от косяка отлетели.

— Дома у себя так хлопай! — заорала я.

На улице раздалось гневное «Грррр». Открылось окно, всунулась морда моего коня монструозного, и он опасливо так:

— Хозяйка, тут это... тетка странная, питательные элементы наружу, и рычит. Боюсь, как бы не пристала...

— К кому? — не поняла я.

— Так Иродушка-воевода с войском своим, как и договаривались, подъезжает. А Гад Змеевич уже на подлете, вот, почитай на посадку пошел. А тут такие питательные элементы... — Тут коня кто-то стукнул и он обиженно: — Эй, коли сама аки девка на тракте вырядилась, так не взыщи за правду матушку... Эй!

— Нино, патлы повыдергиваю, если коня еще раз тронешь! — заорала я.

И попыталась было выйти да разобраться, но Саша удержал.

— Мила... — Голос его прозвучал негромко, но очень убедительно.

Из-за двери раздалось глухое:

— Поняла, хозяин.

Там стало тихо. Конь монструозный с уважением глянул на Кощея-младшего, потом с сочувствием на меня и голову из окна убрал. После еще и ставни закрыл.

Стужев же кочергу отшвырнул, меня к себе снова развернул, обнял ладонями мое лицо и прошептал:

— У меня шесть ведьм, Ритусик. Они выполняют каждое мое слово, каждый приказ и полностью подчинены мне. — Я чуть не зарычала, совсем как Нино пару минут на улице. Князь спокойно продолжил: — Понимаю, что тебя эта информация не обрадует, но ведьмы мне нужны. Точка.

Мне очень хотелось сказать что-то резкое, но все же:

— Почему Нино называла себя Милой и вообще вела себя по-другому?!

— Я приказал, — спокойно ответил Стужев. — И она полтора года считала себя Милой Смирновой, искренне верила в это и совершенно не помнила меня.

У меня челюсть отвисла. Банально. Князь улыбнулся, легким движением руки вернул ее в исходное положение и добавил:

— В любом случае подчиняться мне для них предпочтительнее слепого повиновения Гекате, собственно, это был их выбор. А от шести сильных ведьм не отказываются, Маргош.

Смотрю на него. Большиими, полными слез, обиженными глазами.

— Что? — не понял Саша.

И меня понесло:

— Какая же ты зараза, Стужев! Какой же ты гад гадский! Кощеюга злодейстая! Няшка озабоченная! Да ты же с ними... Елдыга сиволапая!

На все это ответом мне было задумчивое:

— Как, говоришь, жениха твоего звали? — Я умолкла, а Коша зло продолжил: — Кстати, вопрос, который меня уже давненько мучает: ты с этим Владом целовалась?

Тут уж все, мое терпение кончилось!

— Ну, ты не сволочь последняя, а? — заорала разгневанная баба Яга. — Волк, кочергу мне, млин!

Стужев, ничуть не убоявшись, обнял уже за талию, пожал плечами и весело ответил:

— Не-а, я не последняя, я первая сволочь, — и улыбнулся.

Во все свои зубы!

— Нравится мне твоя улыбка, — прошипела я, перехватывая-таки всученное мне орудие возмездия.

— Делает мой оскал беззащитным? — догадался Стужев. — Ритусь, давай-ка мы раз и навсегда пресечем любые сомнения по поводу моей верности.

А после вдруг опустился и, встав передо мной на одно колено, отнял кочергу, вложил в мою повисшую от удивления левую руку, сам захватил правую обеими ладонями, поднес к губам, нежно поцеловал и произнес тихо, но как-то очень торжественно и уверенно:

— Отныне и навеки, пока стоит Земля и светит солнце, тьма встречается со светом, да вода гасит огонь, ветер поет песнь жизни и земля растит семя — я твой сердцем, душой и телом.

Сказал, осторожно поцеловал мои дрогнувшие пальцы и поднялся, с улыбкой глядя в мои глаза. Я стояла ни жива ни мертва, потому как слова словами, но у моих зверей вид был потрясенный, даже у печки заслонка от удивления приоткрылась.

— Са-а-аш, — протянула перепуганная я, — это что сейчас было?

— Клятва верности, — совершенно спокойно ответил Стужев. — Ты же мне не доверяешь, вот и пришлось пойти на крайние и жесткие меры.

— Какие меры?

— Жесткие. — Он усмехнулся.

— Насколько жесткие? — Мне вдруг стало очень страшно.

— Ну, — Кощей-младший невозмутимо и даже как-то безразлично развел руками, — после произнесения данной клятвы измена для меня

равносильна самоубийству.

У меня дыхание перехватило. И просто не выдержала:

— Стужев, ты что, рехнулся?! Не надо мне такой клятвы!

Теперь от удивления отвисла челюсть у Саши. Но он быстро пришел в себя и попытался объяснить:

— Маргош, так я тебе изменять теперь не буду, пойми, я...

— Слушай, Стужев, верность до гроба — это как-то не мой предел мечтаний! — фактически крик был.

Потому что измена или нет, а он... он мне живой нужен, он...

Князь изумленно вскинул бровь, потом неодобрительно головой покачал и протянул укоризненно:

— Ритусь, радость моя, ты что, настолько в меня влюбилась?

Орать я перестала. Возмущаться тоже. У меня вообще руки опустились, голова тоже и глаза, полные слез. А гад этот восторженно так:

— А приятно, слушай. Но вообще предполагал, что я тут один дурак влюбленный.

— Нет, — я носом шмыгнула, — нас двое.

Саша улыбнулся и обнял. Молча уткнулась в его грудь и услышала очень тихое:

— Маргошник, не хотел тебя напугать, просто от вас же отец уходил, я так понял, что для тебя это осталось, как рваный шрам на душе, и у тебя вообще проблемы с доверием, вот и сказал клятву, чтобы ты знала — я тебе изменять не буду.

Молча кивнула и попросила:

— Клятву забери. Мало ли что в жизни бывает, а...

— Рит, — он ласково по спине погладил, — такие клятвы назад не забираются, впрочем, я бы и не взял свои слова обратно. И тема закрыта.

Последнее предложение было сказано жестко, сразу ясно, что спорить не получится. Я и не стала, просто прошептала едва слышно:

— Тебе тоже изменять никогда не буду.

— Да я даже не сомневался в этом, — самодовольно выдал Стужев, разом лишив меня чувства растроганности моментом. — Мне вообще никогда не изменяли. Какой смысл? Учитывая мой темперамент, опыт и знание тонкой женской натуры, не говоря о фигуре...

Ну все!

— Где моя кочерга?! — прошипела я, пытаясь вырваться.

Князь сжал в объятиях и откровенно расхохотался. А отсмеявшись, нагнулся и прошептал в ухо все еще пытающейся вырваться мне:

— Кстати, я говорил, что ты удивительно умненькая девочка, а? Идея с

драконами — великолепна. Ты махом лишила темных их главного преимущества.

Пинаться я перестала, вскинула голову, посмотрела прямо в нахальные синие глаза и честно сказала все, что о нем и о ситуации думаю:

— Стужев, ты мне должен!

— За что? — опешила няшка кощеистая.

— За порчу казенного имущества, а именно — моих нервов! — рявкнула я.

— Хм, — он задумчиво меня осмотрел, — это еще хорошо, что ты мне счет за надругательство над невинностью не выставила.

— Я подумаю над этим! — Кстати, реально хорошая идея.

— Язык мой — враг мой, — сокрушенno пробормотал Саша. — И чего твоя душа ягушенская хочет?

— При чем тут моя ягушенская сущность? — не поняла я.

— Да ладно, — раздраженно начал Стужев, — знаю я тебя, сейчас опять начнешь насиловать мою злодейскую сущность своей ягушенской потребностью творить добро. «Твори добро на всей Земле, твори добро другим во благо». Маргош, я себя прямо стареющим шепелявым яйсапиенс ощущаю.

Молча смотрю на него. Стужев зло смотрит в ответ. Я на него. Он на меня. Я на него. Он на меня. Я на него...

— Ладно, сделаю, — прошипел Саша.

Победно улыбнувшись, вернула ему его же:

— Да я даже не сомневалась в этом, — улыбочка стала еще победнее. — Мне вообще никогда не отказывали. Какой смысл? Учитывая мой ягушенский опыт и знание тонкой мужской натуры, не говоря о характере...

Договорить мне не дали, попросту закрыв рот поцелуем. А едва я ехидничать перестала, Саша сурово спросил:

— Ну, и чего моя вредина любимая хочет?

Торопливо выдала:

— Вредина — не знаю, но любимой очень хочется, чтобы ты, а потому что только ты и можешь, разобрался с местным князем и сломал все планы темных по ликвидации Ёжек на Терре. Вот.

У Стужева одна бровь медленно приподнялась, затем странная улыбка на губах заиграла, после чего он восторженно-задумчиво протянул:

— А умеешь ты польстить моему мужскому самолюбию, Ритусь.

— Мм-м? — не поняла я.

— Забей. — Он как-то радостно улыбнулся. — Если это искренне, я

вообще счастлив. Сделаю, малыш. Я для тебя, кажется, уже вообще на все готов.

И вдруг помрачнел и стал смотреть на меня как-то настороженно. А я стояла и улыбалась, вся такая счастливая-пресчастливая. А Стужев ждал, ждал, потом улыбнулся, нежно поцеловал и сказал:

— Ты лучшая.

— Да? — удивилась я. — Почему?

— Ну, я сначала сказал, а потом понял, что сказал, и думал, счас начнутся просьбы и просьбочки. Но ты у меня чудо, Маргош.

И обнял. А я себя почувствовала так, как будто золотая рыбка сказала: «Все, желания кончились». Обидно так. А главное — поздно метаться.

— Только у меня будет одно условие, — Саша отстранился и заглянул в мои глаза, — причем оно не обсуждается.

— Мм-м... — что-то как-то не по себе стало.

— Ты территорией с Всеславой поменяешься. — И сказал он это так уверенно.

— А с чего это? — тут же спросила я.

— Я так хочу, — нагло ответил Стужев.

Из печи высунулась моська Ядвиги и сообщила мне коварным шепотом:

— Так ее территории граничат с царством Кощеевым. И скажу я тебе, Рит, дурные там места, нечисть толпами шляется, водяные гаремы заводят, лешие попойки устраивают, кикиморы дриадам волосяной покров проряжают...

— Шредер, — как-то вдруг очень любезно протянул Стужев.

— А вообще, места там красивые, да, — мгновенно сменила пластинку книжения, — леса дремучи...

— Второе предупреждение, — вставил Саша.

— Высокие в смысле, — исправилась Ядвига Фолиантовна. — И вообще свежий воздух... с ледяных-то гор... — Взгляд на Князя и торопливое: — Всеславушка согласится, ужо я с ней переговорю, токмо ты ее стаю-то волчью попросила бы... Хотя у тебя своя из волкодавов имеется, да и белки, и ежи боевые, почитай справимся, Ритусь. Тока я это, пока у Русланы поживу, а?

И в печке исчезла.

А Стужев, гад коварный, стоит и улыбается.

— Значит, с одной стороны царство Кощеево, с другой — Ледяные горы, да?

— Угу. — Улыбка у него стала такая хитрющая.

— Ну ты... — договаривать я не стала.

В конце концов, у меня имеется регулярная армия, и если драконы соскочили, белки, ежи и волкодавы остаются со мной, и кормить-то их чем-то надо.

— Хозяйка, — позвал Кот Ученый, — места-то там дикие, да ты не печалься, белки-то твои все спиртовые запасы леших употребят, волкодавы почитай нежитью питаются, а ежам страсть как хочется боевых подвигов, им опосля захвата Херарда в глаза белкам смотреть совестно, а на кикиморах повергают свою славу-то боевую.

— Спасибо, Котик, ты прав, — поблагодарила я и поинтересовалась у Стужева: — А Кощеи там в тех местах случаем не водятся?

— В избытке, — протянул довольный Саша, — но исключительно один, а конкретно — младший.

И тут за окном что-то грохнулось. Да так, что моя избушка на курьих ножках подпрыгнула с перепугу, я и сама перепугалась, пока Серый Волк не выдал:

— Гад Змеевич так не приземляется, почитай сам Змей Горыныч явился.

Змей Горыныч! Я метнулась к окну и увидела — огромного трехголового Горыныча! А с ним еще двух трехголовых драконов.

— Аспид Змеевич и Полоз Змеевич, — отрапортовал Волк, как и я, сунувший в окно любопытную морду.

— Ой, — Ядвига тоже с нами рядом оказалась, — а чего это все семейство Горыныча явилось? И дружина Илюры-воеводы, и... — Она вдруг на меня глянула да тише добавила: — И чего это на Змее Горыныче лента свата? Ри-и-ит?

— В смысле? Какая лента? — не поняла я.

— Мля-а-а, — выдал Волк, — так они к тебе свататься, Ритка.

— Да? — Стужев потеснил Волка и тоже в окно выглянул. — И кто именно тут у нас относится к виду трупа живого, потенциального?

— Дык, Илюра-воевода. — Ядвига пожала плечами призрачными. — Почитай туточки Рита у нас Яга свободная, словом не повязана, отцом названным не отдана, сватами не засватана, под венцом не шагавшая, клятьв не...

— Да понял, понял, — оборвал ее Стужев.

После чего шлепнул меня, вот за просто так, легонько, но обидно очень, отчего я мгновенно выпрямилась, перестав в окно заглядывать. А Стужев, насвистывая что-то веселое, вышел.

— Бьет, значит, любит, — хихикнула Ядвига.

Я было возмутиться хотела, а она добавила:

— Урага спасать как будем?

— В смысле? — переспросила хмуро.

— В смысле пока Сашенька, герой мой угрожательно-шантажирующий, занят, темного надобно бы отпустить подобру-поздорову.

Я промолчала, с одной стороны, надо бы, а с другой... тоже надобно бы, не убивать же.

— Необработанный, — прошептала я.

— Обработанный он уже, — прошептала в ответ Ядвига Фолиантовна, — он нам Летопись сдал, не осознанно, но сдал же, а теперь пущай доказывает своим, что невинен, аки агнец.

Книга была права, учтивая порядки на темных территориях, и в то же время...

— Риточка, ты учи, Сашенька его убьет просто по той причине, что ураг — потенциальная угроза.

Это факт.

— А что с Миславой? — спросила я едва слышно.

Но зверье сказочное все расслышало и мордочки поникли. Вот все хорошо, но история с убитой Ягой, это... Ядвига и сама сгорбилась, а я:

— Может, спасти можно? Ну не знаю, живая там вода, мертвяя, мы же в сказке?

— Нет тела, нет дела, — тихо ответила книга. — У Миславы теперь почитай один путь — от злобы избавиться да и шагнуть в жизнь новую, а она...

— Что она? — спросила я.

— Злости много, гнева, на темных обиды, на урага этого, почитай он и заманил-то.

— Откуда знаешь? — спросила с подозрительностью.

— Да, — Ядвига Фолиантовна вздохнула тяжело, — когда Яга появляется и книгу открывает, я получаю все воспоминания ее, но и когда гибнет, мысли последние ко мне летят. Знаю я, все знаю, а как помочь-то, и не ведаю. На мгновение мелькнуло в ней сочувствие к ворогу нашему, а едва он Кощяя очернить попытался, так и склынуло... Не вернется Мислава к жизни, нет пути нового, коли со старого злоба тянется.

Мы обе разом в окно посмотрели. Там Саша как раз подошел к Змею Горынычу и они о чем-то беседовать начали. Причем Стужев Горыныча по плечу дружелюбно похлопывал отчего-то.

— И об чем у них беседа ведется, знать бы хотелось, ой как знать бы! — запричитала книга.

Меня беседа тоже интересовала, конечно. Но Мислава с урагом больше. И вот я стою, что делать думаю, да как-то само вырвалось:

— Нет тела... нет дела... нет тела...

Ядвигу ко мне обернулась, а я:

— Вот смотри — урагу мы доверять не можем, так?

— Так, — согласилась книга.

— А Миславе можем, — продолжила я.

— Ммможем, — Ядвига прищурилась. — Ты сейчас на что намекаешь, Ритусь?

И тут я выдала:

— А можно ли Миславу с урагом Херардом отправить, да не просто так, а чтобы она ему контролем была?

— Типа совесть? — вставил Кот, вот сразу видно, что ученый.

— Ага! — радостно выдохнула я.

— Идея, — задумчиво протянула Ядвига. — А что, своей-то совести у темного нет, подарим ему нашу, ягушенскую. Глядишь, этот усовестится, а Миславушка злость-то подрастеряет.

И на меня поглядела, я счастливая на нее, книга на печь указала да шепнула:

— Ко груди его прикоснись, прямо к коже, аккурат супротив сердца, остальное сама слажу.

Я кивнула и к печи шагнула. Шаг, огонь, да помещеньице уже знакомое. Только вошла — мигнула Мислава, дымком стала и исчезла. Ураг же пятую кружку медовухи одним глотком осушил да на меня хмуро взглянул. А я на него, на камзол, на рубашку черную, под ворот застегнутую, на жилетку из чешуек драконов, что из-под камзола виднелась... Резко выдохнула, обворожительно урагу Херарду улыбнулась и ласково приказала:

— Раздевайтесь.

Наверное, впервые в истории этого народа вытянутый кошачий разрез их глаз уподобился почти западноевропейскому. Но Херард достаточно быстро пришел в себя, плавно поднялся, медленно пересек разделяющее нас пространство, склонился надо мной и выдохнул:

— Это предложение? — Я не успела ничего сказать, как темный добавил: — Рита, я искренне надеюсь, что вы осознаете последствия ваших действий.

— Осознаю, — с затаенной улыбкой тихо ответила я.

Темный повел бровью, усмехнулся и прошептал:

— В моем мире это слово означает фактически согласие стать личной

любовницей. Впрочем, я всегда знал, что у Дайрема ни шанса.

Как много развелось самоуверенного народу-то! Но Саша лучше, в смысле самоувереннее, и вообще самый самоуверенный самоуверун. Надо книге сказать, ей понравится.

— Раздевайтесь, — повторила я.

Темный медленно прикоснулся к пряжке на ремне.

— Начнем сверху, — торопливо исправила распоряжение.

Хмыкнув, Херард взял мою ладонь и демонстративно поставил себе на грудь, то же проделал и со второй, после чего собственные засунул в карманы. То есть мне предлагалось действовать самостоятельно. Ну, коварству темных поем мы песню... прощальную над их могилой.

Мило улыбнулась урагу, тот весело подмигнул и хитро усмехнулся. Помня о том, что времени мало, я приступила к торопливой борьбе с пуговицами. Первая подалась с трудом, вторая уже проще. Увлекшись неравным боем, я подошла чуть ближе и поняла, что слишком близко, только когда нервно дернулся кадык темного. Подняв голову, взглянула на Херарда — тот стоял, закрыв глаза, напряженный весь и почти не дышал. Я улыбнулась и тут же услышала:

— Понимаю, что вы задумали какую-то гадость, но не могу отказать себе в удовольствии ощущать вас так близко и наслаждаться прикосновениями ваших нежных пальчиков.

Приступая к третьей пуговице, не смогла удержаться от вопроса:

— Вы всегда такой?

— Какой? — поинтересовался ураг, поглядывая на меня из-за полуопущенных ресниц.

— Флиртуете с каждой девушкой, — пояснила я, спускаясь к четвертой.

Пауза, и на пятой пуговице я услышала чуть снисходительное:

— Не с каждой.

К седьмой он неожиданно спросил:

— Ваша свадьба на Земле была... традиционной?

Воюя с петелькой на камзоле, я несколько рассеянно ответила:

— Нет, у нас жених обычно не выманивает паспорт у матери невесты, собственно, невесты не выходят замуж по причине того, что их «нет» никто не услышал, и...

— То есть вы были против? — невинный вроде как вопрос.

— Меня не спрашивали, — честно ответила я, недобрым словом поминая моду Темного двора.

— Но сейчас вы выглядите вполне счастливой, — заметил ураг

Херард.

— Сейчас, — я наконец справилась с камзолом, — я нахожу поступок Стужева несколько... нестандартным, но по сути...

— Каждая девушка мечтает, чтобы ее избранник проявил решительность, схватил за волосы и уволок в пещеру? — насмешка в его вопросе была очевидна.

— Нет. — Я потянула полы рубашки, открывая смуглую темную кожу на мускулистой рельефной очень даже груди урага. — Девушки предпочитают, чтобы их все же унесли туда на руках, за волосы — это как-то излишне брутально, не находите?

— Полностью с вами согласен, — промурлыкал Херард. — И, несомненно, учту ваши предпочтения, Рита. На счет спальни пожелания есть?

Удивленно взглянув на урага, увидела и его насмешливую улыбку, и внимательный, очень внимательный взгляд.

— Собираетесь меня соблазнить? — удивленно спросила я.

— Собираюсь сделать вас своей, — выдал мне темный, и в его словах читалась абсолютная уверенность в реализации озвученного.

Я же укоризненно погрозила пальчиком, затем проникновенно прошептала:

— Боюсь, ураг Херард, приставать к замужней женщине вам банально совесть не позволит.

И приложила ладонь к его груди, аккурат напротив сердца.

И жду. А темный на меня смотрит, а я жду!

И тут из угла шепот Ядвиги:

— Левее!

У Херарда бровь, причем левая, начала медленно приподниматься. Я, кажется, покраснела, но ладонь пододвинула.

— Ниже, — добавила моя зловредная книга.

Представила себе со стороны картину Репина «Приплыли». В смысле дожились, темных соблазняем! Но ладонь моя соскользнула по плитам мышц, как и было велено. Теперь у некоторых и вторая бровь приподнялась, и уголки губ дрогнули, видимо, ржет, и едва сдерживается.

— Еще ниже и правее! — скомандовала Ядвига.

— А может, мне его всего облапать?! — психанула я.

— А он не против. — Фолианты магические психовать тоже умеют.

Темный же мелко затрясся, причем точно от смеха, и уже собирался мне что-то сказать, но я стремительно сдвинула ладонь соответственно указаниям Ядвиги, и вот тогда-то ураг Херард вздрогнул всем телом уже не

от смеха. И так как моя рука все еще его касалась, я ощутила, как мгновенно похолодела смуглая кожа, как стремительно забилось не ощутимое до того момента сердце...

— Мне жаль, — тихо сказала я, убирая ладонь и отступая, — но вам действительно немного совести совсем не помешает.

Сказала, а на урага взглянуть было страшно. Впрочем, можно же было и не смотреть.

— Печенька, — позвала я, — перемести-ка его к границе темных, будь добра.

В следующую секунду передо мной было пусто.

И тишина. И только огонь в печи потрескивает.

— Ритусь, — позвала вдруг книга, — Рит, а давай мы вот про это все Сашеньке ну вот совсем ничего не скажем, а?

— Шредер штука страшная, — догадалась я.

— Да тут дело в чем, — протянула Ядвига, — я от огня заговорена, от воды заговорена, от зверя лихого, от вандала криворукого, а от шредера нету мне спасения, и уж как про то Сашенька прознал-то, и не ведаю. Чай магия?

— Взятка, — буркнула я.

И шагнула, подумав про избушку — вмиг там и очутилась. Стою посреди, о жизни думаю, а тут Серый Волк мне шепотом:

— Хозяйка, а с награбленным чего делать-то будем?

— С каким? — уточнила я и покосилась на люк в кладовую, что забита была под завязку всем нами у няшек уволоченным.

Волк молча развязал давешний втащенный в избу мешок.

— Ох ты ж копи царя Соломона! — выдохнула я.

Мешок вновь был торопливо завязан, и на меня посмотрели с надеждой и жаждой укромного местечка. А места не было. Нигде не было, кроме...

— Печка-печенька! — взмолилась я.

Моя волшебная русская система отопления, она же способ пищи приготовления тяжело вздохнула, и Волка засосало. Потом вернуло к нам назад, и вид у моего Серого очень довольный был. Я не врубилась с чего бы, да и все остальные тоже, и Кот спросил:

— Чего там?

— Ух, — Волк радостно ощерился, — там еще столько места!

Клептомания заразна.

— Так, — я выглянула в окошко. — Скатерть-самобранку достать нужно, у нас вон сколько гостей набралось.

— Обойдутся! — Колобок запрыгнул на стол. — Чай не трактир!

— И то дело говоришь, — добавил Кот Ученый. — Всякого Горыныча да богатыря кормить, так и кормов не напасешься!

— Так, доставайте скатерть-самобранку, а лучше — две, от вас не убудет! — прикрикнула я.

Курочка с Лисичкой к кладовой-то и метнулись, а Волк вдруг спросил:

— Хозяйка, а с Миславой что?

И Кот смотрит внимательно, и даже Мышка с передничком выглянула, и Колобок, тоже, и...

— Совестью Мислава стала, теперь воспитывать урага Херарда будет, — честно созналась я.

Зверье сказочное переглянулось, Волк хмыкнул:

— Это она может, — и успокоился как-то разом.

Распахнулась дверь!

На пороге стоял высокий статный мужчина, которому, чтобы заглянуть к нам, ссугутился пришлось. Было это чудо в броне, глаза змеиные, волосы зеленые по плечи, обруч тоже зеленый их в узде держит, нос длинный, но странный. Голос низкий, глубокий, содрогательный.

— Уж не откажи, войти дозволь, хозяюшка, — произнес мужик.

Я дернулась, да Волку тихонечко:

— Кочергу подай.

— Окстись, Риточка, это ж сам Змей Горыныч сватом к тебе явился, — воскликнула Ядвига.

— Угу. — Страх испарился, и теперь вредность проснулась. — Тогда топорок!

Змей Горыныч улыбнулся, а оскал там — ух!

— Не гневись, не гони, дева красная, дозволь слово молвить, — произнес он и в избушку, главное, вошел сразу.

Ну я подумала, подумала да на скамью у стола указала. Горыныч прошел, сел... то ли землетрясение, то ли у избы моей от такой тяжести перенапряжение, что ноги задрожали.

— Садись, хозяюшка, разговор у нас будет, — продолжил Змей.

— Это какой?

И вот на это мне сказочный герой как выдаст:

— Я к вам с купцом, удалым молодцом, есть ли у вас живой товар, продайте?!

Я в окошко выглянула, там Стужев с богатырями стоит, у Саши улыбка довольная, Илюра грустный. В общем, кажется, мне сейчас мужа родного сватать будут.

— А хорош ли товар? — спрашиваю подозрительно.

— Хорош-то хорош, — Горыныч подбородок поскреб, — да характер поганый.

Так я и знала!

— Сильно поганый? — просто так уточняю, из любопытства.

— Поганей некуда, — развел руками Змей Горыныч. — Зато богатство имеется, собой пригож, целого царства наследник.

— Та-а-ак, — протянула я, присаживаясь за стол, и спросила прямо: — Это вы мне сейчас Кощея-младшего в женихи навязывать будете, да?

Улыбка у Горыныча все же брррр! Но мужик оказался мировой, кивнул мне согласно, да только ломать комедию далее мне не хотелось. Глянула еще раз в окно, потом на Змея, потом снова в окно на довольного Стужева, подскочила, выбежала на порог и вот прямо с порога во весь голос:

— Илюрочка, богатырь мой распрекрасный, соколик ты мой бородатый... в смысле ясный, уж не засылай сватов, и так согласная я!

И стало очень тихо. Совсем тихо. Оторопели богатыри, остолбенел Гад Змееевич и два брата его, побелел «соколик бородатый», зато некоторые улыбаться сразу перестали! И теперь стоят и смотрят, синими глазами сверкая — точно лед на морозе!

И тут из кустов тихое беличье:

— То-то же, будут знать, как над нашей ведьмой шутки шутить.

— За ведьму Мля! — поддержали ежики.

И над всем болотом пронеслось раскатистое и многоголосое «Мля-а-а-а!».

Стужев глаза сузил, взгляд такой нехороший стал, и выдал перекрытое ревом моей армии:

— Маргош, это от меня сват был!

— Ой, правда?! — Я руки на груди сложила и тоже злым голосом: — А я в курсе, что от тебя.

— Да неужели? — взбешенно-издевательски поинтересовались некоторые.

— А вот представь себе! — орем же друг на друга на глазах всей честной публики.

— Тогда какого черта, Маргош?! — вопросил Кощей-младший.

— Саш-ш-шенька, — прошипела злая я, — ты уж извини, но у меня после первой свадьбы осталась травма психологическая, так что избави боже от второй!

Стужев руки на груди сложил, прям как я, и тоже прошипел:

— Ритуссссы, не хотелось бы тебя расстраивать, но, видишь ли, на

Терре наш брак фактически недействителен.

Моя великая армия выдала печальное:

— Мля-а-а...

Я была не так пессимистично настроена и, мило улыбаясь мужу, радостно воскликнула:

— Да здравствует свобода!

Некоторые нахмурились и добавили:

— Малыш, поверь — от второй свадьбы тебя ни Бог, ни бес, ни ангел не избавят.

Стало тихо. Очень. Как-то даже холодом повеяло.

Мне тоже нехорошо сделалось, стою смотрю на него испуганно. А Стужев, гад, убедившись, что смысл слов достиг адресата, мило улыбнулся и ласково так:

— Ритусь, поздно уже, разбирайся со своим зверьем фольклорным, я урага до утра вырублю, и мы спать.

— Хорошо, дорогой, — сказала я, развернулась и вошла в избушку.

Едва дверь закрыла, послышалось:

— Кочергу?

— Топорок?

— Скалку?

— Мечец-кладенец?

— Какие вы у меня добрые, — растрогалась я, — все в меня.

Ядвига хихикнула, но тут же снова книгой прикинулась, а все оттого, что дверь открылась и Саша вошел. Встал на пороге, оглядел нас, присутствующих, нахмурился и понеслось:

— Волк, остаешься за хозяина, кстати, коняку попастись проводи.

Я посмотрела на своего любимого и подумала: «Какой он у меня заботливый». Но тут Кощей-младший добавил:

— А то он на болотной траве трапанется еще, потом копай ему яму подходящих размеров, копать, кстати, тебе, если что, придется. — Волк как-то весь напрягся, а Саша продолжил: — Буренку захватите. Впрочем, сам понимаешь, для этой тоже яма нехилая понадобится, гуся можешь не брать, я его с удовольствием сам закопаю.

Гусь, собственно, под столом сидевший, гулко сглотнул. Но едва я попыталась вмешаться, Кощей вновь начал распоряжаться:

— Кот, — Саша к нашему Ученому повернулся, — бери свою клептоманскую шайку, сгоняйте на восток, там земли боярина Севостьяна, у него сорт пшеницы особый, волшебный, «Золотой рой» называется. Захватите мешков шесть, волкодавов можешь взять.

— Так пшеница-то та заговорена, — дрожащим голосом вставил мой Котик.

— Саррэн ашас, — произнес Стужев. — Заклинание подчинения «Золотого роя». Собственно, после произнесения пшеница сама в мешки наберется, главное, тару с собой взять не забудьте. И да, как вернешься, Колобку, морде жмотинской, отдашь два мешка, остальное зверью травоядному. Учите, без подпитки ваша курица общипанная скопытится раньше времени.

Курочка Ряба кудахнула, оскорбленная, видимо, до глубины курячей души, но испугавшись угрозы преждевременной гибели, умолкла.

— Волчара, — не хотели некоторые быть повежливее, — я волкодавов на охоту отправил, вернутся с добычей — с тобой, Лисой и Котом поделятся. Коняке не давай, вредно ему это. Книженция, ты наказана, остаешься здесь, — а после мне ласково так: — Все, Ритусик, идем домой.

Откровенно говоря, после всего сказанного я на него была очень зла.

— Сашиненька, — стараюсь не сорваться на ругань, — а можно вышесказанное повторить, но теперь более вежливо и не пытаясь оскорбить всех и вся, а?!

Кощей-младший, с чуть растрепанными волосами, злющими синими глазами и заметно помятый, подошел ко мне, склонился и выдохнул:

— Ритусь, не могу я. Не могу, ясно? Меня бесит необходимость проявлять заботу о ком-либо помимо тебя. И я бы забрал тебя и умотал до утра, но вот этот перьевый комок, — мне указали на Рябу, — на грани подыхания, у коровы — морда печальная, лебединая стая — унылая, книга — наглая, гусь достал, коняка твоя планирует либо сожрать кого, либо копыта отбросить. А я...

— Сволочь, но заботливая, — вставила книга. — Ритусь, забирай уже своего сказочного злодея, он уставший, голодный, вымотанный и невыспавшийся. Это ты у вампиров прикорнула, а Сашенька, он так и не прилег, вот и злой уже.

И Стужев, который явно хотел еще много чего сказать, весь как-то набрал воздуха, потом выдохнул и честно сказал:

— Очень устал, правда.

Ругаться я в тот же миг передумала, обняла его и сказала:

— Давай я нас перенесу.

— Не сможешь, — наклонился и нежно в кончик носа поцеловал. — Тебе Яга Руслана перекрыла любые перемещения вне Терры. Не переживай, справлюсь. Сейчас только урага...

— А заперт он, — торопливо вставила книга, — из печи-то никак не

выбраться.

— Точно? — хмуро спросил Саша.

— Точно-точно, — беззастенчиво соврала Ядвига. — Доброй ноченьки вам, снов сладких, грез яр...

Расслышать, чего она там еще сказала, не удалось — яркий зеленый свет, рука Стужева, крепко обхватившая мою талию, и нас унесло. Домой.

* * *

— Я с Иллюрий-воеводой переговорил, он поддержит. В принципе, они завтра до столицы дойдут, а мы сразу туда перенесемся.

Саша говорил быстро, отрывисто, так же быстро ел. В нашем доме было на редкость много... привидений. Они чинили ворота, поливали траву и сеяли новую, ремонтировали двери, вставляли выбитые окна. Генри и Иван сновали с кухни, в которой на скорую руку приготовили ужин, в спальню, где порядок наводили. А Саша ел, и глядя на то, как сидит, чуть ссуплившись, я сразу поняла, насколько он устал.

— Рит, — остановился, на меня внимательно посмотрел, — тебя сильно вся эта ситуация напрягает, да?

— Какая? — не поняла я.

— То что ты... в водовороте всех этих событий оказалась, что темные напали, а меня не было. — Он глаза отвел. — Ответственность эта с избушкой...

Сжал зубы, так, что желваки ходуном заходили.

— Саш, — я протянула руку, коснулась его напряженной ладони, — честно и откровенно, в данный момент я переживаю только из-за того, что ты уставший и, кажется, на пределе. А когда темные напали, я за тебя очень испугалась.

Недоверчивый взгляд, внимательный такой, напряженный, я спокойно посмотрела в ответ.

— И ругаться не будешь? — осторожно спросил он.

— Буду! — выдохнула я и затем тихо добавила: — Но завтра, а сейчас давай доедай — и спать.

Странное дело, стоило мне сказать последнее слово, как на лице Стужева заиграла такая предвкушающая улыбка. Очень предвкушающая и выражительная.

— Саш, ты устал, — напомнила некоторым.

— Ритусь, не настолько, — сообщила няшка озабоченная и добавила:

— К тому же супружеский долг обязывает, опять же ты мне по всем кредитам должна, так что...

И мне улынулись. Провокационно очень.

Положив вилку на стол, рядом с ней уместила и нож, все равно я уже наелась, к тому же стейк быстрого приготовления — не та еда, которую хочется на ночь, точнее даже, на ее окончание, а у нас, как выяснилось, по местному времени уже пять утра. И, решительно поднявшись, решительно сказала:

— Я — спать. Выплаты по кредитам приостанавливаются вследствие форс-мажорных обстоятельств.

Глянув в мою тарелку, Саша встревоженно произнес:

— Ты почти ничего не съела.

— Я ела пирожки с молоком, меня печка кормила, — честно призналась. — И да, я в душ первая.

Просто мы с братом раньше постоянно за душ ссорились. Так что я решила сразу приоритеты расставить. А поднимаясь по лестнице, с трудом поборола желание позвонить маме. Позвонила бы, но пять утра — не то время, в которое ждут звонка.

— Леди Маргарита, вам помочь? — участливо спросил Генри.

— Нет, сама дойду, спасибо, — пробормотала я.

Дошла. В спальню уже было чисто, на окнах, правда, цветов не осталось, но это неудивительно, учитывая имевшую место оборону Кошечевого дома.

Скинув сарафан и рубашку, завернулась в полотенце, вошла в ванную и обнаружила засаду — душа не было. То есть вот огромное с мини-бассейн джакузи было, а душа не было! Это вообще как называется?!

— Ритусь, — снимающий майку Стужев обнаружился торопливо входящим в спальню, — я тут подумал, ты же у меня без зубной щетки даже.

Молча и выразительно смотрю на полочку, где сияет розовенькая щетка, на батарейках даже.

— И без шампуня и всякой мелочи, — продолжает муж, расстегивая брюки.

Так же молча изучаю взглядом три набора от разных разрекламированных фирм, причем новые и запакованные в подарочную упаковку. Саша вошел, без одежды весь, проследил за моим взглядом:

— А, Генри. Интересно, когда успел?

Из коридора донеслось:

— Хозяин, так пока вы женитесь изволили, время было. Там есть все,

что требуется леди Маргарите. Включая с крылышками, без крылышек... В общем, все. Но если что-то потребуется, я сохранил адреса всех круглосуточных...

Медленно, но основательно краснею.

— Спасибо, Генри, не требуется, — правильно понял мой пунцовый окрас Саша.

Послышался звук закрываемой двери.

Осторожно обняв за плечи. Князь тихо спросил:

— Что-то не так?

— Душа нет, — простонала я, не желая говорить об остальном.

С меня молча сняли полотенце, взяли на руки и утащили в джакузи. Там, отодвинув незаметную панель, Саша извлек ручную душевую лейку, включил воду и сделал мне предложение:

— Расслабься.

— Сашенька, давай я просто быстро помо...

— Расслабься, я сказал, — в голосе отчетливо прозвучал металл.

И не дожидаясь моего ответа, резко развернулся спиной к себе и подтолкнул к стене, вынуждая упереться руками о кафель. В следующее мгновение на спину мне полилась теплая вода, но если бы моей кожи касалась только она — рука Стужева властно заскользила от плеча к плечу, затем вниз по спине... ниже.

— Сашенька, ты же на ногах едва стоишь, — заметила я.

— Ритусь, помнишь, когда ты оказалась здесь впервые, я признался, что ты меня безумно заводишь? Не солгал.

— В каком смысле «не солгал»? — переспросила я.

Он выключил воду, и я ощутила, как гель растекается по моей спине, а затем обе ладони Стужева начали массирующими движениями намыливать меня, совершенно бессовестным образом скользя по всей территории, включая укромные и выдающиеся места. И вдруг Саша прижался ко мне всем телом, сильно и властно, обнял и, касаясь губами виска, прошептал:

— Ты меня с ума сводишь, малыш. Я хочу тебя постоянно, безумно и в любом состоянии.

Его губы нежно коснулись уха, скользнули вниз, руки сжали сильнее, и Князь хрипло продолжил:

— Помнишь, — пальцы медленно от груди по животу, собирая пену, — я сказал, что ты влипла? Солгал, — усмешка, — тогда окончательно вlip я. Ты была обнаженная, — его руки обрисовывают бедра по контуру, — в моей ванной, с перспективой провести ночь в моей постели, и от одной этой мысли в голове темнело.

— Да? — язвительно переспросила я. — Должна признать, держался ты вполне уверенно и падать в обморок не собирался.

— Маргош, — он рассмеялся, — я же после этого спать не мог.

И прижался, выразительно давая понять, в чем заключалась причина бессонницы.

— Почему не разбудил? — поинтересовалась я.

Улыбнулся. Я его улыбку кожей почувствовала и прошептал:

— Не хотел тревожить твой сладкий сон. — Губы соскользнули с шеи на плечо. — Был уверен, что ты меня ненавидишь. Я был абсолютно в этом уверен... до того момента, как ты ответила на мой поцелуй.

Его ладонь медленно спускалась ниже, позволяя забыть обо всем, отбросить тревоги прошедшего дня, расслабиться, раствориться, наслаждаться каждым мгновением рядом с Александром Стужевым.

* * *

Звонил телефон.

Настойчиво, резко, зло. А просыпаться не хотелось совсем, мне было так хорошо и уютно, и чье-то сердце билось рядом. И чья-то рука обнимала.

— С добрым утром, Маргошик, — прошептал Стужев, нежно целуя обнаженное плечо.

Потом потянулся, взял телефон с тумбочки, снова лег и сонно ответил:

— Слушаю.

Он лег на спину, подгреб меня к себе, и едва я уместила голову на его груди, начал осторожно гладить по волосам, а я поняла, что хочу еще спать. И меня даже поза устраивала, и вообще некоторые злодеи, оказывается, очень удобные в буквальном смысле.

— Вся группа исчезла и следов нет? — переспросил Князь, а его рука прошлась по моей спине. — Каким образом? Нет, мы ушли по приказу Руслана. Да, был четкий приказ. Мм-м... пересылайте факсом. Водяным займусь, по остальным пунктам нет. Да. До встречи.

И он прервал разговор.

Сонная я потянулась, отобрала у него телефон, села и, отчаянно зевая, позвонила маме. Уже окончательно проснувшийся Стужев поднял, перевернулся и усадил на себя. А я без ничего вообще. Молча потянулась за одеялом, чтобы прикрыться. Так же молча одеяло у меня отняли, и теперь кое-кто просто лежал улыбался и нагло рассматривал.

— Але? — прозвучал встревоженный голос в трубке.

Запоздало вспомнила, что звоню с Сашиного телефона, и у мамы номер отображается как незнакомый.

— Мамочка, привет, — торопливо сказала, чтобы она не отключилась.

— Рита! — почти крик.

Чувствую себя последней сволочью. Нет, я еще не забыла мамины приливы депрессии, когда она приходила с работы и закрывалась в комнате, даже не здороваясь со мной, и все же.

— У меня все хорошо, — поспешила успокоить. — Жива, здорова и даже счастлива.

В трубке тишина.

— Мам, а как у вас дела?

— Все хорошо. — Голос стал злой. — Пытаемся с отцом понять, где были не правы. Ты мужа семье представишь?

Наверное, на моем лице отразились все эмоции, потому что Стужев протянул руку, забрал у меня телефон и с самым обаятельно-гадским видом промурлыкал:

— Доброе утро, Ольга Владимировна. Да, это я, ваш драгоценный и единственный зять. Докладываю новости с фронта — вы еще не бабушка, у нас все замечательно, а медовый месяц является существенным оправданием некоторой забывчивости, согласитесь? — Не знаю, что ответила ему мама, но улыбка у Саши стала какая-то ехидная, после чего он продолжил: — Нет, разводиться мы не собираемся. Нет, я не гей. Слишком стильно одеваюсь? Согласен, но все равно не гей. Мы обязательно еще пообщаемся с вами на эту тему. Всего доброго.

Нажав отбой, Князь зашвырнул трубку на тумбочку, попал даже, после чего весело подмигнул мне и поинтересовался:

— Сложные отношения с матерью?

Молча кивнула. Саша улыбнулся шире и признался:

— У меня тоже.

— У тебя же мама — Снегурочка! — выдохнула потрясенная я.

Сине-серые глаза сверкнули, на губах промелькнуло что-то горькое, и он тихо пояснил:

— Рита, я злодей, а мама у меня кто?

До меня начало медленно доходить.

— Знаешь, — он потянул, укладывая на себя фактически, и, глядя по спине, задумчиво произнес: — я думаю, правильные родители обязаны сделать две вещи — быть счастливыми и принимать своих детей такими, какие они есть. Видишь, твои несчастливы, и это отправляет жизнь не

только им, но и тебе с братом, а мои... с самого детства дед требовал одного, отец другого, а мама... Мама хотела, чтобы я был добрым, увлекался поэзией и раздавал милостыню бедным.

Я вспомнила первую встречу со Снегурочкой, то, как Стужев не пожелал обнять маму и вообще мимо прошел. А еще мне вспомнилось ее: «Девочка, я мама скромная и тихая, но будешь обижать моего сына...».

— Саш, — приподнялась на нем осторожно, — а почему твоя мама решила, что я могу тебя обидеть, когда мы у тебя оказались, в смысле в доме твоего деда?

— Мм-м... — Взгляд у некоторых уже был плотоядно-мечтательный. — Понимаешь, Ритусь, до тебя единственной девушкой, которую я привел, была Яга Всеслава, вот. — Его ладони плавно переместились со спины на территорию пониже. — И вот она явилась с коварными планами на лишение некоторых и бессмертия, и посмертия заодно.

В шоке смотрю на Стужева, тот мило улыбается мне.

— Ты знал? — спросила недоверчиво.

— Естественно.

— А домой тогда зачем привел?!

— Старость нужно уважать, — весело ответил он. — Дед же тоже поразвлечься любит.

Ну и семейка.

— И? — потребовала я продолжения.

— И нам было весело, а Ёжки поняли, что открытые выступления против рода Кощеева не способствуют самосохранению и крепким нервам, на том и порешили — мы к ним не лезем, они к нам.

— А Снегурочка?

— Ну, мама, — Саша улыбнулся, — ее просто немного шокировал вид моей крови.

— А... — начала было я, но вдруг мир перевернулся, и я оказалась лежащей на кровати, а Стужев устраивающимся на мне.

— И вот знаешь, что реально досадно? — поинтересовался он, вторгаясь в мое личное пространство самым распространенным способом.

— Сашенька, а может...

— Так вот, самое обидное, — он мягко сделал первое движение, — что в итоге они победили.

И он поправил подушку, чтобы мне удобнее лежать было... в процессе.

— В смысле? — переспросила я, из-за любопытства раздумавшая возмущаться.

— В смысле... — Князь наклонился, властно поцеловал, затем нежнее и мягче, и добавил шепотом: — Теперь я целиком и полностью на их стороне. И было бы обидно, не окажись цена моего поражения столь, — он выразительно посмотрел на мои губы, — сладкой.

Это действительно было сладко — его прикосновения, полные нежности, его поцелуи, от которых мир становился туманным и розовым, а главное, на душе хорошо так, и его движения, от которых было сладко, жарко, волшебно. И звонок телефона сквозь сказочное ощущение уединенности в собственном мирке шелковых простиныей и страстных объятий... Телефон умер. Рассыпался на осколки, встретившись со стеной, куда был запущен не пожелавшим отвлечься Стужевым. Я тоже умерла. Рассыпалась на звенящие осколки удовольствия, вслушиваясь сквозь грохот собственного сердца в нежное хриплое «Рита», последовавшего за мной по реке удовольствия Князя.

Спустя несколько минут, перевернувшись и утянув меня за собой так, что теперь я на нем лежала, Стужев задумчиво спросил:

— А что там с Херардом?

— Мм-м? — Я устроилась поудобнее.

— Не «м», а к чему были вялые попытки твоей книги солгать на счет урага? — уточнил вопрос Кощей-младший, нежно обнимая мое тело, лишенное последних мозгов, сил на сопротивление и вообще морально не готовую к допросу меня.

— А обязательно сейчас об этом говорить? — недовольно поинтересовалась.

— Конечно, — невозмутимо ответил Саша. — Ритусь, к твоему сведению, все наиболее успешные и информативные допросы проводятся в постели после... хм... интима.

Устало приподняла голову, глянула в его синие наглые смеющиеся глаза, вновь улеглась и лениво ответила:

— Я попросила урага раздеться, а затем обратно на территории темных отправила.

Тишина.

И несколько потрясенное:

— Мда, как-то даже слишком информативно.

— Не задавай вопрос, коли не ведаешь, что делать с ответом, — выдала я народную мудрость, уткнувшись в плечо Стужева.

— Мда... — кто-то был заметно потрясен, — Рит, а ты ему это

«попросила раздеться» вслух озвучила?

— Извини, дорогой, языком жестов не владею, — буркнула я.

— То есть вслух, — правильно понял Князь.

Молча кивнула.

— Вопрос, — кто-то подо мной ощутимо напрягся весь, — он разделся?

— Мм-м, знаешь, я как-то не сторонник допросов в семейной жизни, — осторожно заметила я и попыталась встать, добавив: — И мне бы в ванную...

Меня властно прижали, пресекая попытку бегства, и Стужев задал проникновенный вопрос:

— Идея была книжкина? — Я уже было рот открыла, но Князь мрачно добавил: — Хотя какой смысл в вопросе, и так ясно, что ты бы до этого не додумалась. Впрочем, — он сжал место пониже спины, — сомневаюсь, что ты согласилась бы, зайди речь о полной обнаженке. Значит, раздевание до груди... хм. Интересная область... — теперь напряглась я, а Саша невозмутимо поинтересовался: — И кого вы в него вселили?

Невероятно! Стужев вот так вот сходу и догадался, а темный так до конца и не понял!

— Совесть, — честно ответила я.

— Совесть — понятие призрачное и несуществующее. — Саша приподнял мою голову, придерживая подбородок, заглянул в глаза, улыбнулся и прямо спросил: — Миславу?

— Балдею от тебя, — выдохнула совершенно искренне.

— О, какое признание! — Он потянулся, нежно поцеловал. — Хорошее решение, опять же я так и знал, что на убийство ваша огненно-ведьминская порода не способна.

Теперь потянулась я, осторожно поцеловала и прошептала:

— Я думала, ты будешь злиться.

— Злиться? — переспросил Стужев. Усмехнулся и тоже вполне откровенно признался: — Я в ярости, Маргош.

Испуганно смотрю на него — расслабленный, чуть насмешливый и немного да, злой, Князь казался тигром на полянке перед водопоем. То есть точно знал, что звери сюда все равно придут и никуда от него не денутся.

— И-и? — поинтересовалась я.

— Что «и»? — улыбнулся, с каким-то восторженно-нежным чувством глядя на меня.

— И ты в ярости, и что дальше? — не могла не спросить.

— Ничего особенного. — И улыбается, гад, все шире. — Есть

потрясающая китайская пословица: сядь на берегу ручья, и труп твоего врага вскоре проплынет мимо.

Я нахмурилась, недоуменно глядя на него. Князь поправил мои волосы, заправив пряди за ухо, и прошептал:

— Ты очень красавая.

Пропустив комплимент мимо ушей, я прямо спросила:

— Ты ведь не собираешься сидеть на берегу ручья?

— Естественно, нет, дел по горло, не до рыбалки, — загадочно улыбаясь, ответил Стужев.

— Это было образное выражение, — прошипела я.

— Маргош, не выражайся, — начал подтрунивать он.

Молча смотрю на него, он так же молча улыбается. А я смотрю. А он улыбается. А я смотрю и:

— Не надо засовывать Ядвигу в шредер!

Стужев улыбаться перестал.

— Ну, пожалуйста! — Я поднялась и села все так же на нем, потом взяла подушку и прикрылась. — Между прочим, она очень важный фолиант! Бесценный артефакт ягушенский и тебя любит!

— Вот с этого момента поподробнее, пожалуйста, — попросил Князь и улыбнулся издевательски-коварно.

Задохнувшись от возмущения, я не выдержала:

— Вот гад же ты, а!

— Ритусь, — он плавно поднялся и обнял, прижимая к себе, — про книгу — подумаю. Два предупреждения у нее есть, жить захочет — учтет обстоятельства. Про урага — пока его терзает дух неупокоенной Миславы, наблюдать его мучения гораздо приятнее, чем, собственно, убивать из милосердия. Так что пусть живет... пока.

— Злодеюга ты кощепистая! — не сдержалась я.

— Да-а-а, — самодовольно протянул Стужев, — я такой, за что себя и люблю. И тебя тоже люблю. Что касается остальных, то они делятся по группам — «терплю» и «не терплю».

Обвив руками его шею, я некоторое время задумчиво смотрела в смеющиеся сине-серые глаза, потом прикоснулась к его губам и прошептала, целуя:

— А я тебя люблю, и семью люблю, и весь мир тоже люблю.

— Мм-м... — Саша нежно на поцелуй ответил, затем его губы скользнули по моей щеке, и он прошептал, касаясь уха: — Мне только очень грустно, что ты совсем не любишь себя, малыш. Слышала вашу религиозную мудрость: «Люби ближнего своего, как самого себя»? Так вот,

Ритусь, начинать нужно с себя.

Князь поднялся, удерживая меня в положении «мартышка на дереве», и, направившись в ванную, весело поинтересовался:

— Грейпфрут, апельсин, зеленое яблоко, пачули с какой-то хренью?

— Это ты сейчас о чем? — спросила, чувствуя, как медленно краснею от смущения, и особенно оттого, что в нашем интимном междусобойчике все еще присутствует подушка.

— О геле для душа, — невозмутимо ответил Стужев. — Но ты сейчас так мило краснеешь, что кажется, мы купанием займемся несколько позже очень приятных вещей. Как думаешь, подушка переживает общение с ванной?

— Что?!

— Должок, Ритусь. — Он поставил одну ногу на край бортика джакузи, и теперь я фактически сидела на ней, пока кое-кто озабоченный включал воду. А включив, посмотрел на меня и весело добавил: — Я не настолько великодушен, чтобы прощать тебе выплаты по эротическим кредитам.

— А... а вот это утром, это что такое было?! — возмутилась я.

— Мм-м, я потом придумаю достойную формулировку. — У меня отобрали подушку и швырнули ее прямо в наполняющуюся водой ванну. — Извини, Маргош, в данный момент мозг отказывается работать, уступая общеизвестным инстинктам.

* * *

— Я знаю точно, невозможное возможно, ведь отравиться можно вдруг неосторожно, — напевал Стужев, помешивая что-то белое в турке для приготовления кофе.

Генри едва не грыз пальцы, в смысле кости, глядя на подобное надругательство над его столовым инвентарем.

— Но я слежу за общепитом днем и ночью, что разрешить, что запретить, я знаю точно, — продолжал издеваться над эстрадой и собственным скелетоном Кощей-младший.

Молча оглядела кухню — на столе имелся изрядно покоцанный кекс. Чуть в отдалении небрежно лежала открытая упаковка с такими же, но целыми, из которых никто пока не повыковыривал малиновый джем. А этот, покоцанный, несчастно возвышался в одиноком блюдце посреди стола. На краю того же стола имелась банка сыра «Маскарпоне», упаковка с

сахарной пудрой, желтки яичные, перемешанные со скорлупой прямо в упаковке, ваниль в стручках и порошке, плитка черного шоколада.

— Я знаю, как ничем не отравиться, три раза воду вскипятить, чтобы раз... О, закипает!

И Саша, продолжая самозабвенно помешивать, подхватил турку, шагнул к столу и, застыв, недоуменно оглядел ингредиенты. Еще немного помешал белое варево, потом выдал:

— Генри, и где мне все это мешать прикажешь? Кастрюлю давай!

Несчастный скелет метнулся к шкафу, извлек монстра литров на десять и замер под злым взглядом Стужева. Тому было достаточно изогнуть бровь, чтобы Генри все мгновенно осознал, жестоко раскаялся и достал глубокую тарелку.

— Уже лучше, — пробурчал Кощей-младший, — давай сюда.

Дрожащими руками тара была водружена на стол, после чего Стужев отложил ложку, коей мешал варево, достал телефон, включил и прочел вслух:

— Тоненькой струйкой и непрестанно помешивая влить белки в сыр «Маскарпоне»... — взгляд на тарелку, на сыр, на турку с белой субстанцией. — Генри, вот если по-любому мешать буду, на кой им тоненькая струйка, а?

И не дожидаясь ответа, Саша выключил телефон, засунул в задний карман джинсов, затем вылил все белое и тягучее, как патока, в тарелку, турку швырнул на стол и взялся ложкой выгружать сыр в ту же тарелку. И только опустошив полукилограммовую упаковку, стал мешать все, что мешаться отказывалось.

— Прив! — Оклик на весь дом.

Привидение мгновенно появилось перед хозяином, чтобы услышать:

— Вали наверх, осторожно постучись... постучись, ты понял? И спроси леди Ритусика...

— А спроси меня сам, — обнаружила я свое присутствие и шагнула в кухню.

Он вскинул голову, посмотрел на меня, окутывая волной нежности, и улыбнулся. Я улыбнулась в ответ.

— Доброе утро, леди Маргарита, — поприветствовал меня скелет.

— Доброе утро, Генри, доброе утро, привидение, — вежливо поздоровалась я.

— Леди Маргарита, прекрасно выглядите, — тоном дамского угодника произнес Генри.

Я смущенно поправила платье и едва слышно выдохнула:

— Спасибо.

Увы, мои шорты, майка и кроссовки остались там, в мире темных в вампирском замке, сарафан мне надевать совсем не хотелось, и оставался выбор — мои джинсы от мавок и очередная Сашина майка, или вот это вот зеленое платье. Почему-то выбралось платье. Наверное, потому что к нему имелись туфли и сумочка, а вот в гардеробе у Стужева ни одной зеленой вещи не было, следовательно, вариант с джинсами не катил и... Ладно, мне просто очень хотелось надеть платье, распустить волосы и посмотреть на реакцию Саши. Реакция определенно была — Стужев все так же стоял, улыбался и не отрывал от меня взгляда. И даже блюдо своего приготовления не мешал больше, просто стоял и смотрел.

— Нравится? — не могла не спросить.

Кошечка-младший заметно сглотнула и хрипло произнес:

— Ты очень красивая.

И его взгляд вновь заскользил по подолу платья, поднялся выше, а после Стужев еще более хрипло спросил:

— Это ведь чулки, да?

Синие глаза заметно затуманились.

— Стужев, даже не думай! — Я не орала, но к этому была очень близка. — Я есть хочу, я... я его вообще только надела, я...

На губах Александра Мечеславовича заиграла очень-очень коварная, полная предвкушения ухмылочка! У него вот точно такая же играла полтора часа назад! В итоге час мы провели в ванной, притом что помылись минут за пять! А после он оставил меня одеваться, самолично вытерев предварительно, и ушел готовить мне завтрак. И вот опять.

— Генри, свалил, — не отрывая от меня плотоядного взгляда, выдал Стужев. — Прив, тебя тоже касается.

И оба давно среди живых отсутствующих субъекта тенью метнулись за двери, после чего эти самые двери плотно прикрыли, оставляя меня наедине далеко не с завтраком. И этот «далеко не завтрак», бросив ложку, плавно и хищно двинулся ко мне!

— Сссаша, ты что делаешь?! — Я с трудом подавила желание броситься наутек и то исключительно из-за каблуков — на гладком мраморе плитки в них бегать было бы травмоопасно.

— Я? — с самым невинным видом переспросила приближающаяся синеглазая угроза. — Совершенно ничего не делаю... пока.

— Слушай, Стужев, — я начала отступать к двери, — это уже перебор, не находишь?

— Нет, — весело ответил он, делая еще два шага ко мне.

— Саша! — рванув к двери, подергала ручку и поняла пренеприятное — заперто. — Слушай, тебе еще не надоело?!

— Нет, — прошептали у меня над ухом и мгновенно прижались к моей спине всей мускулистой грудью.

— Ну, Саша, — откровенно заныла я, — ну в третий раз — ну это уже издевательство!

— Во второй, — невозмутимо прошептал наглый покушатель на всю меня, скользя ладонями по моим бедрам.

— Да? — прошипела я. — А утром в постели это что было?

— Разогрев, — хмыкнул он.

— Да? — У меня от возмущения слов не хватало. — А в ванной?

Его пальцы пробрались под юбку и с явным наслаждением пробежались по не утянутой чулками коже.

— В ванной... эм... тяжелая и упорная работа по возврату эротических кредитов. Надеюсь, ты оценила мои старания?

— Саша, — я затаила дыхание, едва он пробрался к краю белья и теперь вовсю изучал тактильные ощущения от кружев, — а давай я оценю завтрак, а?

Меня молча развернули, вынуждая взглянуть в затуманенные от страсти сине-серые глаза, и склоняясь к моим губам, Стужев хрипло прошептал:

— Ритусь, ты меня с ума сводишь.

— Слушай, Стужев, это вообще уже не смешно! — заорала я.

— Маргош, — на меня так обиженно посмотрели, что мне стало стыдно. Этот гад только того и ждал, чтобы, убив дорогущее белье одним движением, коварно прошептать: — А кто тут смеется?

* * *

Сижу и злюсь. Реально злюсь. Заискивающие взгляды, тирамису собственно кощеевского приготовления, маскирующееся под «Графские развалины», чашечка чаю, нежные поцелуи и обещания больше до обеда ни-ни — не действуют.

— Стужев, ты маньяк! — в сердцах выдала я.

— Маргошик, это не я, это все платье, — хоть бы врать научился, гад.

— Злодей озабоченный! — не унималась я.

— Злодейски озабоченный? — посмеиваясь, переспросил Князь.

Молча и хмуро смотрю на некоторых. У некоторых ни капли

раскаяния, зато убойное оправдание имеется:

— Рит, — Стужев подался вперед, накрыл ладонью мои нервно постукивающие пальцы, — у нас, кстати, медовый месяц, мы вообще, по идее, не должны из постели вылезать.

Весомый аргумент, да. Я молча отдернула руку и отвернулась.

Кое-кто плавно поднялся, обошел стол, развернул мой стул, сел передо мной на корточках и сидит, сволочь, и улыбается! Появилось непреодолимое желание пнуть его.

— Ритусь, о моем поганом характере ты знала, — напомнил Кощей-младший.

Даже не смотрю на него.

— Ри-и-и-ит.

Вообще не смотрю. И не буду! Няшка озабоченная.

— Уйду я от тебя, Стужев, злой ты! — не сдержалась в итоге. — И озабоченный! И злой! И...

В двери осторожно постучали. Не поднимаясь, Князь крикнул:

— Входи, Генри!

Скелет приоткрыл дверь, заглянул, после решительно подошел и протянул несколько распечатанных листов. Саша, все так же сидя предо мной, взял, просмотрел, после отослав дворецкого, глянул на меня и предложил:

— Хочешь со мной на разборки?

Хмуро смотрю на него.

— С водяным разобраться нужно, охамел слеганца, — и взгляд на меня такой выжидательный.

Молчу.

— А я тебе мороженое куплю, — начал откровенно искушать Стужев.

Все еще молчу.

— Или колечко с изумрудами и сережки такие же, а? Продолжаю молчать, но уже с трудом пытаюсь сохранить невозмутимый вид и не улыбнуться.

— У тебя взгляд потепел, значит, простила, — заметила няшка наблюдательная. — Ритусик, ну извини, сорвался.

Вот теперь я на него посмотрела, внимательно. А Стужев, вместо раскаяния, с самой нагло-невинной улыбкой выдал:

— А какой реакции ты ожидала, натянув это платье? Это все равно что вишенка поверх пироженки, и тут уж сыр или не сыр, а все равно хочется.

— Стужев, я не пирожное! — разозлилась окончательно.

— Я знаю, — с самым честным взглядом подтвердил он. — Ты куда

как вкуснее, серьезно. — На четко очерченных губах расплывается очередная очень многозначительная улыбочка и уже чуть тише и проникновеннее: — Кстати, я говорил, что ты когда сердишься...

— Сашенька, — я подалась вперед, почти коснувшись носом его носа, — когда я надеваю красивое платье, я хочу услышать про то, какая я красивая! И увидеть в твоих глазах восхищение. Восхищение, понимаешь, а не порчу моего белья и одежду!

Дверь приоткрылась, прекращая монолог оскорбленных и супружеским долгом замученных, влетел Прив с букетом маленьких белых розочек, которые веткой росли. В смысле, с букетом! К которому была прикреплена открытка! Подлетел к Стужеву, передал и мгновенно умчался прочь. Кощей-младший с некоторой осторожностью открыл послание, прочел, просиял и с самым торжественным видом вручил мне цветы. Молча взяла, естественно, сразу потянулась к открытке, открыла, прочла:

«Любимая, прости, я не хотел!»

— Ты-то как раз хотел! — обиженно заявила я, поднеся цветы к лицу и вдыхая аромат.

— Малыш, я тебя всегда хочу, я с этим уже смирился. — Саша рассмеялся, встал и, обойдя стол, вернулся к завтраку.

А я сидела в обнимку с букетом и думала о том, что реально помогает эта идея Генри про цветы и извинительные послания. Вот только...

— Прив, — позвала я.

Призрак мгновенно влетел в кухню и завис передо мной маленьким облачком.

— У нас опять много букетов? — поинтересовалась я.

— Ага, — не стал он отпираться.

— Опять в гараже? — возмутился Стужев.

— Нет, в подвале, — честно созналось привидение.

Князь скривился.

— Ваше коллекционное вино не пострадает, — мгновенно оправдался призрак.

Усмехнувшись, Саша поинтересовался:

— А что там еще есть из извинительного?

— Конфеты, мягкие игрушки, украшения, — честность Прива поражала воображение, впрочем, как и предусмотрительность Генри.

Однако Стужев все понял по-своему.

— Я что, настолько плохой? — возмутился он.

— Почему же? — изумилось привидение. — Еще заготовлены подарочные комплекты нижнего белья, шампанское и другие мелочи,

входящие в категорию Drachenfutter.

Кошечка-младший потрясенно уставился на призрака, а я все же спросила:

— Последнее слово — это что?

— Буквальный перевод «Корм для дракона», — отрапортовала потусторонняя прислуга. — Это общий термин для подарков, преподносимых в том случае, если муж провинился.

Несколько секунд я сидела молча, после чего решила уточнить:

— То есть это я — дракон?!

Саша вдруг резко поднялся и, выдав «Извини, я на минутку», торопливо покинул кухню. Бесполезно! Его хотят я все равно услышала! Привидение тоже, как и шипение Генри на тему: «Прив, ты идиот».

Призрак хотел вылететь, но подумал и остался.

— Правильно, со мной безопаснее.

— Угу, — признало привидение.

Угрюмая я от расстройства съела все приготовленное мне Стужевым подобие тирамису. Несмотря на вид, на вкус было очень даже оригинально, мне понравилось. И чай, уже холодный, тоже оказался вполне даже ничего, и руки, скользнувшие по моим плечам, не такие уж и плохие, если честно.

— Я позвонил Ольге, помнишь ту вампиршу? Тебе сейчас все привезут, Ритусь, включая точно такое же платье.

Запрокинув голову, посмотрела на нависшего надо мной Князя и поинтересовалась:

— А с чего это Ольга будет тратить свое время на очередной...

— Потому что она мне обязана жизнью обоих сыновей, — спокойно перебил меня Стужев. — И поверь, для нее предпочтительнее бегать по магазинам, чем заниматься подготовкой к похоронам.

Он вновь сел на свое место и вернулся к завтраку, тоже уже остывшему. А я тихо спросила:

— Это связано с кланом Спящих? С теми, с которыми ты по телефону тогда говорил, да?

— Да, — просто ответил он.

И вдруг перестал есть и посмотрел невидящим взглядом куда-то в стол.

— Са-а-аш, — я подалась вперед, — что-то случилось?

Промолчал.

— С вампирами что-то? — встревожилась я.

Грустный взгляд и негромкое:

— Ты на меня сильно обиделась?

Опустив глаза, я не нашлась что ответить. Мне неприятно было, это факт.

Из коридора вдруг донеслось:

— Это конфликт ожиданий, хозяин.

— В смысле? Генри, говори понятнее, — требовательно приказал Стужев.

— Мм... Семейная психология утверждает, что супружеские конфликты достаточно закономерны. Ряд исследований в этой области показывает, что на конфликты в семье влияют неадекватные и противоречивые семейно-брачные ожидания и представления.

— Ага, — сказал Кощей скелету, затем пояснил мне. — То есть ты, натянув платье, мечтала услышать, какая ты красавая.

— Ага, — подтвердила я, — а ты о чем мечтал?

— Снять его с тебя, — невозмутимо признался Саша.

— Да, конфликт ожиданий налицо, — грустно признала.

Пожав плечами, Стужев громко спросил:

— Генри, а что там еще с конфликтами?

Скелет бодро процитировал явно строку из учебника:

— Конфликт обычно возникает в процессе эмоционального сближения супругов, особенно когда один из них или они оба незаметно для себя нарушают личностные границы партнера.

Это было не слишком понятно. Я посмотрела на Сашу, он на меня, я на него, он улыбнулся, я тоже.

— Люблю тебя, — сказал мой сказочный злодей.

— А я тебя, — чуть смущившись, призналась Стужеву.

— А пойдешь за меня? — весело поинтересовался он.

— Куда? — во мне мгновенно проснулась подозрительность.

— Замуж, — с улыбкой сообщили мне.

— Так... вроде как... я...

Саша ничего не сказал, молча вернувшись к завтраку. И только когда два яйца, бекон, картофельный салат с сельдереем и петрушкой были съедены, Князь, потягивая кофе, спокойно произнес:

— На Терре наш брак считается недействительным. Причем как для моей семьи, так и для твоих Ёжек, я уже не говорю об остальных, начиная от вампиров и заканчивая темными. Вариантов официального бракосочетания у нас три. Традиционный — три недели со всеми вытекающими в виде сватовства и тому подобного, нетрадиционный — месяц, с похищением, выкупом, боями за невесту и оригинальный — сутки. Причем большая часть обряда не требует твоего присутствия. Что

выбираешь?

— Третий, — практически не задумываясь, ответила я.

Стужев странным образом отвел глаза и с трудом подавил улыбку. У меня вдруг появилось очень неприятное ощущение грядущих неприятностей.

— Как пожелаешь, дорогая, — сказано было ну очень... угрожающе!

Все, теперь мне точно стало не по себе!

— Сссашенька, — начала я встревоженно.

В дверь позвонили.

— О, твоя одежда, Маргошик, — Князь искоса взглянул на меня, коварно так, и улыбнулся, ну очень нехорошо. — Полагаю, ты не выйдешь?

— В местами порванном платье?! — вспылила я.

Он поднялся, обошел стол, склонившись, нежно поцеловал меня и вышел. Прислушиваясь к его разговору с Ольгой, я все еще думала, каким боком мне выйдет вся эта история со свадьбой на Терре? Так ничего и не придумав, решила спросить у Ядвиги, вот она точно знать должна, что это за вариант свадьбы такой. Главное, не забыть.

* * *

Откровенно любуюсь Стужевым. В черной обтягивающей его торс рубашке без рукавов зато с воротником стоечкой, черных свободных джинсах и в черных с темно-зеленой подошвой кроссах он смотрелся неформально, но очень здорово. Кавайненъко так. Небрежно элегантный хвост на затылке, цепочка с фианитом в виде когтя и серьга с топазом в мочке левого уха дополняли его хулиганский образ. А еще черные кожаные браслеты на запястьях. Выглядело модно, здорово, безумно шло его долговязой блондинистой фигуре, и да — неформальненъко так, и анимешненъко. Вот только глаза смотрели слишком серьезно и внимательно для модного хулигана.

— Маргош, — протянул Саша ничуть не ласково, — это что?!

Молча прошла мимо некоторых, прямо к зеркалу в полстены, и в очередной раз полюбовалась собой. Все-таки у вампиров вкус есть — это факт. Обтягивающий джинсовый комбинезончик с очень короткими шортиками мне нравился. Кофточка сверху тоже смотрелась хорошо. В тон к комбинезону крошки, тоже из синей грубой джинсовой ткани, и обруч. Да, джинсовый. Необычно для меня, но смотрелось здорово.

— А я побеседую с Ольгой, — недобро произнес Князь.

— А мне все нравится, — парировала я. — Стильненько.

Стужев ничего не сказал, но метнулся вверх по лестнице. Я все еще крутилась перед зеркалом, когда мне на плечи легла джинсовая безрукавка. Стильненькая, ага, только длиной мне по колено, не говоря уже о том, что на мне смотрелось мешком бесформенным.

— Моя любимая, — с гордостью, в смысле маскируя гордыми нотками проскользнувшие издевательские, произнес Саша, — от сердца оторвал, но для любимой не жалко.

— Издеваешься, да? — сходу поняла все я.

— Нет, — стоит позади меня, смотрит в зеркало, прямо в глаза, типа очень честный взгляд, и даже не улыбается.

— Са-а-аш!

С меня сняли безрукавку. Но перекинув ее через собственное плечо, Стужев вдруг вынул из кармана два черных браслета и невозмутимо напялил на меня. Потом на указательный палец моей правой руки предприняли попытку натянуть серебряное кольцо с изображением черепа. Не вышло — кольцо было внушительным, а палец маленьким. Недолго думая Кощей произвел передислокацию и поселил монстра на моем большом пальце. И все это с таким хозяйственным видом. И на этом дело не кончилось! В мочку левого уха мне вдели серьгу с крошечным зеленым камешком, точно такую же и на второе ухо. Но это ничего, в итоге Стужев извлек цепочку с дохлой летучей мышью на конце, причем мышь была как настоящая, в смысле как будто по-настоящему сдохшая, только воском покрытая, и вот это жуткое украшение застегнул на моей шее. На мой вопросительный взгляд, горевший праведным возмущением, мне ехидненько ответили:

— Надо было соглашаться на безрукавку.

— Стужев! — Да, мое возмущение таки обрело вербальную форму.

— Ну, можешь остаться дома, — мне коварно улыбнулись. — А с делами я, так и быть, разберусь сам.

Крутанувшись, молча пошла к двери.

* * *

На спидометре двести двадцать, в машине орет Ария «Зверь», Стужев уверенно ведет автомобиль, напевая:

— «Ты — невинный ангел, ангел поднебесья,

В этой жизни странной ты не моя.
За тобой тень зверя, вы повсюду вместе,
А теперь поверь мне, зверь этот я!»

На последней строке хитрый взгляд на меня.

— На дорогу смотри, — посоветовала некоторым.

Усмехнулся, крутанув руль, подрезал такси и помчался по встречке, лавируя между несущимся навстречу транспортом.

— Саш-ш-ша, я так поседею раньше времени!

Вернулся в положенный ряд и, снизив скорость аж до ста сорока, затем сделал музыкутише и произнес:

— Помнишь, Мастер рассказывал, чем мы занимаемся? — и, не дожидаясь ответа, продолжил: — По сути, основная функция совета инквизиторов — контроль над нежитью. — Взгляд на меня, улыбка, и он продолжил: — Ведьм на Земле немало, и темного в них зачастую больше, чем светлого. Такие невольно открывают путь на темную сторону Терры. Подобное притягивает подобное, и чем больше мерзости в ведьме, тем более опасный контингент она притягивает.

— Барабашки, полтерgeist, призраки? — пошутила я.

— Бадзуллы, карачуны, вурдалаки, — совершенно серьезно ответил Саша. — Бадзулл — дух бродяжничества, не поверишь — большинство бомжей им одержимо.

Не поверила, сидела и потрясенно смотрела на Стужева. Заметив мой взгляд, он рассмеялся.

— В свое время знал одну ведьму, директора небольшой риэлтерской конторы, она так четко освоила ритуал призыва бадзуллов, я такой отработанной схемы ни до, ни после не наблюдал.

В магнитоле теперь звучала грустная мелодия «А мы не ангелы, парень, нет мы не ангелы», а я смотрела на Кощея-младшего и, откровенно говоря, не хотела верить в услышанное.

— Испугалась? — спросил мой внимательный злодей.

— Да, жутковато, — откровенно призналась я.

Хохотнув, Саша произнес:

— Это еще не жутко, поверь. Помнишь, я упоминал Стефу?

Я отрицательно головой мотнула, Стужев пояснил:

— Невеста мнимого брата нашей таинственной няшки Игната, который Дайрем. Ну так вот, эта малышка специализировалась на вызове карачунов. — Кривая усмешка и задумчивое: — Полагаю, карачуны были

началом, вероятнее всего, «брать» Дайрема, который именовался здесь Станиславом Вяземским, хотел развить ее дар до уровня призыва темных.

— А это возможно? — осторожно спросила я.

— Нет ничего невозможного. — Он улыбнулся мне и перестроился в правый ряд, видимо, чтобы вскоре свернуть с трассы.

Я же осторожно спросила:

— Каракуны — это кто?

Думала, отправит к Гуглу за помощью, но нет, Саша ответил сам:

— Духи гибели, по сути — пиявки, обычно высасывают жизнь, иной раз эмоции.

Мы действительно свернули и теперь ехали уже с нормальной скоростью мимо городского парка. Я задумчиво смотрела на мелькающие деревья, невольно думая о том, сколько всего удивительного, таинственного, невероятного и пугающего появилось в моей жизни. А ведь началось с Игната, и...

— Саш, а вот я однажды видела такого мужика с темной кожей и острыми ушами, он под капюшоном прятался и заподозрил, что я его увидела, — слова как-то сами вырвались.

Удар по тормозам, свист шин, и Стужев резко остановил машину. В наступившей тишине пугающе прозвучал его хриплый вопрос:

— Что?!

Я с перепуга вжалась в сиденье. Несколько машин с руганью и непрестанно сигналя обогнали нас, синие глаза Кощея-младшего полыхали странным пугающим ледяным светом. Всего мгновение, затем, газанув с места и переехав двойную сплошную, Стужев заехал в парк, наплевав на все правила и запрещающий остановку знак.

Затем заглушил мотор, выключил музыку, сжал руль так, что пальцы побелели, и тихо приказал:

— Еще раз, подробно, конкретно, четко и все твои ощущения от встречи.

И взгляд не на меня, куда-то вдаль. Мрачный, злой, напряженный взгляд. При таком раскладе даже мысли не ответить не возникло.

— Это было на второй день после того, как парни мне мое, как оказалось, последнее в жизни свидание испортили...

Несмотря на явную взбешенность непонятно чем, после этих слов Стужев одарил меня внимательно-насмешливым взглядом. И как-то разом успокоился, сел в кресле удобнее, сложил руки на груди и попросил:

— Продолжай. На счет свидания намек понял, буду возвращаться.

— Что возвращаться? — перепугалась я.

— Свидания, — невозмутимый ответ. — Дальше.

Интересно, он мне свидания с Владом возмещать будет или про моего бывшего лучше даже не заикаться? Я решила, что второе безопаснее, и продолжила.

— В общем, я поговорила с Дэном, который Колдун, потом, когда в универ шла, там на аллее меня ждал Игнат. И он, — припомнила ту ситуацию, — время вернулся.

— Как вернулся? — И главное, никакой насмешки, просто вопрос.

— Мм-м... — Припоминалось с трудом, столько событий было после. — Ну, он поднял руку, щелкнул пальцами, сказал пару слов, мир закружился, и он отмотал время назад.

Улыбнувшись, Саша пояснил:

— Иллюзия. Обычное влияние на сознание группы. Дальше.

Мои мысли по поводу «обычного влияния на сознание группы» оставила при себе.

— Дальше мы пошли по аллее, и появилось ощущение опасности, правда, я тогда причину понять не могла.

Стужев не пошевелился даже и все так же улыбался, вот только взгляд — заледенел.

— Дальше, малыш, — ласково попросил он.

А взгляд оставался холодным и злым.

Чуть поежившись, я продолжила:

— Он сказал, что Демон мне плохо зубы заговаривает, и вышел из-за дерева. Уши острые и стоячие, капюшон топорщился.

— Так, — очень уж нехорошо прозвучал Сашин голос, — а Демон что?

— Мгновенно передумал со мной разговаривать, сказал, что занят, и я ушла... не оглядываясь, но уходя услышала, как тот тип сказал: «Дайрем, странное дело, она, кажется, меня увидела».

— Что сказал Игнат? — мгновенно спросил Князь.

— Что-то вроде «не может быть, а вот Мастер засечь способен», — завершила я и вопросительно посмотрела на Стужева.

А Саша молчал. И психовал тоже молча.

— Что-то не так? — осторожно задала вопрос.

— Три момента, — Кощей-младший повернул ключ зажигания. — Ты почувствовала опасность, он называл темного его истинным именем «Дайрем» и да — Мастер не способен засечь гибельника. А вот темного вполне.

Машина завелась с полуоборота, тут же включилась и музыка, а я... я

спросила:

— И что все это значит?

— Что значит? — Стужев мрачно усмехнулся. — Что у темных есть действующий переход на Землю.

И машина сорвалась с места. На скорости, да. Минуты через три я не выдержала и спросила:

— Сашенька, а права у тебя есть?

Улыбка промелькнула на его губах, как лучик солнца в ненастный день, и я услышала чуть усталое:

— Даже на управление самолетом имеются.

— Незаметно, — ехидно подметила я. — Знаешь, мне кажется, правила дорожного движения существуют не просто так.

— Мне кажется, — Саша искоса взглянул на меня, — правила дорожного движения существуют для тех участников дорожного движения, кто не способен сделать, например, вот так.

И наш «Бентли» взмыл в воздух!

И вот я все думала, с чего бы такие маневры, а оказывается, Стужев просто решил срезать через парк напрямик. Буквально.

— Саша, а нас никто не видит? — осторожно поинтересовалась.

— Иллюзия, — кратко ответил он.

Больше я ни о чем не спрашивала, но если учесть, что никто на нас пальцем не показывал, на телефон не снимал и вообще никак не реагировал, то, похоже, действительно не видели.

Промчавшись над аллеями и фонтанами, Саша направил машину в глубь парка, туда, где было неухоженное озеро. Памятую о том, что придется беседовать с водяным, я не особо этому удивилась.

— Ни кольцо, ни амулет, ни браслеты не снимай, — приказал вдруг Стужев, — это защита.

— А сережки?

Легкая улыбка и негромкое:

— Просто подарок.

— Спасибо, — тоже тихо сказала я.

Улыбнулся, протянул руку, коснулся моей ладони и вновь вернулся к управлению летающим «Бентли». Интересно, а на это у него права тоже есть?

Мы приземлились в стороне от аллеи, ведущей к озеру, и тот факт, что стоянки тут не наблюдалось, Стужева совершенно не беспокоил. Он заглушил мотор, вышел из автомобиля, обошел его, открыл дверцу мне, а после повел вдоль кромки воды, вглядываясь в поверхность озера.

Осмотр водной поверхности завершился метров через двести, и, остановившись, Саша ледяным тоном приказал:

— Вылезай.

Озеро если удивилось, то ничем своих эмоций не выдало.

— Не зли меня, — холодно добавил Стужев.

Вода теперь безмолвствовала секунды три, затем раздалось булькающее:

— У меня среди государственных «крыша».

При звуках этого голоса я вздрогнула, но за широкую спину Кощея-младшего прятаться не стала, хоть и хотелось. А Саша... Александр Мечеславович Стужев стоял и смотрел куда-то вдаль, задумчиво и безмятежно. Собственно, с такой же безмятежностью, наверное, айсберг встретился с «Титаником»... кто потонул, а кто поплыл дальше, знают все. И никаких нервов, ни взгляда, ни жеста, ни проявления хоть малейшей заинтересованности...

— А ты от своих или сам по себе? — осторожно поинтересовался все тот же замогильно-булькающий голос.

По Стужевским губам скользнула ухмылка, и это весь ответ. В следующее мгновение Саша с силой сжал мою руку, и это позволило сдержаться, когда из воды начало вылезать нечто! Белоглазое, грязное, покрытое слизью, с губами, как у жабы, телосложением до пояса тоже словно с ней, бородавочной серой кожей, зубами, как у пираньи, то есть черными фактически!

— Маргош, это водяной, высшая нежить, способная накладывать чары подчинения на область обитания, людей и некоторые подвиды нежити, — сообщил мне Саша, — Ульран, это Маргарита Стужева.

Жуткое чудовище после этих слов уставилось на меня белесыми глазами, гулко слотнуло и как-то нервно поинтересовалось:

— Жжена?

Я кивнула. Дальше было уже надоевшее:

— Сочччувстую.

Состояние — выпала в осадок. Потому что вот если мне даже это сочувствует, то слов нет.

— Спасибо, — мило ответила водяному, — но мне все нравится.

На меня посмотрели как на душевнобольную, однако сказать что-либо еще Ульран побоялся и вновь направил взгляд на Стужева.

— Князь, — ощущение, что кто-то говорит, засунув голову в бочку, и это очень страшный кто-то, — меня государственные крышуют, я могу ответить на вопросы изуважения к тебе, но...

— Красивое озеро, — не реагируя на его слова, задумчиво произнес Стужев.

Жуткое серое слизистое чудовище вдруг начало зеленеть. Буквально. И глаза белесые медленно округлялись, и чудовищный рот приоткрывался.

— Очень красивое, — все так же, словно ни к кому не обращаясь, произнес Саша, вот только теперь в его словах отчетливо прозвучал намек.

И водяной затрясся весь и пробулькал:

— Ты... я... меня госконтора крышует, Князь!

— Тебя да, — с улыбкой парировал Стужев. — А вот насчет озера — не уверен.

Следующими изданными водяным звуками были явно грязные ругательства, причем их было много.

— Я с женой, — ледяным тоном напомнил Саша.

Ульран умолк. Затем прозвучало:

— Спрашивай.

Кощею было достаточно одного взгляда, чтобы поклонившись, водяной пробулькал:

— Спрашивайте, хозяин.

Вот после этих слов Саша поймал мою ладонь, переплел наши пальцы, поднес к губам, нежно поцеловал, улыбнулся мне и задал ледяной вопрос водяному:

— Как давно здесь темные?!

Если при угрозе его жилищу Ульран позеленел, то сейчас его кожа приобрела светло-серый оттенок. Неприятный такой, подчеркнувший грязную слизь и бородавки. Но под неумолимым взглядом Стужева водяной затрясся и пробулькал:

— Я думал, вас интересуют внеплановые утопленники... хозяин. Ваши бушевали, что я взял жизней больше оговоренной нормы и...

После такого кто-то возмущенно заорал:

— Что?!

А Саша почему-то сказал:

— Маргош, с этим я потом разберусь.

И тут до меня дошло, что кричала, оказывается, я! Причем громко, и на нас даже обернулась парочка, прогуливающаяся метрах в ста левее, и какая-то мамочка торопливо зашагала с коляской в противоположную от озера сторону — видимо, малыш спал, а тут я ору.

— Простите! — уже гораздотише крикнула я.

Девушка остановилась, махнула рукой и тоже крикнула:

— Да ничего, все равно уже просыпаться время, второй час гуляем.

— А кто у вас? — не могла не спросить.

— Девочка. — В голосе мамочки такая гордость проскользнула.

И вот я стою и улыбаюсь, и она тоже, и тут Стужев:

— А сколько вам уже?

— Семь, — ответила мамочка и рассмеялась. — А вам сколько?

Я поразилась вопросу, но это я.

— Третий месяц, — беззастенчиво соврал Саша и, обняв меня, разместил руку на моем испуганно втянувшемся животе.

— Ну, значит, скоро с нами гулять будете, — крикнула девушка. — Легких вам родов.

— Спасибо, — поблагодарил Стужев, у меня дар речи отказал напрочь, — а вам не болеть.

— Спасибо, — ответила наша собеседница и укатила с проснувшимся малышом.

А в воде кто-то булькал от смеха. Причем заливался просто-таки, запрокинув голову. И это он зря, если честно. Хотя им я займусь попозже.

— Сашенька! — прошипела, едва сдерживаясь.

— Малыш, я просто беседу поддержал. А на счет беременности пока никак, Маргош, прости.

Странное дело — я обиделась. Моя сволочь всепонимающая обняла крепче и прошептала в ухо:

— Дома обсудим, если ты захочешь, я всегда за, только с уничтожением врагов поторопиться придется.

Ничего не ответив, просто положила ладони поверх его рук и постаралась скрыть счастливую улыбку. И меня очередной раз уносит куда-то в розовые облака, где светит ласковое солнышко, поют птицы и просто очень-очень хорошо и так отчетливо чувствуется тепло его прикосновений.

Из состояния счастливой эйфории меня вырвал ледяной голос Стужева:

— Я жду.

И сразу такое чувство, что я спустилась с небес на землю, причем в состоянии свободного полета и без парашюта. Бамц! И вот он парк, спокойные воды заросшего озера, где помимо нескольких бычков, смятых пачек от сигарет и пустой пластиковой бутылки плавает еще и жуткого вида водяной. Невольно вздрогнула, Саша просто крепче обнял.

Не заметивший нашего неверbalного общения водный монстр тяжело вздохнул и забулькал:

— Да по летнему зною о первом слухи дошли.

— Какие слухи?

Вопрос прозвучал тихо, но так, что я невольно поежилась.

Побулькав от чрезмерной задумчивости, водяной сообщил:

— Гибельники странные стали, на имена свои не откликались, словно и не они вовсе, да Гекаты алтарь порушили, а так, почитай, и ничего конкретного, хозяин.

Я после его слов на Сашу сразу посмотрела, но тот стоял совершенно спокойный. Как айсберг, ага. И невозмутимый, как атомная бомба, в смысле он невозмутимый, а всем вокруг нехорошо становится. И...

— Сколько? — задал следующий вопрос Стужев.

— Про девятерых слышал, — отозвался водяной.

Девять. Мне почему-то вспомнились те темные, что с Демоном на дом Кощяя напали. Демон был девятым, а тех, кто в темном облике, — восемь.

— Один где-то гуляет, — задумчиво пробормотал Князь.

— А остальные? — мгновенно вскинулся Ульран.

— Им не повезло, — достаточно жестко ответил Стужев.

У водяного случился шок! Буквально! Потому что монстр протянул руку, схватил пачку от сигарет и начал ее нервно грызть, похоже, вовсе не замечая этого, и в ужасе смотрел на Князя. Саша же хранил небрежно-невозмутимое молчание, и только я, как вспомню его, покрытого порезами и падающего у моих ног, так и выть хочется. В голос. А выглядит, главное, так, словно он и ногтя не поломал, уморив всех темных сходу... С другой стороны, молодец, лицо держит, самурай фольклорный!

Глянув на Стужева, я поняла, что он явно думает сейчас... о моей предстоящей беременности, в смысле скорой гибели врагов всех мастей, и решила перейти к наиболее важным вопросам:

— Уважаемый Ульран, — трясущийся водяной перевел перепуганный взгляд на меня, — так, а что там с утопленниками?

Странное дело: мифологическая субстанция затряслась еще сильнее, напоминая желе в момент шестибалльного землетрясения. И главное — догрызал пачку от сигарет, видимо, в попытке мне не ответить.

— У него норма — один утопленник в пять лет, — произнес Стужев, избавив монстра от необходимости отвечать. — Но мы засекли четырех только за прошлый лунный цикл. По нашим правилам Ульран — труп, а утопление в данном случае классифицируется как убийство, а не как жертва, однако ты сама слышала, этого взялись крышевать госструктуры.

— И? — Я растерянно посмотрела на Сашу.

Князь улыбнулся мне, просто улыбнулся, а сердце мгновенно замерло от нахлынувшего чувства нежности, а затем Стужев сказал:

— По сути его крышуют, следовательно, гипотетически я не могу

причинить ему вред. Гипотетически.

Водяной схватил бутылку и теперь грыз ее, трясясь от ужаса.

— По-хорошему, его следует убить, — равнодушно продолжил Саша. — Но... — Снова улыбнулся мне и добавил: — Но у меня здесь, совершенно случайно, имеется очень добрая Яга, которая не захочет убивать, но и убийства прощать не будет, так, Маргош?

— Так, — подтвердила я.

Он посмотрел на меня с таким обожанием, что нить рассуждений как-то странным образом теряясь начала.

— Вот и наложи на него запрет, лет на сорок. — Стужев нежно погладил мои ладони. — Таким образом и у озера хозяин останется, и утопленников здесь сорок лет не будет.

Молча глянула на Ульрана — кажется, хозяина у этого озера уже сейчас не станет, погибнет в рассвете лет от разрыва сердца.

— А больше чем на сорок лет можно? — тихо спросила я.

— Нельзя, — твердо ответил Кощей-младший. — Он больше без питания не протянет, нежить, она жизнью питается.

Я глянула на озеро, на водяного, на Стужева...

— Но, Са-а-аш...

— Предлагаешь мне убить сразу, чтобы не мучился? — с улыбкой поинтересовался Князь.

— Нет!

— Нет? — И главное ведь, подтрунивает и не скрывает даже. — Уверена, малыш?

— Но, Саш...

— Ритусь, — развернул лицом к себе, наклонился, нежно поцеловал, — утопленники не всегда несчастные случайные жертвы, в основном самоубийцы и алкоголики, и тут уж неважно, где опустившийся сдохнет — повесившись на суку или поддаввшись чарам водяного и войдя в воду.

Я дышать перестала, просто как представляю картинку...

— Маргош, — Князь решительно развернул меня к озеру, — коснись пальцами воды и наложи запрет. Текст такой: «Я, имя, налагаю запрет на питание и жертвоприношения и т. д.». На сорок лет, больше нельзя, он сдохнет. Причем мучительной голодной смертью. Если не хочешь, просто скажи — я убью его сам, но факт в том, что сюда другого вселят в течение недели.

Суровая правда жизни.

Молча кивнула, подошла к краю озера, присела и, коснувшись

пальцами воды, которая вот так, при ближайшем рассмотрении, и не казалась такой уж грязной, прошептала:

— Я, Яга Маргарита, — удивительно, но слова словно наполнялись силой, я говорила, и это было как-то... значимо, — налагаю запрет на водяного... — запнувшись на имени, все же вспомнила и продолжила, — на водяного Ульрана, на питание и жертвоприношения сроком на...

Дикий вой и вся эта отвратительная покрытая слизью машина вдруг помчалась на меня, раззявив жуткую пасть! Но не успела я испугаться, как летучая мышь, та самая, что висела на моей цепочке, расправила крылья, оттолкнулась лапками и полетела навстречу, чтобы обнять разбушевавшегося водяного непроницаемой тьмой, как крыльями.

— Продолжай, Маргош. — Спокойствие Стужева казалось непоколебимым.

Мне бы так!

Глядя на воюющий сгусток тьмы — ревущего в ее коконе водяного, я с трудом вернулась к речи:

— Налагаю запрет на водяного Ульрана, на питание и жертвоприношения сроком на сорок лет...

И вода всколыхнулась. Словно ударная волна прошлась. Замер водяной. Отпустив его, летучая мышка вернулась ко мне, умильно заглянула в глаза, зацепилась лапками за цепочку и вновь повисла безжизненным амулетом. А я... я...

— Умница. — Саша подошел, поднял на руки и, развернувшись, понес меня прочь.

— Ты не хотел его убивать? — шепотом спросила я через стужевское плечо, глядя на оstonбеневшего от горя водяного.

— Не особо, — признался Кощей-младший. — Убил бы этого, они поставили бы следующего, с таким же правом на свободное убийство. А теперь Ульрана отсюда сорок лет никто сдвинуть не сможет, и бессмертный он ровно на этот срок.

— А, — меня все еще трясло, — зачем им водяной?

Саша остановился, нежно поцеловал и ласково посоветовал:

— Не спрашивай.

Хмыкнув, отвернулась от него и... замерла. Недалеко от озера, наполовину скрытый стволом дерева стоял мужчина в черном плаще! Тот самый мужчина с острыми ушами, которые топорщили его капюшон. Судя по тому, как он переводил взгляд с убитого горем водяного на нас, он, в отличие от остальных, все видел!

— Ритусь, — Саша остановился, — что?

Испуганно посмотрев на него, указала взглядом на странного мужчину. Кощей-младший перевел взгляд, и все его тело вдруг стало жестким, практически каменным от напряжения.

— Невероятно, его вижу, надо же. — Даже в таком состоянии Стужев еще и язвил. — Маргошик, быстренько идешь к машине. — Мне в карман сунули ключи. — Садишься, блокируешь двери и ждешь меня.

И он осторожно отпустил меня, не отрывая взгляда от субъекта в черном плаще. Но стоило мне отступить на шаг, как Стужев замер, потом глянул на меня, после резко схватил за руку и вновь взглянул на темного.

— Сашенька, — выдохнула перепуганная я.

— Маргош, засада, — прошипел Князь. — Я вижу его, только пока прикасаюсь к тебе.

— На меня не действуют чары? — вспомнила я.

— Именно так. Ритусь, — он сжал мою ладонь и спросил, — бегаешь быстро?

Повернувшись к темному, увидела невероятное — он улепетывал! На скорости! Мчась, как спринтер на Олимпийских играх, которому в спину биатлонист целится!

— Не настолько быстро, Саш, — призналась я.

— Это хорошо, — неожиданно весело отозвался Стужев, — значит, от меня убежать у тебя ни шанса. Давай в машину, Ритусь.

И он сорвался с места, крепко удерживая меня за руку, что вынуждало бежать с такой же скоростью. Эти двести метров до машины мы миновали секунд за тридцать, после чего мне, задыхающейся, галантно открыли дверь, торопливо усадили и рявкнули: «Пристегнись!» Сам он молнией оббежал автомобиль, и в следующее мгновение мы взлетели, даже прежде, чем завелся мотор. Последнее, что я услышала, взмывая вверх, это крик какого-то малыша:

— Мама, мафына пйапала!

Я невольно улыбнулась, Саша тоже, но всего на мгновение, затем приказал:

— Держись за меня.

Придвинулась чуть ближе, осторожно положила ладонь на его бедро, ну чтобы не мешать процессу вождения. Как выяснилось — зря.

— Маргош, пальчики свои оттуда убрала, живо.

Убрала. Резко выдохнув, Кощей-младший повернулся, недовольно посмотрел на меня и выдал:

— А это уже была провокация и вообще попытка подрывной деятельности! — возмутился он.

— Да там же джинсы! — Я тоже возмущаться умею.

— Там моя нога, — парировал Стужев, — а чуть-чуть выше то, что реагирует на твои прикосновения к моей ноге!

— А там темный, — ненавязчиво напомнила я.

— А я в курсе, и мы летим по его следу. — Саша взял меня за руку, нежно погладил большим пальцем и теперь вел машину одной рукой.

Впрочем, небрежное вождение в небе — это не очень страшно, в конце концов, конкуренцию составляют только вороны, ласточки, чижи и воробьи. И потому Князь на дорогу не смотрел, в смысле вперед, его взгляд был прикован к бегущему по парку темному. А бежал тот быстро настолько, что, едва он пронесся мимо сидящего на скамейке с газетой старичка, газета дернулась и выпала из рук дедули, как будто ее ветром унесло.

— Это с какой скоростью он бежит? — Любопытство во мне никогда не умрет.

— На спидометр глянь, малыш.

Сто двенадцать километров. Скоростной темный, ничего не скажешь.

— На Терре они быстрее. — Стужев невесело усмехнулся. — Собственно, территории нынешнего Темного двора были захвачены за трое суток. Там три государства располагались, они просто не успели собрать войско.

— Блицкриг по-фэнтезийному, — протянула задумчиво.

— Фашистыги няшные, — рассмеялся Саша.

Наверное, мы первые в мире преследователи, угорающие от смеха в процессе погони, а может, просто нервы, но я вообще с трудом успокоилась и то только тогда, когда «Бентли» пошел на снижение, а собственно темный на замедление. И вдруг Стужев перестал улыбаться. Я посмотрела туда, куда заворачивал темный, и улыбаться тоже перестала. Я знала эту улицу и этот дом, и даже подъезд девятиэтажки, куда свернул мужик в темном плаще. Я была здесь много раз в свой выпускной год. Приходила с шоколадками, новыми журналами, пыталась хоть как-то вытащить из депрессии свою одноклассницу, ту самую Свету Петрову, которую Стужев бросил прямо перед выпускным ради Нины Паташури, которая теперь Мила. И у меня мелькнула страшная мысль — а кто сейчас Света?!

Молчать не стала.

— Стефа — это Света Петрова? — вопрос был задан прямо.

— Рит, — он чуть сжал мою ладонь, — я уже говорил — не так уж просто сделать потенциальную ведьму истинной и достаточно сильной ведьмой до тех пор, пока ей не исполнится пятьдесят.

Единственное, чего сейчас хотелось — просто выдернуть свою ладонь из его руки и выйти из машины, желательно со всей злости бахахнув дверью! Но выходить на расстоянии метров тридцати от земли все же не слишком благоразумно. Правда, остается одна проблема — я не могу просто смолчать. Не могу.

— Она вены резала дважды! — понимаю, что срываюсь на крик. — Травилась таблетками, она жить не хотела, Стужев!

И умолкла, едва он совершенно спокойно повернулся и посмотрел на меня. С непробиваемым спокойствием. И так же невозмутимо прозвучал его вопрос:

— Скажи, Маргош, вот насколько эгоистичной тварью нужно быть, чтобы пытаться покончить с собой, прекрасно зная, какую боль это причинит родным и близким? — Он не ждал моего ответа и продолжил: — Заметь, ты не такая.

Я заметила — ему даже стыдно не было. Никакого раскаяния, вообще.

— Кстати, — по его губам пробежала злая усмешка, — сколько общаюсь с тобой, ни разу не слышал, чтобы ты пыталась кого-то унизить. Даже девчонок, которые собирались «побеседовать» с тобой в туалете, ты пожалела. А Стефа, — очередная теперь заметно презрительная усмешка, — первые проблески силы использовала, чтобы унизить Милу... тогда еще Нину. И та не упала с лестницы исключительно потому, что я успел ее поддержать.

— Это типа оправдание? — ядовито поинтересовалась я.

— Это правда, Маргош. — Саша попытался нежно сжать мою ладонь.

Но я отдернула руку и прошипела:

— А теперь послушай, пожалуйста, мою правду — пока ты ведьм для Гекаты собирал, я видела, как Света угасает с каждым днем. Как становится безразличным взгляд, как она забывает, что такая улыбка, как...

— И что в итоге? — Он направил автомобиль на крышу девятиэтажки. — Угасла, погибла, улыбаться перестала?

Вообще-то, пошла в колледж, как-то втянулась, мне звонить перестала, а я, когда поняла, что от меня в очередной раз отмахнулись, перестала звонить ей. Жизнь.

Саша, с трудом сдерживая мрачную усмешку, с минуту понаблюдал за мной, затем достаточно жестко произнес:

— Несмотря на свой маразм, Геката черную магию не приемлет, и от Стефы она отказалась сама. Мне следовало убить ведьму, но не стал, — еще одна усмешка, — ты рядом крутилась, я на вампиров переключился, в итоге решил, что не моя проблема. Через несколько месяцев Стефу засек

патруль, малышка догадалась, как использовать магию смерти. Жаль, я тогда не догадался, почему в нее так страстно «влюбился» Станислав. Впрочем, на тот момент только велись разговоры о формировании группы и открытии пути на светлую сторону Терры. И лишь на свадьбе Стефы и Станислава я засек ее уровень. Очень высокий. Слишком высокий для человеской ведьмы.

Я помнила о том, что случилось дальше. Точнее, помнила про то, что Стужев соблазнил чужую невесту и...

— Не хочу ничего об этом слышать, — честно призналась я.

— Зря. — Кощей-младший протянул руку, погладил меня по щеке и вполне искренне произнес: — Я действительно соблазнил Стефу, но интима не было, Ритусь. Я заставил ее захотеть поехать со мной и отвез в храм Гекаты. Между нами ничего не было, я просто лишил ее сил. Естественно, все решили иначе, а на утро Станислав покончил с собой. Причем заметь — она не скрывала, что в прямом смысле уходит от него, но на свадьбе Стас вполне себе бесился, в драку бросился, однако о самоубийстве речи не шло. И только утром, когда я вернул Стефу и они осознали случившееся, старший Вяземский покончил с собой. Забавно, да?

— Ничего забавного в этом нет, — хмуро ответила я. — У темных нет права на ошибку, если Стефа была его заданием и он его провалил... Это все.

— Каждый платит по счетам. — Машина мягко приземлилась на крыше. — Идем.

— А можно я тут останусь? — тихо попросила.

— Нельзя, Ритусь, — сурово ответил Стужев, — один раз я тебя уже дома оставил, мне хватило, правда.

Молча сижу, сложив руки на груди и мрачно глядя куда-то на панель.

— К тому же без тебя я не увижу темного и меня могут убить, — коварно протянул он.

Мгновенно открыла дверцу и вышла из машины.

* * *

Давно я не гуляла по крышам, но сейчас не было даже желания оглядеться, полюбоваться на городской пейзаж, да и Саша не позволил, уверенно ведя между люками к лестнице, а от нее вниз по техэтажу, даже не пытаясь свернуть к лифту.

Но странное дело — едва мы спустились на девятый этаж, звук шагов

вдруг изменился, стал гулким, отдающимся эхом в удивительно безмолвном доме.

— Нехило. — Кощей-младший остановился.

— Что-то не так? — осторожно спросила я.

Стужев явно хотел отмахнуться или не отвечать, или еще что-то, но глянул на меня и передумал.

— Иди сюда, встань так, — он поставил меня перед собой, — закрой глаза, — теплые ладони скользнули на мою талию, — и представь себе, что смотришь вдаль, на горизонт.

Очень послушная я закрыла глаза и последовала указаниям Кощея. Невероятно, но мне почудилось, что я словно смотрю через подзорную трубу, только широкую очень и потому двумя глазами, однако такое ощущение, что я смотрю на кого-то, кто смотрит на меня. И вижу черное длинное платье, светлые, красиво уложенные волосы, а вот лица не вижу, но взгляд ощущаю отчетливо.

И тут кое-кто переместил руки с талии на грудь, потом сжал и в довершение начал поглаживать.

— Сашша, — прошипела я.

— Извини, не удержался, — хрипло ответил он, и молния на моем комбинезоне медленно поехала вниз, расстегиваясь. — Ритусь, а ты не отвлекайся, чтобы что-то увидеть, тебе нужно сосредоточиться.

Но я и так все преотлично и отчетливо видела, включая руку с длинными черными ногтями, которые впились сейчас в ладонь, да так, что явно поранят же.

— Сашенька, — попытка вырваться не принесла успеха — Стужев напрочь отказывался отпускать добычу, — знаешь, дорогой, мне кажется, за нами наблюдают.

— Совести у них нет, — молнию вновь застегнули, и Князь приказал:
— Не открывай глаза и следи за ней.

Меня подхватили на руки.

— За... следить? Зачем? — потрясенно переспросила я.

— Все просто, Ритусь, пока ты держишь контакт, ты ее блокируешь. Не открывай глаза.

И удерживая меня, он начал сбегать вниз по ступеням. Удивительно, но факт — я не боялась. Мне была неприятна эта история со Светой-Стейфой, но страха не было совершенно, и я продолжала смотреть на извивающуюся за «трубой» фигуру отчаянно дергающейся женщины. И чем дальше, тем сильнее она вздрагивала, словно пыталась выпутаться из силка.

— Саш, а зачем ее держать? — не то чтобы мне было сложно, я вообще никакого напряжения не испытывала, но неприятно видеть, как она вырваться пытается.

— Да все просто, Маргош, пока ты ее держишь, ни на какие сюрпризы Стефа не способна.

— Мм-м... — самодовольно протянула я, — теперь понятно, зачем ты взял меня с собой.

Стужев остановился. Затем спросил:

— И зачем? — Вопрос прозвучал странно.

— Я твой щит, да?

В следующее мгновение меня поставили на ноги, затем, развернув лицом к себе, Князь жестко приказал:

— Глаза открой.

Кажется, кто-то обиделся. Зато ведьма на другом конце трубы перестала вырываться и замерла в ожидании.

— Рита! — Кто-то не только обиделся, кто-то еще и разозлился.

— Саш, я...

— На меня посмотри! — почти рык.

Я вздрогнула и посмотрела. Стужев молча полез в карман брюк, извлек зажигалку, щелкнул кремнем и мгновенно вспыхнул огонь.

— В избушку, — приказали мне, — живо!

Он шевельнул пальцем и огонек стал ярче, невольно привлекая внимание. Я и глянула на зажигалку... чтобы с трудом сдержать вопль! Потому что прямо на огонь с потолка спускался огромный черный паук.

— Мля, не успел, — выругался Стужев, стряхивая паука вместе с зажигалкой и стремительно притянув меня к себе, приказал: — Не смотри.

— Не смотреть куда?! — Я очень боюсь пауков и сейчас могла думать лишь об одном — куда этот черный ужас побежал, потому что...

По волосам забегали чьи-то маленькие лапки! Я окаменела от ужаса.

— Тихо-тихо-тихо, — Саша потянулся, снял с меня что-то... или кого-то и спокойно спросил: — Боишься пауков, да, малыш?

Я кивнула, прижимаясь к нему сильнее.

— И Стефа об этом, похоже, знает. — А вот теперь в голосе Кощея-младшего послышалась ярость.

Холодная, опасная и с последствиями.

— Так, Маргош, идешь со мной, глаза не открываешь, и думай о... чем-нибудь приятном.

— Например? — Я не издевалась, мне действительно хотелось бы о приятном подумать, потому что... по мне опять ползли!

— Например... — Он снял с меня насекомое, судя по звуку, припечатал его насмерть и ответил: — Например, о том, что когда мы вернемся домой, я возьму тебя на ручки, Ритусь, отнесу в спальню, малыш, уложу на постельку и буду долго и со вкусом доказывать, что последнее, чем ты для меня являешься, Маргошик, это щит.

После чего взял за руку и повел вниз по лестнице.

— Какой ты злопамятный! — не сдержалась я.

— Героям подвиг, подонкам — повод, — напел Кощей, уводя меня за собой по странно чавкающему и хрустящему полу.

Да, я порадовалась, что не платье и туфли, и особенно хорошо, что можно не смотреть на все это, доверившись Стужеву. Хотя...

— Саш, а ведь на меня чары не действуют, — осторожно напомнила я.

— Маргош, если бы это были чары, я бы их снял, — тихо ответил Стужев и тут же: — И да, сегодня ты то белье с бусинками примеришь, так сказать, в качестве уплаты моего морального ущерба.

От темы про пауков ему меня удалось отвлечь, это да. Но тот факт, что мы шли по живым существам, хоть и мерзким, мне не нравился.

— Сашинша, а я могу их уснуть, или разогнать, или...

— Маргош, мы не на Терре, это раз, у тебя возможности Яги, а не ведьмы, это два, и третье — есть вещи, о которых я точно знаю, что они безвредны для тебя, а есть те, в которых не уверен. Второй категорией магии я тебе заниматься не позволю.

— То есть теоретически могу? — предположила я.

— Ритусик, смирись, ты не всесильна, — хохотнул Стужев и открыл какую-то дверь.

В следующее мгновение я ощутила опасность. Холодок неприятного чувства кольнул сердце, вынуждая открыть глаза.

— Саша!!!

Арбалетный болт вылетел из устройства, которое я ранее видела лишь в исторических фильмах, но Стужев вскинул раскрытую ладонь, и стрела замерла в полуметре от нас! А с потолка, как конфетти, спускались и спускались пауки! Огромные, маленькие, с длинными лапками, с короткими лапками, с... и обтекали нас, словно по стеклянному куполу.

— О, господи, — простонала я.

— Все хорошо, — уверенно произнес Кощей, не отрывая взгляда от стоящего в дверном проеме монстра.

Именно монстра — он выглядел как древний старик, в наличии были и всклокоченные седые волосы, и борода до колен, и кожа потемневшая, ссохшаяся, вот только старые руки крепко держат арбалет, а глаза... серые,

с ярким синим зрачком.

— Знакомься, Ритусь, это карачун, или иное название — гибельник, — как-то очень буднично представил Саша. — Но в то же время нежить второго порядка, ибо, как ты видишь, способен удерживать материальные предметы.

Я ни о чем не думала, я ощущала, как пауки, воспользовавшись нашей остановкой, ползут по моим ногам! И мне орать хотелось, прыгать и сбивать их! Саша медленно оглянулся, быстрый взгляд на насекомых — и те сдохли. Мгновенно! Слетели с меня, а ведь до колен уже добрались и теперь лежали на полу, подрагивая лапками... недолго.

А в следующее мгновение начался бой! Одно движение Кощея — и арбалетный болт, крутанувшись, помчался в гибельника... чтобы четко и плавно, как нож в масло, влететь в его левый глаз.

— Отвернись, — приказал Саша, срывая с руки черный браслет.

Он бросил его на пол, и тут же вместо кусочка кожи показалась маленькая черная змея с алыми блестящими глазками. Змея молнией метнулась в дверной проем, переползла заваливающего гибельника, поднырнув под его бороду, и исчезла во тьме... С потолка продолжали медленно, как хлопья жуткого черного снега, спускаться пауки...

Подхватив меня на руки, Стужев перенес через труп карачуна и опустил лишь в коридоре. Коридоре, а ведь мы должны были выйти на лестничной площадке стандартной типовой девятиэтажки! Где места — метр на метр, а не проход протяженностью метров в пятьдесят.

— Откуда все это? — шепотом спросила я.

— Искажение пространства, — буднично ответил Саша. — Рит, вопрос, ты в Diablo когда-нибудь играла?

— Нет. — Правда, подумалось, что Стужев таки меня старше, да.

— Ну, сейчас сыграешь, — обрадовал он.

Затем вернулся к гибельнику, забрал у него арбалет, вынул стрелу, стряхнул с нее глаз, вытер о бороду уже трупа, вернулся ко мне, приладил болт, натянул тетиву, зафиксировал и протянул мне со словами:

— На спусковой крючок жмешь, и стреляет.

— С-с-саша! — У меня голос стал шепотом, и вообще я в ужасе.

— Маргош, — мне бесцеремонно впихнули арбалет, — впереди приключения, позади пауки, выбор за мной, я выбрал «вперед, к светлому будущему». Пошли.

— Мамма. — Это все, на что я оказалась способна.

Саша улыбнулся, погладил по щеке и двинулся вперед. Безоружный. Оружие только у меня — и то арбалет несчастный! Но я его вскинула и

решительно отправилась за мужем, понимая смысл выражения «за тобой и на край земли».

— Маргош, одна просьба — не целься мне в спину, несколько нервирует, если честно.

Мгновенно отвела арбалет в сторону и теперь чувствовала себя не так решительно. Но за Сашей все-таки шла, потому что да — сзади были пауки, и они наступали! Причем такой плотной волной, что когда принялись переползать через гибельника, тот стал шевелящейся черной массой, пауки скрыли под собой даже белую бороду. Всю!

Внезапно нам навстречу выползла змея! Огромная, метров в пятнадцать, с черным раскрытым капюшоном, на котором сверкала какая-то руна. Я вскинула арбалет!

— Ритусь, свои, — очень вовремя произнес Саша, — и вообще, какая-то ты нервная, малыш.

— Ну... знаешь ли, поводов немало! — вспылила я.

Стужев оглянулся, подмигнул и выдал в духе гуманистов:

— Главное — это любовь, малыш. И вот пока я точно знаю, что ты меня любишь, все остальное такие мелочи. Поверь.

Меня трясло, позади настигали озверевшие пауки, впереди жуткая кобра-мутант, а он говорит о любви! Млин, сволочь, у него совесть есть?!

— Не целься в спину, я сказал.

— Это неосознанно, — краснея, призналась я.

— Да я понял, — хохотнул Кощей. А потом уже змее: — Ненасытная, там хоть что-то еще осталось?

Кобра величественно кивнула.

— Понял, — отозвался Саша и сорвал второй браслет с руки.

Еще одна черная змейка умчалась на охоту. И почти сразу впереди раздался хрип и послышался звук ломаемых костей.

— В старой церкви не поют святые гимны,
Кровь на бревнах частокола
Католического хора,
Свора скалится им в спину,
Не по вкусу им отпетые могилы! —

весело напел Стужев, вынимая из кармана странные черные кольца и неспешно на ходу натягивая их на пальцы.

— Это не любовь,
Это Дикая Охота на тебя,
Стынет красный сок,
Где-то вдалеке призывный клич трубят.

На пути попался труп. Такое ощущение, что пожеванный и выплюнутый, потому что весь помятый и в слизи.

— Маргош, осторожно, тут скользко, — предупредил Стужев и перешагнул преграду.

Я обходила труп по стеночке, в ужасе глядя на него и понимая, что в слизи увязнет паучья братия, не вся, но шуршание их догоняющих лапок меня жутко нервировало, так что я надеялась хотя бы на часть.

— Маргош, у меня есть вторая зажигалка, — напомнил Саша. Отреагировала мгновенно. — Нет, зря я дал тебе арбалет.

Перестала в него целиться, а очень хотелось.

Внезапно змея, что скользила рядом с Кощеем-младшим, замерла, затем метнулась вперед. А Стужев остановился, молча протянул мне руку. Я не подошла, я побежала, а он, едва наши пальцы соприкоснулись, вырвал у меня арбалет и выстрелил. Во тьму. Будто наугад, но... из темной ниши в потолке вдруг начало падать тело. Раскинув руки и ноги... плащ, как мокрая тряпка, облепил его... Глухой удар! Гулкий, и здание ощутимо дрогнуло, послышался треск, посыпалась с потолка каменная крошка.

Мы в оцепенении стояли несколько секунд, глядя на труп посреди коридора, упавший шагах в десяти от нас, и вдруг Саша тихо сказал:

— Слишком просто.

Помолчал и добавил:

— Слишком.

Холодный озноб пробежался по спине. В следующее мгновение я закрыла глаза и взгляделась в горизонт, как в первый раз, вот только — она не стояла больше у трубы, как я. Света Петрова... хотя нет — Стефа стояла рядом с огнем со странным с зеленоватым от светом, закрыв глаза, раскинув руки и шевеля ярко-накрашенными губами. Это я видела, а ощущала, как начинает дрожать здание все нарастающей дрожью... И вдруг услышала хохот, ее дикий хохот, безумный и злой.

— Блин, а была нормальной девчонкой, — в сердцах выдохнула я.

Смех прекратился. Более того, Стефа опустила руки, открыла глаза и посмотрела словно прямо на меня. Тот факт, что я стою с закрытыми глазами и в каком-то коридоре, ее не смущал. И совсем неожиданным

оказалось услышать ее ответ.

— Я была обычной примитивной челой! А сейчас — могущественная ведьма. Почувствуй разницу!

— «Форд» — почувствуй разницу, — пробурчала я, цитируя известную рекламу.

— Что? — переспросила Стефа.

Пожав плечами, пояснила:

— «Тойота» — управляй мечтой. «Хонда» — управляй реальностью. «Ниссан» — превосходи ожидания. И только «Форд» — почувствуй разницу.

Нахмутившись, ведьма вдруг сказала:

— У меня «Форд», ага. Старенький, все никак не поменяю. И у него опять что-то под капотом стучит странно.

— Механик, — пошутила я.

— Да нет, — растерянно отозвалась Стефа, — его на прошлой неделе оттуда достала, он обещал больше никогда не грубить блондинкам. Поверила.

Я же пошутила! Я...

— Механика под капот? — ну не могла не спросить.

— Пришлось уменьшить в четыре раза, по-другому не влезал, — Светка тяжело вздохнула. — А ты чего со Стужевым шляешься? Заняться больше нечем?

— А... мм-м... так он мой муж, — честно призналась я.

Стефа странно на меня посмотрела, затем вполне искренне выдохнула:

— Сочувствую.

— Да не, нормально, — попыталась я реабилитировать мужа. — А вот пауки — это страшно, очень.

— Прости. — Светка пожала плечами. — Я думала, ты испугаешься и удерешь, тебя жалко, все-таки за всю мою жизнь ты была единственной, кто искренне заботился и хотел помочь.

И мне так жаль ее стало. До слез жалко.

— Свет, а ты... Зачем все это?

Она вдруг обняла себя за плечи и показалась мне такой маленькой и жалкой, и я едва расслышала:

— Сначала хорошо было, Рит. Сила такая, могущество, я же все могла — любого влюбить в себя, людьми управлять, насекомыми, потом духи... Знаешь какая это сила? — она вдруг подалась ближе. — Это духи, Рита! Это как джинны, а я Аладдин из мультика! Я все могла! Все, понимаешь! Я... А потом они появились, — голос стал полубезумным шепотом. — И

это... один из них, Станислав Вяземский, он условие поставил, понимаешь, либо я выполняю постельную повинность для него, либо меня просто убьют. Просто, но очень мучительно. Понимаешь?

Я стояла как громом пораженная. И слова сами сорвались:

— Он же... любил тебя, у вас же... свадьба была.

— Любил?! — Крик ударил по ушам, и снова шепот: — Темные не умеют любить, Рита. Он меня использовал. Нет, вначале играл в любовь, очень умело играл, я даже поверила, что он мой друг. И лгал, Рита, очень искусно, и вроде даже как девушка у него была, а я... я просто должна была помочь сместить Мастера и только. Просто помочь ему сделать доброе дело.

Боже, как знакомо.

— Это потом, — продолжила Света, — когда мне удалось вызвать первого гибельника после месяца обучения под руководством Стаса, он потребовал постель. И свадьбу. А там, когда я увидела Алекса, его оценивающе-восхищенный взгляд, я подумала, что вот он, мой шанс, и сбежала с собственной свадьбы. Но Стужев предал меня. Повторно. Мне так хотелось, чтобы он поцеловал, как тогда, когда у нас все только начиналось, а он отдал меня Гекате из-за двенадцати жалких трупов!

Вся моя жалость испарилась мгновенно. Вообще вся жалость. Двенадцать трупов? Двенадцать!

— Осуждаешь?! — с вызовом спросила уже не несчастная запутавшаяся Света, а надменная и жестокая Стефа.

— Но сейчас ты снова на стороне темных, — тихо напомнила я.

И вновь запуганный, затравленный взгляд и стон:

— Они забрали маму... и папу тоже. Знаешь, я даже не понимала, насколько они важны в моей жизни, пока их... не забрали. И я одна, Рита, совсем одна. И Демон пропал, его нет, а я должна держать портал и дальше, иначе... они убьют маму, Рита, они ее убьют... и папу... и...

— А забрали куда? — перебила я начинающую заговариваться ведьму.

— К себе. — Она вдруг опустилась и села на пол, обнимая руками колени, и едва слышно повторила: — К себе...

Глядя на нее, такую подавленную горем, я подумала и решительно приказала:

— Нас пропусти.

Стефа отрицательно покачала головой и прошептала:

— Стужев меня убьет, Рита. А если умру я, погибнут мои родители. Я много лет была эгоистичной сволочью, и поняла это, только потеряв тех, кто меня искренне любит.

— Не убьет, — уверенно сказала я, — пусти.

И открыла глаза. Передо мной стоял Кошечек-младший, и хмуро ждал, пока вернусь в реальность. Две змеи позади с наслаждением мочили паучье войско.

— Маргош, — недобро начал Стужев, — а давай без твоей ягушенской самодеятельности.

В следующее мгновение все исчезло — пауки, стены каменные и мрачные, огромное пространство, труп темного. Остались я, Саша и две громадные змеи, потеснившие нас на узкой лестничной площадке типового девятиэтажного дома. И стояли мы напротив обитой дерматином обычной двери.

Дверь открылась, на пороге показалась бледная Света в черном откровенном платье до пола.

— Чай? — тихо спросила она, глядя исключительно на меня.

— Зеленый, — согласилась я и направилась к двери.

Путь мгновенно перекрыла жуткая змея, не позволяя пройти.

— Попробую догадаться, — голос Князя прозвучал холодно и зло. — Стефа рассказала тебе трогательную историю о гибели предков, ты ей, как и всегда, поверила, так? Весьма ожидаемо, но очень глупо, Маргош.

Развернувшись, посмотрела на Стужева и тихо сказала:

— Знаешь, вот Демону почему-то с самого начала не очень верила, а тебе да. Хотя мне все вокруг говорили, что это глупо.

Резко выдохнув, Саша развел руками, мол, «делай что хочешь», свистнул змее, дабы та отодвинулась, и, взяв меня за руку, повел в квартиру, мрачно высказавшись:

— Отлично, идем к ведьме, хлебнем отравленного чая!

Собственно, в квартиру первыми проскользнули змеи, после Саша, удержав меня на расстоянии вытянутой руки, постоял, оглядываясь, и только потом разрешил войти мне. Света усмехнулась, но ничего не сказала и, закрыв дверь, жестом позвала меня на кухню. Стужева она демонстративно игнорировала.

А я... я оглядывала знакомую квартиру и не узнавала ее. Черные обои, свечи в золоченых подсвечниках, черные ковры, задернутые черными шторами окна, полумрак, разгоняемый нескользкими бра, тускло сияющими по стенам.

— Не мой полет дизайнерской фантазии, — остановившись на входе в кухню, сказала Света, — их стиль.

Никто из нас двоих не ожидал прозвучавшего прямого вопроса Кошечки:

— У тебя же не было силы, ты просто была им уже не интересна,

Стефа.

— Да, — она вдруг опустила глаза, — я помню, ты говорил, что это для моей же безопасности... — Мрачная усмешка. — Ты только не сказал, как мне жить после того, как я испытала вкус могущества, Алекс!

И она подняла на него полубезумный взгляд.

— Знаешь, — жестокая усмешка, — что-то я не заметил, что жизнь с силой тебя порадовала.

— Саш, не надо, — тихо попросила я.

После моей реплики Стужев мрачно посмотрел на меня, после на Стефу, улыбнулся неожиданно зло и сказал ей:

— Кстати, Марго — Яга.

Ведьма мгновенно вскинулась! Лицо исказилось гримасой ненависти, в глазах заплясал жуткий желтый огонь, из горла вырвался хрип.

— Только дернись в ее сторону, — пригрозил Князь, а после улыбнулся мне.

Это была странная, загадочно торжествующая улыбка, а я... я вдруг почувствовала странное ощущение неправильности окружающего пространства. Как будто дыра в очень дорогом платье, маленькая, но очень досадная, которую нужно заштопать, иначе раздражает очень и...

— Ты, — я вдруг все поняла, — ты...

— Можем сделать проще, — вспылил вдруг Стужев, — я ее убиваю и мы идем домой, а ты не паришь мне мозг ягушенским всемирнолюбием.

Так хотелось сказать ему что-то грубое, но моя сущность в этот миг задевала дыру в пространстве, причем даже без моего участия. Это просто происходило, возвращая миру гармонию и целостность, и происходило очень легко и правильно. И когда все закончилось, я почувствовала себя гораздо лучше.

— Вот и умница, — Стужев обнял за плечи и поинтересовался у Стефы: — Сколько времени ты убила на создание портала?

— Больше года, — прошипела она.

— А могла бы замуж выйти, дите родить, карьеру построить, побывать счастливой, в конце концов. — Он улыбаясь все говорил, только в голосе — лед. — Ладно, все это лирика, — наклонился, нежно поцеловал меня в висок и снова Стефе: — Выбирай, остаешься здесь или валишь в империю темных, присоединяешься к драконам и начинаешь партизанить. Собственно, у тебя будет шанс и отомстить, и предков обнаружить. Отец у тебя рыбалкой увлекается, да?

Она не ответила, она как-то странно смотрела на него, как умирающий от жажды путник на стакан с водой.

— Ты это сейчас про что? — тихо спросила я.

— Помнишь, мы свечу в рыбакском домике взяли? — отозвался Саша. — Я, кстати, тогда внимания не обратил, свеча и свеча, дешевая иконка и иконка, люди и люди... А по существу странно, да, откуда на территории Темного двора христианская религия, у них там отродясь крестов не было.

Потрясенно смотрю на него, он мне шепотом ехидненько:

— Там у драконов, как я понял, нехватка представительниц женского пола, да? И заметь — никакого матриархата. Опять же сплоченность на фоне ненависти к темным.

— А... — начала я.

— А здесь ее не потерпим ни я, ни Геката, ни темные, которые придут мстить. Огоныку?

* * *

— Мля-а-а-а! — Громовой ор сотен глоток разной тональности оглушил.

Открыв глаза, увидела невероятное — здесь шел пир! На болота натащили соломы, причем она была насыщенного золотого цвета. Прямо на соломе были расстелены скатерти-самобранки и не только скатерти — еще и шкуры быков, на которых имелось сырое мясо. А еще тут наблюдались горы орешков — лесных, грецких и шишки тоже. И три бочонка с чем-то явно хмельным, потому как все были захмелевшими.

— За нашу великую ведьму! — пропищал какой-то бельчонок.

— Мля-а-а... — поддержали все тост.

Дверь в избушку открылась, на пороге показалась Курочка Ряба — сверкающая и красивая такая. И вот она, увидев нашу троицу, распахнула крылья и бросилась к нам с воплем:

— Хозяин, родненький!

Это было только начало — через мгновение к ней, оттеснив меня, присоединились Кот, Волк, Лиса, Гусь со всей своей стаей и даже Мышка! Один только Колобок, выйдя на порог, обиженно сказал:

— Жмоты, мне полмешка всего дали. Полмешочек! Жмоты!

Улыбнувшись, я подошла, взяла Колобка на руки и спросила:

— Смотрю, нашествие на «Золотую пшеницу» прошло успешно?

— Дважды мотались, — сдал мне начинающих клептоманов Колобок, — и даже больше скажу: они себе три поля засеяли, с разрешения

Гада Змеевича, вот празднуют опосля трудовых подвигов.

Если честно, после такого я очень своим зверем загордилась, молодцы же.

И тут послышалось:

— Рррита, будь так любезна избавить меня от...

Саша не успел договорить, как дверь распахнулась и появилась Ядвига.

— Ритусик! — Она плавно слетела по ступенькам и с ходу обняла меня. — Рассказывай, — начала патетически, — где была, чего без меня натворила, как этот гад злодейски бесстыдный обижал тебя, да что за злодейка позади стоит, зубами скрежетает, а?

Обняв призрака, я прошептала:

— Изdevался, да.

— Я так и знала! — воскликнула книга. — Ирод шредером озабоченный, супостат окаянный. — А потом от меня оторвалась и восторженно так: — А мы на дело ходили!

— Как? И ты? — Я даже не поверила.

— А как же, — гордо ответила Ядвига, — что ж мне, одной с Колобком в избушке куковать? Все пошли, и я пошла.

— Стужев, — устало сказала я, — знаешь, кажется, ты всех научил плохому.

Саша подошел, держа на руках Лису и осторожно ее поглаживая, Патрикевна урчала от удовольствия, Кощей же недовольно проворчал:

— Теперь меня еще и звери любят. Дожил. — Устало вздохнул и скомандовал: — Острозуб, сгоняй на дальний конец стола, позови мне дракона.

Капитан Боевых Белок вскочил и весело перепрыгивая по головам волкодавов и обычных волков, каким-то образом тоже пирующих с нашими, помчался к драконам.

— Стефу к Леру Рукораспускающему, а мы к князю, — напомнил о вчерашних планах Стужев.

— К князю? — Лисичка подняла голову, оглядела меня. — Рита, последний сарафан остался.

И мы пошли переодеваться.

* * *

Терра сказочно прекрасна. Простираются густые зеленые леса, радуют

взор обитаемые земли с квадратиками возделанных полей, табуны единорогов мчатся по степи, по берегам полноводных рек резвятся водяные лошади, с высоты голубые, вблизи — полуопознаваемые. Гряды гор хребтом дракона рассекают скалистые территории, огромные озера сверкают в лучах полуденного солнца, пролетающие мимо птицы радостно кивают головой, словно приветствуя. Я даже не поняла, как стала махать им в ответ.

— Знаешь, я, кажется, начинаю ревновать, — вдруг признался Саша.

— Что? — удивилась я и повернулась к Стужеву, крутанувшись в кольце его рук.

Мы летели на незримой тропке, и он все время крепко сжимал меня в объятиях, словно боялся выпустить хоть на мгновение.

— Тебя ревную. — Какая-то тихая грусть прозвучала в его голосе. — Хочется взять тебя, закрыть, спрятать ото всех и сказать: «Моя прелест».

— Нет, ты не настолько злодейский злодей, — рассмеялась я.

— Как знать... — загадочно улыбнулся Саша.

Приподнявшись на носочках, потянулась к его губам. Ответ последовал немедленно и был куда как жестче, сильнее и жарче, чем мой скромный поцелуй. И странное дело — в объятиях Кощея-младшего Терра казалась мне раз в сто волшебнее и сказочнее.

Вот только:

— Саш, — я чуть-чуть отстранилась, — а у князя пауков не будет, нет?

Несколько недовольный тем, что я остановилась, Стужев нахмурился, затем тихо, и касаясь губами моих губ, произнес:

— Нет, Маргош, я с ним просто поговорю.

— Вот так просто? — не поверила я.

Стужев невозмутимо пожал плечами. Я подумала, тяжело вздохнула и примирилась с происходящим.

— Пауки так пауки, переживем, главное, что ты рядом, — и снова потянулась к его губам.

А меня никто не поцеловал. Более того, на меня обиженно и зло смотрели, после чего Стужев прошипел:

— Ну, Маргоша!

Наш подлет заметили издали. И странное дело — стольный град вдруг начал пустеть! Из городских ворот, а их в городе, окруженному высоченной белокаменной стеной, было четверо, повалил народ. Главное — до того как они нас увидели, в город стекались телеги, народ торговый шел, причем очередь была изрядная, как на таможне, а стоило кому-то пальцем ткнуть в

небо и заорать «Кощей», как все телеги развернулись и долой из города, причем тоже в порядке очередности. Но ладно, они — стражники, увидав нас, побросали оружие и помчались прочь, обгоняя телеги.

— Саша, — не скрывая подозрительности, протянула я, — а ты тут раньше бывал?

В ответ послышалось не особо приятное:

— Да залетали однажды... по пьяни.

— Оу...

Да, если по пьяни, то неудивительно. Сама со Стужевым пила, помню, чем дело для темных закончилось.

— Странно, что город устоял, — пробормотала я.

— Ну не совсем, мы просто потом его с чертями отстраивали, в качестве исправительных работ, — неохотно выдал Саша.

— Э-э... — потрясенно смотрю на несколько смущенного Кощея.

— Да там так получилось, — он скривился, — у Адмайлa ведьму... невесту, в смысле, умыкнули, точнее, она сама его бросила, в общем, мы немного выпили, пытаясь черта утешить, а потом как-то так вышло, что решили, что им еще раз поговорить нужно и вообще он не так ее понял.

— Да? — прозвучало очень недоверчиво. — А что она сказала ему?

— Что-то вроде «Если я и передумаю, то в другой жизни, чертяка рогато-копытная».

— Мне уже нравится эта ведьма, — искренне призналась я. — Но ты мне ответь, что в этом выражении можно было не так понять?

Кощей загадочно улыбнулся. Очень загадочно. И на город посмотрел, в котором пустели улицы, закрывались ставни и даже собачки прятались кто куда.

— Так, а чем все кончилось, — потребовала я, — она передумала?

— Честно? — Стужев усмехнулся. — Мы не спрашивали.

Потрясенно смотрю на Кощея — тот продолжает загадочно улыбаться.

— Слушай, — возмутилась я, — а если она замуж не хотела?

— Не хотела, — не стал отпираться Стужев и многозначительно на меня посмотрел.

До меня не сразу дошло, что я тоже замуж вообще не хотела, особенно за него. А когда дошло, говорить что-либо было поздно — дорожка понесла нас вниз, аккурат к входу в белокаменные княжеские палаты, прямо к подножию лестницы.

И едва мы ступили на двор, как распахнулись двери, на ступени выкатился румяный, с завитой бородой, в традиционном древнерусском кафтане, шапочке и сапогах красных мужик. Выкатился, развел руки вроде

как для радушных объятий и заголосил:

— Гой еси, Александр Мечеславович, дней тебе долгих, сокол земель Кощеевых!

На фоне двух стражников, по-пластунски уползающих за поворот, выглядело это все... не особо торжественно. И ползли они, позвякивая кольчугами, да не бросая оружия, так что в напряженной тишине слышалось «бамц-хрустъ, бамц». Неожиданно на двор вышел петух, встрепенулся, шею вытянул и только собирался закукарекать, как из-за сарая вытянулась рука, схватила петуха и пресекла тем самым лебединую... то есть петушиную песню. Снова стало тихо.

— И тебе не хворать, Святополк Володимирович, князь земли святой.

Князь торопливо поясной поклон отвесил, Стужев сдержанно кивнул.

— Рады, рады видеть, — соврал князюшка, — уж все печалились, отчего не заходите, не навещаете...

Из-за двери послышалось возмущенное: «Ополоумел?!» Святополк Володимирович побелел да и продолжил:

— А уж вы к нам с барыней, Александр Мечеславович.

Саша указал на меня и произнес небрежно:

— Яга.

Князь в лице переменился, за дверью кто-то в обморок грохнулся, а после там все затихло.

— Ка-ак Яга? — слабеющим голосом переспросил Святополк Володимирович.

— Яга, — спокойно подтвердил Кощей-младший, — и жена моя.

Вот вторая часть фразы прозвучала очень значительно. Пошатнувшись, князь с трудом удержался, дабы не сесть прямо на ступенях. Но все же правитель, как-никак, оттого в руках себя удержал, да вдруг затараторил:

— Не изволь гневаться, позволь слово молвить, сокол ты наш, да...

Стужев прервал его мрачным:

— Волхв где?

Задрожавший Святополк Володимирович трясущейся рукой указал на терем высокий.

— Нет у тебя больше волхва, — обрадовал его Стужев и направился в указанном направлении.

Его уход сопровождало паническое, но тихое «а-а-а» от князюшки. Мне его даже жалко стало, и я не сдержалась:

— Не переживайте, Святополк Володимирович, волхв ваш на самом деле темный, а Ёжки вам ничего не делали, ни вам, ни семье вашей.

Мне не поверили! Князь смотрел с каким-то священным ужасом и даже пошевелился боялся.

— Вижу, что не верите, — я пожала плечами, — ну да Илюра-воевода вам правду поведает, его слово больше веры имеет.

И тут Святополк Володимирович тяжело вздохнул, спустился на две ступени и сел. Подавленный весь такой, как депрессивная картошка, в смысле пюре. Я, недолго думая, поднялась и села рядом с ним. Внезапно с высоты, точнее, из того самого терема, донеслось:

— Стужева, я тебе русским языком говорил — не сиди на холодном!

Вскочила я как-то неосознанно, а князь взял, да и полой своего кафтаны поделился, а тот на меху. Буркнув «спасибо», я села на пожертвованное.

— Хороший был волхв, — задумчиво протянул Святополк Володимирович, — но непьющий... так и знал, дело тут нечисто.

В тереме что-то загрохотало.

— И очи жуткие — как глянет, всю душу выворачивает, глазом моргнуть не успеешь, а уж на все «добро» княжеское дал, да подписи везде понаставил.

Опять тяжелый вздох, и князь продолжил:

— Богатырей моих по заставам разогнал, Илюру-то на дело черное отправил, вам, Ягам, на погибель. Я ж на суд честной звать хотел, чтобы миром-то решить, а Валий, он на своем настоял, незачем, мол, людям честным о подлой сути знать да в силе Князевой сомнения иметь. И говорит: «Покуда от последней Яги не избавишься, не избавятся от хори дети твои, день-деньской гибнуть будут».

Узнаю методы темных.

В тереме снова грохотнуло что-то, после крышу сорвало напрочь. И в свете яркого полуденного солнца отчетливо был виден вспыхивающий молниями черный вихрь и огромный ледяной змей, бросающийся в самый его центр. На секунду стало страшно, не забыть мне тот жуткий бой во дворе Сашиного дома. Но только на секунду, потому как победу Стужев одержал мгновенно. И наземь, меняя очертания тела, полетел уже труп. Смотрелось жутко — начал падать косматый старик с бородой до пола да в мантии темно-синего цвета... а упал безусый черноволосый темный, в безрукавке, узких штанах да сапогах с зауженным носом. И вот она эпическая картина — на земле лежит мертвый темный с зияющей раной в груди, а над разрушенной башней терема высится громадный ледяной змей, ослепительно сверкающий на солнце. Змей медленно повернул голову, переводя взгляд с трупа на меня...

— Жалко мне вас, Ягуся, — вдруг сказал Святополк Володимирович.

Ледяной змей соскользнул с руин вниз, разворачивая сверкающие кольца. А вот земли коснулся уже Стужев, спрыгнул, поднялся, потянулся, разминая шею, и, переступив тело темного, направился к нам, насвистывая знакомый мне мотивчик про «Не пугайся, не пугайся, детка».

И вдруг в княжьем тереме кто-то как заголосит:

— Жива, жива наша горлица! А с лица-то все раны сошли! А кожа-то, кожа!

И тут же с другой стороны:

— Встал! Встал соколик наш! Батюшка княже! Встал княжич, надежа и опора! Живой и здоровый!

Святополк Володимирович замер. Застыл просто, только глаза увеличились, затем медленно голову ко мне повернул.

— Я же сказала, не виноватые Ёжки, не они болезнь на княжича и княжну настали.

Великий князь медленно поднялся, я, естественно, тоже, на его же кафтане сидела, да величественно по ступеням вниз спустился. И шел он по двору тоже величественно, будто на коронации, а как подошел к темному...

— Так, Ритусь, мы улетаем, — торопливо сказал Саша, едва Святополк Володимирович начал со всей души пинать свежеубиенного. — Давай-давай, поторапливайся.

Я торопиться не могла, я спускалась по ступеням, глядя на обезумевшего князя, который всю свою ярость, страх за детей да злость вымешал на том, кому уже было все равно.

— Маргошша! — прикрикнул Кощей.

Поторопилась, подошла к нему и только тогда ощутила, что дорожку он уже активировал и парит в сантиметре над землей. Но странное дело, Саша вдруг задумался, нахмурился как-то и весь теперь был задумчивый.

— Что? — тихо спросила я.

— Забыл, как у них тут прощаются, — неожиданно признался он. — Не доводилось раньше, в смысле дело до прощаний не доходило, ибо прощаться было уже не с кем.

— Ну-у... а скажи ему всего доброго, — предложила я.

— Я — злой, — напомнил Стужев.

— Тогда не прощайся — реально проблемы не вижу.

— Я — воспитанный, — раздраженно сказали мне.

Как все сложно в сказочном мире! Саша, видимо, тоже так думал, потому что достал телефон и полез в Гугл.

— Саша, инет тут откуда? — удивилась я.

— Маг я или не маг? — отмахнулся Кощей.

— Но... — просто слов нет, — тут же вышек не имеется и спутников.

— А шесть ведьм мне на что? — не отвлекаясь от поиска, произнес он.
Да, важность шести ведьм становится все очевиднее.

— «У восточных славян ПРОЩАНИЕ при расставании подразумевало взаимное прощение грехов (в связи с этим „прощай!“ до сих пор употребляется при расставании надолго или навсегда в отличие от „до свидания!“)», — через мгновение зачитал он. И у меня спросил: — Это я ему должен сказать что-то типа «прости меня?».

Тут я не выдержала и громко сказала.

— До свидания, князь!

Святополк Володимирович охолонел и на нас посмотрел взглядом, в который точно разум возвращался.

— А-а, куда вы? — изумился он. — А как же пирком да отметить свадебку и от супостата окаянного избавление?!

Но мне не дали ему ничего ответить.

— Что значит «до свидания»? — зло переспросил Саша.

— Обычная форма прощения, — прошептала я.

— Ритусь, — меня властно обняли одной рукой и прижали к могучей груди, — еще одна такая «форма прощения», и князь ляжет рядом с этим, — кивком головы мне указали на темного, — и уже не поднимется.

В шоке смотрю на Стужева, князюшка местный уже никуда не смотрит — на цыпочках валит со двора, от греха подальше.

А мы взмыли вверх. И вот едва взлетели, Саша обнял и второй рукой, глубоко вздохнул всей грудью и счастливым голосом:

— Так-то лучше, не люблю прощания.

Да, изобретательность Кощея-младшего границ не ведает, как и тормозов.

А мы продолжали лететь над городом, над полями, над сказочной Террой.

— О чём думаешь? — осторожно спросил мой любимый злодей, гладя по волосам.

— Я счастливая, — вдруг призналась даже не ему — себе. — Самая счастливая на свете... Потому что у меня есть ты.

Эпилог

Мы шли по огромному столичному рынку в ярмарочный день — я, мои звери, часть моей армии и список покупок.

— Так, Волку новые сапоги? — зачитала я очередной пункт.

— Взяли, — подтвердил Серый.

— Ага, — нарисовала галочку. — Ежам рогатки?

— Есть! — ответил генерал Смертельная Тень. Глянула на семенящего на двух лапках с отчаянно гордым видом генерала, народ тоже оглядывался на ежа в зеленой бандане с россыпью медалек на груди. Это они с капитаном Острозубом моду завели — друг друга медалями награждать. Как ни приду — у них уже по две новенькие, и за захват очередной распоясавшейся кикиморы, и за самый крепкий узел, и за разжигание огня в условиях проливных дождей. Бойскауты, млин.

— Кстати, а рогатки вам зачем? — запоздало поинтересовалась я, просто на совете не успела.

— Помогать братьям Воинственным Белкам готовить припасы на зиму! — отрапортовал генерал.

— Это похвально, — заметила я и вновь углубилась в список. — Так, занавески.

— Купили, — ответила Лиса Патрикевна, — три набора.

— Ага. — И тут галочку. — Коту новые летописи, набор ручек и... Кот, — я остановилась, — планшет тебе зачем?!

Мой ученый несколько потупился, ковырнул лапой дорогу и промурлыкал:

— А не надо уже планшет, мне хозяин на китайском рынке закажет сразу два, чтобы с гарантией.

— Так-то так, но все-таки планшет тебе зачем?!

Кот как-то совсем засмутился и отвернулся даже.

— А он, он тоже трансляцию смотрит, — сдал, как и всегда, Колобок.

Я тормознула на месте! Это хорошо, что нас много и с нами волкодавы, потому как мы встали посреди дороги, а нас народ все равно огибает, хоть и толчея жуткая... То есть, извиняюсь, не волкодавы (они жутко на этот термин обижаются), а Смелые Волки, которые тоже в зеленых банданах и вместо медалек на груди гордятся шипастыми ошейниками... Кстати, да, тоже Стужев им приволок, и волочит до сих пор, скучая на том же китайском рынке. А теперь еще и это!

— Какая трансляция, Кот?! — сурово спросила я.

— Любопытная-мрр, — отводя глаза, мурлыкнул гад этот уклончивый.

— За ушком чесать не буду и гладить тоже! — психанула я.

— Шантажистка, — обиделся Кот.

— Последнее предупреждение!

Не выдержал Волк, подошел, лапой по плечу похлопал, типа оказал дружескую поддержку, и огорошил:

— Так второй месяц идет, «Последний злодей» называется. Там еще и акция имеется, типа поддержки злодея, пошли ему...

— Эсэмэс?! — предположила я.

— Не, какое сэмэсэ? — хмыкнул кот. — Еду послать можно, зеленюшку всяную, фруктец, а лучше оружия, еды у них и так хватает.

Несмотря на строй волко... Смелых Волков, народ уже начал роптать, ибо из-за остановившихся нас городок посетило такое досель невиданное явление, как пробка, но и уйти я не могла, потому как чувствую — что-то здесь дело нечисто! Проблема в том, что вот уже недель пять по вечерам Саша, привидение, Генри и Иван, едва я сяду заниматься с книгой, закрываются на кухне и ржут! Громко! Иногда угорают так, что на пол валятся, а мне не показывают! Нет, я бы заподозрила что-то пошлое или «Дом-два», например, но там угорать не над чем, а у этих от хохота порой дом трясется. И главное — пару раз слышала я это слово «трансляция».

— Еще раз, — старательно пытаюсь сохранять спокойствие, мне нервничать нельзя, у меня экзамен впереди, иначе плакал мой первый шабаш, — что это за «Последний злодей»?

Опять всех сдал Колобок.

— Так там две команды сражаются, — начал он торопливо. — Команда «Сыны Темного двора» и команда «Няшки анимешные».

Ой, что-то сердце нехорошо екнуло.

— У них там условия на грани выживания, — с жаром втянулся в разговор Серый Волк. — Планета такая, где снег и чудовищ много. И вот команды эти должны выжить и врага победить, для чего сражаются — кто больше чудовищ положит, у кого лучше цитадель будет, кто быстрее задание выполнит, и очки там набирают. Вот. И приз — единоразовый портал на возвращение домой. А еще, да, своему герою можно послать оружие или витамины всякие, у них же только мясо, в снегу не растет ничего.

— И голосованием зрителей можно иммунитет дать, — вставил снова Колобок, — чтобы, мол, кого там ранят или убьют, тому пузырек живой воды на восстановление, вот.

Стою как громом пораженная.

— Сейчас два лидера по голосованию, — опять Волк, — Дайрем, это капитан команды «Сыны Темного двора», и Денис, который Колдун, он один из ведущих игроков няшенской команды, завтра у них задание будет — добыть изумруд в пещере Печали, это будет ух!

Ух! Это точно, что ух!

— А еще говорят, что устроители игры вроде как согласились ввести третью команду, и в новом сезоне там будут драконы! — снова Колобок.

— Драконы? — переспросила я. — За что их?

— Как это «за что»? — не понял Волк. — Да все хотят, это вообще дискриминация, что разрешили только драконам! Говорят, заявку приняли от вампирш и банши, но там пока на рассмотрении.

Все, у меня шок! Окончательный и бесповоротный.

— Так. — Вдох-выдох, и, главное, не выругаться, иначе моя армия подхватит и рев «Мля» пронесется над всей ярмаркой. — Вопрос, и кто эту... трансляцию смотрит?

— Да все! — выдал вдруг капитан Острозуб. — Семья Кощеева в подключении никому не отказывает — бригада вылетела, бригада прилетела, оборудование подключила, ведьмы связь настроили и все, каждый вечер прямая трансляция, тока выбираешь какую команду смотреть хочешь или какого злодея.

И вот тут Кот сказал:

— Писец.

— Где писец? — вскинулись волк код... в смысле Смелые Волки.

— Здесь. — Кот плавно сделал шаг в сторону. — Стоит, глазками хлопает, но сейчас будет ругаться.

— Нет, не хлопает, — заметил Гусь, — это у нее глаз дергается.

— Нервы, мля, — глубокомысленно произнес капитан Воинственных Белок.

Судорожно сглотнув, я вернулась к списку, потому что я Яга, а мы, Яги, не орем на невинных жертв кощеевского влияния. И возобновив движение, я продолжила:

— Подарок на свадьбу Черному Дракону и Стефе и подарок на годовщину ее родителям?

— Есть. — Лисичка у меня умничка.

— Натирка для блюдечка с яблочком?

— Имеется. — Это уже Колобок.

Еще одна галочка.

— Новые струны для гуслей, прутья для метлы, набор противней для

печи?

— Взяли, — пискнула моя хозяйственная Мышка.

— Так, — я остановилась, вглядываясь в последний пункт в списке, причем почерк вроде мой, а вроде и нет, — а зачем нам кольцо?

Зверье мое сказочное недоуменно переглянулось.

— Странно, — главное, почерк на мой похож, а писала я зачем? — Тут и адрес — пятая улица, седьмая лавка. Странно, адресов же я не знаю местных. Может, Ядвиге надобно для обучающего процесса, она и подсказала? — предположила вслух.

— Сбегать? — вскинулся Острозуб.

Ядвига у нас, несмотря на все мои заверения, что никто ее не спишет в утиль, решила застраховаться от шредера и теперь находилась у мастера книгодела, который вшил ей стальные листы в обложку — нержавеющую сталь мы закупили на земле, тут такого не водилось.

— Ну, сбегай, спроси, — разрешила я, оглядывая окрестности.

Впереди как раз горела золотом и сверкала надпись: «Золотых дел мастер». Злая на некоторых я легко обогнала своих, постучалась в дверь — открыли ее волкодавы, они же первые скользнули внутрь, все проверили, потом впустили меня. Трижды прокляла фильм «Телохранитель», который им показал Саша. Главное, знал, гад, что делает, у меня теперь лучшая охрана на всей Терре.

Едва я вошла, навстречу шагнул приземистый коренастый бородатый мужчина, поклонился до земли и молвил:

— Гой еси, дева красная, уж не побрезгуй, не откажи в милости, не обидь отказом, примерь кольца червонного золота, погляди на браслеты серебра черного, каменья драгоценные, ожерелья самоцветные, не откажи убогому.

И вот сразу мне этот мужик не понравился. Вообще, не знаю даже почему, но не понравился. И уйти бы, но это его «уж не побрезгуй, не откажи в милости, не обидь отказом», как-то после такого уйти, даже не глянув на товар, было бы... некрасиво с моей стороны.

— Спасибо, добрый хозяин, — вежливо ответила я.

И повернувшись к кольцам, что сверкали на подставке черного бархата, вдруг подумала — а почему он волкодавов не испугался? Они у меня грозные, огромные, с ошейниками шипастыми и банданами — их тут все боятся. А этот почему-то...

В следующее мгновение думать о чем-либо я перестала. Нет, я никогда особо не любила украшения, и меня не привлекли ряды ювелирных шедевров эпохи Древней Руси, с огромными каменьями и из разных

сплавов драгоценных металлов. Меня не ослепил блеск россыпи самоцветов, что для пущего блеска в ларцах были расположены поближе к оконцам. Да и на ожерелья, выгодно разложенные на черном бархате, я не взглянула. Я видела только его — тоненькое колечко белого металла с крошечным камешком серо-голубого цвета. Оно было такое красивое, элегантное, притягательное в своей простоте, и мне, как никогда в жизни, захотелось его примерить.

Шаг, чувствуя, что блокнот со списком падает на пол.

Еще шаг, ручка выпала из ослабевших рук...

Последний шаг...

Я протягиваю руку, кончиками пальцев касаюсь завораживающее прекрасного кольца, чувствуя холодок металла и резко отдергиваю руку.

— Что же вы, али колечко не любо? — вопросил золотых дел мастер. — Не обижайте, примерьте.

Прозвучало как-то даже укоризненно. Я вновь протянула руку, взяла колечко, сверкнувшее камнем, и осторожно надела на безымянный палец правой руки, куда ободок идеально подошел по размеру...

И вдруг дверь распахнулась, и я услышала вопль Ядвиги:

— Рита, не смей!

Вздрогнула, изумленно глядя на мою обучательницу, а та в ужасе на меня.

— Поздно, — прозвучал насмешливый голос Навьего бога.

Медленно повернувшись, я увидела Касьяна! А тот, забавный такой, в одежонке, рассчитанной на рост как минимум на две головы ниже этой драбадыны, галантно поклонился, изdevательски-благодушно произнес:

— Добро пожаловать в семью, Маргарита. Уже официально и да — навечно.

Так и послышалось традиционное похоронное «Вечные пааамаяять»...

— Ироды! — возопила Ядвига. — Обман! Наглый! Подлог!

Зверье мое притихло, у меня вообще слов нет, а Ян с ухмылочкой:

— Какой еще подлог, Ядвига Фолиантовна? Леди сама вошла, сама кольцо выбрала, сама надела. Да ритуал чуть-чуть измени... модернизировали в соответствии с веяниями современности, но по факту — кольцо Рита надела сама.

— Да как у тебя язык поворачивается?! — заорала книга.

— Да что вы себе позволяете?! — возмутился Ян.

— Так, хватит! — пресекла я разборки и попыталась избавиться от украшения.

Кольцо на моем пальце сидело как влитое и сниматься отказывалось напрочь.

— Ядвига, это что за кольцо такое? — нервно спросила, чувствуя, что сейчас у кого-то будет истерика.

У меня, например.

— Обручальное, — пробурчала книга, — вроде как.

— Вроде как? — переспросила я.

Моя обучательница нахмурилась и вдруг как выдаст:

— А еще портал, знак личной собственности Ледяного Дракона, охранитель, подслушиватель, и... и я тебе не Гугл!

Что-то мне уже как-то нехорошо.

— А Гугл знает? — спросила с надеждой.

— Нет, — шепотом ответила Ядвига.

— Млин! — выругалась я. — Прибью Стужева. Просто прибью!

При...

Навий бог демонстративно достал часы, посмотрел на циферблат, улыбнулся мне и весело произнес:

— До убийства Коши осталась три... две... одна!

И меня вдруг утащило куда-то в непонятно куда.

А потом несло и несло сквозь облака, через туманы, над океаном ледяных скал и сквозь хрустальный воздух могучих гор. Над горами лететь было настолько жутко, что я зажмурилась от страха.

Но принесло в объятия. Крепкие, сильные и очень знакомые. И очень любимый издевательски-нагловатый голос произнес:

— Ты сама выбрала быстрый вариант свадьбы, Маргошик, так что не ругайся.

Медленно открыла один глаз, потом второй. Держал меня действительно Стужев, но одет он был странно — на голове венец с яркой сине-серой под цвет глаз каменюкой, на шее тоже кулон с мечтой каждого ювелира, и костюм — черный, бархатный, правда, серый сверкающий плащ смотрелся как-то... слишком пафосно, хотя если учесть венец...

— Саш, — после внимательно разглядывания произнесла я, — что это за история с трансляцией?

— Мм-м... — Меня осторожно поставили на ноги.

Вокруг царила какая-то странная настороженная тишина, но мне не до нее было.

— Ритусь, а может, мы о кольце поговорим и о том, как подлый я злодейски обманул тебя... в очередной раз? — с надеждой вопросил мой злодейский злодей.

— Генри учит решать проблемы последовательно, — напомнила я о надоевшем нам увлечении дворецким семейной психологией. — Но мы и до кольца дойдем. А сейчас, пожалуйста, объясни, что это за «Последний злодей», а?

Почему-то когда Стужев растерянно оглянулся на кого-то за моей спиной, я подумала: «Мало ли кто там шастает в сказочном мире», и вообще у меня не было никакого желания отвлекаться от семейной ссоры, которая, о чудо, происходит, наконец-то без участия чересчур умного Генри! И без Прива с очередным извинительным букетом! И без Ивана, который мне постоянно мягкие игрушки таскает! Мне за два месяца даже психануть толком не удалось! Не дают, гады.

— Ритусь, давай мы это позже обсудим, — с нажимом предложил Саша.

И снова за мою спину на кого-то с извиняющейся улыбкой посмотрел.

— Потом я буду учить, у меня экзамен завтра, — резонно возразила я, — и я его таки сдам и свалю на шабаш!

— Никакого шабаша! — забыв о том, кто там его отвлекал, рявкнул Кощей. А после уже сдержанно и разумно, как Генри учил: — Мы с тобой об этом уже говорили и достигли определенного соглашения...

— В соглашении указывалось, что я не посещаю шабаш, а ты выпускаешь Демона, Колдуна и остальных! — сорвалась я. — Прошел месяц, и что я узнаю?!

— Все, теперь точно шредер, — зло буркнул Саша.

— Это была не Ядвига! — заорала я. — А ты... ты не выполнил взятого на себя обязательства.

— Так они не хотят обратно! — вдруг тоже сорвался Кощей-младший. — Думаешь, я не предлагал? У обоих иммунитет и два права на возвращение, но куда там, они же звезды! У них слава, счет в лучших банках на Терре, по вечерам фанаты письма пишут, чем не жизнь?! В конце сезона выгоню насильно, естественно, но обе команды уже подали заявки на следующий.

Стою в шоке, сказать нечего. Просто нечего. Хотя кое-что сказать вполне имею право:

— Дорогой, по факту — условие не выполнено, следовательно, я лечу на шабаш.

Серый взгляд заледенел.

— Теперь переходим к вопросу с кольцом, — продолжила я.

Стужев усмехнулся и вдруг шагнул ко мне, уничтожая то малое пространство, что было между нами, склонился надо мной и прошипел:

— В общем так, Маргош, я — сволочь, злодей и вообще у меня характер поганый.

— Это мы знаем, — воинственно ответила я. — Ты у меня еще вампир, змей, оборотень, колдун, и вот, выясняется, что и какой-то там Ледяной Чешуйка!

— Дракон, — прошипел Кощей-младший. — У меня мать Снегурочка, а ее дед по материнской линии правитель Ледяных Гор, и я, соответственно, наследую их как последний Ледяной Дракон.

— Чешуйка! — не согласилась я. — Хотя теперь понимаю, откуда столь прогрессирующая клептомания! Но это мелочи, а ты, морда кощепастая, просто обязан объяснить, какого лешего на мне делает это кольцо, к чему цирк с Яном и почему нельзя было мне просто его дать со словами: «Рита, ты же хотела быструю свадьбу без заморочек!»

Высказавшись, смотрю на него. Он на меня. Я на него. Он... улыбнулся. Я почему-то тоже. У нас с Сашей два пути решения конфликтов — супружеский долг или просто смешно становится... а супружеский долг потом.

— Я тебя очень люблю, — тихо сказал Стужев, осторожно обнимая.

— Я тебя тоже, — не могу на него долго злиться, да и стремно — опять заявится круговорот утешителей — Генри с моралью, Прив с цветами и Иван с игрушками.

Стужев наклонился, нежно поцеловал и почему-то громко спросил:

— Маргарита, ты будешь моей женой?

— Саш, мы и так женаты, — напомнила я.

Улыбнулся, потом задумался, задал другой вопрос:

— Будь моей Ягой?

— Сашенька, Ёжки народ свободолюбивый, избушкой и зверем озабоченный, им не до Ледяных Чешук, правда.

У Князя взгляд вдруг стал такой коварно-азартный и он сделал третью попытку:

— Будь моей... ведьмой.

Я рассмеялась. С ведьмами вопрос был решен еще месяц назад, и все они перестали быть собственностью некоторых с клептоманечкой, и из собственности перешли в раздел наемных рабочих даже с зарплатой, так что...

— Да, любимый, — весело ответила я, приподнявшись на носочках и нежно поцеловав его, — я буду твоей ведьмой, твоим счастьем, твоим светом и твоей совестью, всем, кем попросишь. Только пожалуйста, попроси в следующий раз, а не ставь перед фактом, договорились?

Александр Мечеславович Стужев, наследник царства Кощеева, величественно кивнул и с нежностью, как самое бесценное свое сокровище, осторожно поцеловал. А я, как и всегда, таяла от любви в его сильных руках, чувствуя себя самой счастливой на свете...

— Мм, да, — прервав помутнение моего рассудка, произнес Саша, — совсем забыл о последнем факте.

— Каком? — настороженно переспросила я.

— Ты ведь помнишь, что я тебя очень люблю? А ты любишь меня? — уточнил Стужев.

И взгляд такой выжидательный. Вот под его взглядом я и кивнула... неуверенно.

— Не забывай об этом, пожалуйста, — попросил Кощей-младший.

И развернулся.

А там... там... были столы, под шатром накрытые! И арка из цветов! И шарики с надписями про свадьбу. Но это все мелочи, потому что там были мои родители! И родственники, и даже Ромка с Катей! И Сашины родители! И все его родственники! И князь местный со своей семьей! И темные, целая свита — какая-то злая женщина, причем действительно злая, и с ней штук сорок темных! И Ёжки! Все! И драконы! И вампиры! Вампирши в красных банданах, между прочим. И оборотни! И нечисть! Черти какие-то! И семья Змея Горыныча, то есть и Гад Змеевич, и Аспид Змеевич и Полоз Змеевич тоже. И Стефа со своим драконом и семьей. И... моя живность с краю, видимо, прибыли последними.

— Сюрпризец, да? — прошипела злая я Стужеву, оглядывая потрясенные лица моих родных.

Нет, ладно родня Кощеева, после всего, что мы у них устраивали, им уже не в новинку, но мои родители искренне верили, что Саша программист, а вовсе никак не гей-дизайнер и вообще вроде как хороший, несмотря на все наговоры Евгения из госслужб, а тот им много чего наговорил, это ж мы, оказывается, его подшefного водяного запретом обложили.

Медленно повернулась, посмотрела на Кощя-младшего — стоит, злодеюка кощеистая, и улыбается, ему, похоже, все нравится даже. Он вообще довольный и парадно-торжественный, а я растрепанная, в сарафане до полу, кроссах, потому как лапти — однозначно не мое, и волосы в небрежную косу собраны.

— Слушай, — прошептал Саша, обнимая со спины, — у нас свадьба вышла круче, чем у Адмаила. Позор Преисподней, таких разборок даже черти не устраивают.

— А-а, так это та самая свадьба, которую признают на Терре? — чувствуя, что свадьбу мы начнем с драки, протянула я.

А чего — на каждой свадьбе должна быть драка, так что все по протоколу.

— По сути, нет, — меня нежно в щечку поцеловали. — Это так, пирушка, а брак заключен с момента, как ты надела мое кольцо, и... — Стужев вдруг понизил голос и прошептал едва слышно, но очень коварно: — И теперь ты моя собственность, Маргош, абсолютно и полностью, вся, навечно.

Наверное, у меня мимика очень выразительная, потому как Кот Ученый вдруг предложил:

— Кочергу, хозяйка?

— Топорок? — вставил Серый Волк.

— Мечец-кладенец? — Гусь у меня злопамятный.

Саша рассмеялся и произнес:

— Нравится мне твоя сказочная живность... тебя напоминает.

— Да, — с трудом сдерживаясь, ответила, — я тебя тоже очень люблю. Котик, давай кочергу!

Но вместо кочерги мой родной умненький Кот протянул переданный ему привидением букет. Извинительный который! В белоснежных лилиях пряталась записка. Молча достала, открыла и прочла написанное не Генри — почерк был Стужевский: «Прости мою драконью клептоманскую сущность, я не мог иначе».

Смыв записку, посмотрела на Сашу, он на меня, я на него, он улыбнулся... я тоже.